

ПРИДЕ ПОСТ

ЧТЕНИЕ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ
ВЕЛИКОГО ПОСТА

Свет Христов просвещает всех

**Прииде пост. Чтения на
каждый день Великого поста**

«Лепта Книга»

2013

УДК 271.22(470+571)-565.4-29
ББК 86.372

Прииде пост. Чтения на каждый день Великого поста / «Лепта Книга», 2013 — (Свет Христов просвещает всех)

ISBN 978-5-91173-289-9

Вашему вниманию предлагается уникальное издание, в котором собраны тексты для душеполезного чтения в дни Великого поста. Книга составлена с ориентацией на древнюю православную традицию, согласно которой из будничных богослужений и вообще из ежедневного чтения в период Св. Четырехдесятницы исключаются Евангелие и Апостол. Вместо них верующим для создания покаянного, духовно сокрушенного настроения церковный устав предлагает поучения великих учителей-аскетов древности (прп. Ефрема Сирина, прп. Феодора Студита и др.), «Лествицу» прп. Иоанна Лествичника, а также «Лавсаик» еп. Палладия – сборник житий древних святых, особенно угодивших Господу своим постничеством, воздержанием и любовью к Богу и ближним. Такая структура чтения – тоже своего рода духовный пост, символизирующий наше недостойное состояние, стремление к покаянию и горячее ожидание радостного известия о Воскресении Спасителя. Это – одна из важнейших граней подготовки к празднику Пасхи, подготовки, составляющей основную цель Великого поста. Книга дополнена проповедями и словами близких к нам по времени святителей, новомучеников, выдающихся пастырей современности и недавнего прошлого, которые раскрывают различные стороны истинного христианского вероучения на фоне великопостного аскетического делания, показывают подлинный смысл Православия, его миссии в современном «пост-христианском», зараженном грехом мире.

УДК 271.22(470+571)-565.4-29

ББК 86.372

ISBN 978-5-91173-289-9

, 2013

© Лепта Книга, 2013

Содержание

О Великом посте, особенностях великопостных богослужений, о чтении в дни Великого поста за богослужением и дома	9
Общие понятия о посте	9
Великий пост	10
Структура и особенности богослужения Великого поста	12
Чтение в период Великого поста в храме и дома	15
Понедельник 1-й седмицы Великого поста	16
Прп. Ефрем Сирийский. О посте	16
Прп. Ефрем Сирийский. Обличение самому себе и исповедь	19
Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов	22
Предисловие	22
Письмо, писанное епископом Палладием правителю Лавсу	23
Лествица	24
Слово 1. Об отречении от жития мирского	24
Песнопения 1-й седмицы Великого поста	28
Вторник 1-й седмицы Великого поста	29
Свт. Василий Великий. Беседа о посте первая	29
Лавсаик	36
Об Исидоре-странноприимце	36
О Дорофее	36
Лествица	38
Слово 2. О беспристрастии, то есть отложении попечений и печали о мире	38
Слово 3. О странничестве, то есть, уклонении от мира	39
О сновидениях, бывающих новоначальным	42
Песнопения 1-й седмицы Великого поста	43
Среда 1-й седмицы Великого поста	44
Прп. Феодор Студит. Поучение в среду первой недели Великого поста. О посте, бесстрастии и чистоте	45
Лавсаик	47
О Потамиене	47
О слепце Дидиме	47
Об Александре	48
Лествица	49
Слово 4. О блаженном и приснопамятном послушании	49
О разбойнике покаявшемся	50
Об Исидоре	52
Архиеп. Аверкий (Таушев). Сущность поста и современное непонимание поста	54
Песнопения 1-й седмицы Великого поста	57
Четверг 1-й седмицы Великого поста	58
Лавсаик	58
О сребролюбивой девственнице	58
О нитрийских подвижниках	59
Лествица	60

Слово 4. О блаженном и приснопамятном послушании (продолжение) О Лаврентии	60
Об экономе	60
Об Аввакуме	61
Об архидиаконе Македонии	61
О преподобном Мине	62
Архиеп. Филарет (Гумилевский). Слово в четверток 1-й недели Великого поста	65
Митр. Филарет (Вознесенский). Слово после чтения Канона прп. Андрея Критского	68
Песнопения 1-й седмицы Великого поста	70
Пятница 1-й седмицы Великого поста	71
Прп. Феодор Студит. Поучение в пяток 1-й недели Великого Поста. О том, чтобы нам украшать вечную свою обитель божественною добродетелию	71
Лавсаик	73
Об Аммуне	73
Лествица	75
Слово 4. О блаженном и приснопамятном послушании (продолжение)	75
О первом обольщении	76
О втором обольщении	76
Свт. Игнатий (Брянчанинов). Поучение в пяток 1-й недели Великого поста	80
Песнопения 1-й седмицы Великого поста	83
Суббота 1-й седмицы Великого поста	84
Житие мч. Феодора Тирона	85
Тропарь святому Феодору Тирону	86
Кондак святому Феодору Тирону	87
Свт. Филарет Московский (Дроздов). Слово в субботу 1-й недели Великого поста	88
Песнопения 1-й седмицы Великого поста	91
Неделя 1-я Великого поста. Торжество Православия	92
Из Последования в Неделю Православия	93
Прп. Феодор Студит. Поучение в Неделю Православия. О том, чтобы сверх силы не подвизаться в божественных подвигах, и чтобы питать душу духовными созерцаниями.	94
Свт. Игнатий (Брянчанинов). О Православии	95
Свт. Мефодий Константинопольский. Слово в Неделю Православия. О святых иконах	99
Свт. Лука Крымский (Войно-Ясенецкий)	103
Слово в Неделю Торжества Православия о ересях	103
Торжество Православия	105
Понедельник 2-й седмицы Великого поста	109
Лавсаик	109
Об Оре	109
О Памво	110
Лествица	111

Слово 4. О блаженном и приснопамятном послушании (окончание)	111
О преподобном Акакии	112
Об Иоанне Савваите или Антиохе	112
Архиеп. Аверкий (Таушев). Почему должны мы поститься?	116
Вторник 2-й седмицы Великого поста	119
Лавсаик	119
О Пиоре	119
Об Аммонии	119
О Вениамине	120
Об Аполлонии	120
Лествица	121
Слово 5. О попечительном и действительном покаянии и также о житии святых осужденников и о Темнице	121
Архиеп. Аверкий (Таушев). Почему должны мы поститься? (окончание)	127
Среда 2-й седмицы Великого поста	130
Прп. Феодор Студит. Поучение в среду второй недели Великого Поста. О том, чтобы блюсти душу от смертоносных страстей	130
Лавсаик	132
О Паисии и Исаии	132
О Макарии, совершившем невольное убийство	133
О Нафанаиле	133
Лествица	135
Слово 6. О памяти смерти	135
Четверток 2-й седмицы Великого поста	138
Лавсаик	138
О Макарии Египетском	138
Лествица	141
Слово 7. О радостотворном плаче	141
Сщмч. Иоанн Восторгов. Православие – вера подвижническая	147
Конец ознакомительного фрагмента.	148

**Прииде пост. Чтения на
каждый день Великого поста**

Д. Болотина, О. Голосова

© Издательство «Лепта Книга», оформление, 2013

© Голосова О., Болотина Д., сост., 2013

О Великом посте, особенностях великопостных богослужений, о чтении в дни Великого поста за богослужением и дома

Общие понятия о посте

Первая заповедь, данная Богом человечеству, – о посте. Она была необходима для нас в раю, до грехопадения. Сотворив человека, Господь стал учить его любви. Для этого Он и дал Адаму и Еве маленькую, не трудную заповедь – не есть плодов с дерева познания добра и зла. Исполняя повеление, или желание Божие, люди могли проявить этим свою любовь к Нему. Поскольку Господь не хотел, чтобы человек делал что-либо по принуждению, Он дал ему свободную волю – чтобы свою любовь к Богу Адам и Ева проявляли добровольно. После грехопадения и изгнания из рая заповедь о посте, как проявление нашей добровольной любви к Богу, стала еще нужнее. Мы должны поститься, исполняя ее.

Сам Спаситель постился сорок дней и сорок ночей, оставив нам пример (1 Пет. 2, 21), чтобы и мы по силе нашей хранили пост в Святую Четыредесятницу. Постились и святые апостолы, как об этом говорится в Деяниях.

Пост служит для нас необходимым средством к нашему освящению и единению с Богом, средством к живому участию в жизни, страданиях, смерти и славе Богочеловека и святых Его. С давних пор христиане добровольно лишали себя удобств, удовольствий, жизненного комфорта, противопоставляя этому пост, поклоны, молитвенные бдения, стояния, хождение по святым местам, паломничество ко святыням. Это всегда считалось лучшим и живым свидетельством веры.

Мы еще более оценим значение поста, если вспомним, что он состоит не только в том, чтобы заменить скоромную пищу постною, но и в том, чтобы ограничивать себя в излишествах и прихотях, например, меньше спать, удерживаться от лакомств, курения и т. п. Наконец, Церковь требует от нас и духовного воздержания. Во время поста мы должны особенно заботиться о подавлении и искоренении своих дурных наклонностей, привычек и желаний.

По этому поводу свт. Иоанн Златоуст говорил так: «Ты не можешь поститься? Но почему ты не можешь простить обиду твоему другу? Перемени свой нрав: если ты зол – старайся быть кротким; если мстителен – не мсти; любишь злословить и сплетничать – воздержись и т. д. Делай в дни поста побольше добра, будь участливее к людям, охотней помогай нуждающимся в твоей помощи, молись усерднее, теплее и т. п. Во всех этих направлениях пост открывает тебе широкое поле для работы над самим собою – только имей охоту трудиться!»

Из года в год мы привыкли хранить пост слишком внешне, слишком формально, часто сводя его к соблюдению одной диеты, не прибавляя молитвы и не углубляясь в осознание своего пути ко Христу, в осознание той тайны, которая открывается нам в это время. К каждому из нас на самом деле приближается Господь, поэтому осознаем еще раз, что худшее из всего, что может быть с нами, это – теплохладность, это – внешнее формальное соблюдение поста. Постараемся с самого начала (не в конце, как это бывает, когда на общей исповеди мы вспоминаем все в завершение поста, называя этот грех прежде всего) углубить наш пост, приближаясь к Богу не только чтением Священного Писания (в особенности пророков), не только чтением Псалтири и молитв (это обязательно) и более частым посещением храма (это существенно и необходимо), но именно приобщением к самому главному, что есть во Христе, – Его любви. Его причастности к страданию и судьбе каждого живого человека, чтобы тайна Христова Воплощения становилась в течение поста нашим живым знанием.

Великий пост

– это важнейший и самый древний из многодневных постов, это время приготовления к самому большому празднику – празднику Святой Пасхи. Он напоминает нам о сорокадневном посте Спасителя в пустыне; он же вводит нас в Страстную седмицу и затем к радостям Праздника праздников – Светлого Христова Воскресения.

Период Великого поста является самым красивым, назидательным, поучительным и трогательным временем в православном календаре. Эти дни начинаются Прощеным Воскресением, когда мы у всех просим прощения и всех прощаем. Этот период полон молитв, служб, духовных и телесных подвигов и завершается торжеством Воскресения Христова – Пасхой. Великий пост – это время исправления, духовного и телесного подвига, а Пасха – главное Православное торжество, торжество христианской веры.

Пост есть одно из самых сильных средств для изменения себя к лучшему. Это время усиленного воздержания от всего плохого и стремления ко всему хорошему. Этот духовный пост и есть самое главное, но он невозможен без телесного. В посте мы очищаем свою душу, и к нему нужно подходить с радостью.

Во время поста нужно создать для себя такой строй жизни, чтобы он как щит, как невидимый железный панцирь защищал нас от греховного мира. Мы будем продолжать жить в миру, а духом совершать паломничество в монастырь. Это будет способствовать молитве, уединению, размышлению, самонаблюдению, самоисправлению, духовному чтению, воздержанию от греховных дел, слов и мыслей, борьбе с нашими слабостями и греховными привычками и всеобщему духовному росту.

К правилам поста нужно стремиться, но выполнение их зависит от наших сил и обстоятельств. Конечно же, для каждого человека время проведения Великого поста индивидуально распадается на множество его особенных маленьких подвигов, маленьких усилий. Но, тем не менее, можно выделить некоторые, общие для всех, направления наших духовно-аскетических и нравственных усилий в Великий пост.

Наверное, мы не погрешим, если определим эти направления следующим образом. Это должны быть усилия по организации нашей духовно-молитвенной жизни, усилия по отсечению тех или иных внешних развлечений и попечений. И, наконец, это должны быть усилия, направленные на то, чтобы наши отношения с ближними сделать более глубокими, содержательными, исполненными любви и жертвенности с нашей стороны.

Но самое главное – это даже не воздержание в пище (которое, как мы уже говорили, является лишь средством), а особая организация нашей духовно-молитвенной жизни в Великий пост. Конечно же, пост тем и отличается, что предполагает (как в Церковном уставе, так и в личном келейном правиле) большую меру нашей ответственности. Если в прочее время мы, бывает, потакаем себе, снисходим к себе, говорим, что устаем, много работаем или о том, что у нас домашние попечения, сокращаем молитвенное правило, не доходим до всенощной под воскресный день, пораньше уходим с богослужения, – у каждого наберутся такого рода саможаления, – то Великий пост начать бы с того, чтобы все эти, проистекающие из саможаления сокращения и опущения упразднить. Но тот, кто имеет уже навык чтения целиком утренних и вечерних молитв, пусть постарается делать это неопустительно хотя бы весь Великий пост.

Стоит добавить к домашнему правилу молитву прп. Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего». Она многократно читается в храме в будничные дни Великого поста, потому естественно ей войти и в молитвенное правило дома. Для тех, кто уже имеет известную меру церковности, несколько лет регулярно посещает храм и как-то радеет о большей мере приобщения к великопостному строю молитвы, можно порекомендовать вычитывать дома хотя бы некоторые части из каждодневных последований Триоди Постной. В этой книге на каждый

день Великого поста есть каноны, трипеснцы, двупеснцы, четверопеснцы, которые сообразны смыслу и содержанию определенной недели поста и, самое главное, располагают нас к покаянию.

Безусловно, хорошо было бы для тех, кто имеет такую возможность и молитвенное усердие, и дома также прочитывать в свободное имеющееся время – вместе ли с утренними и вечерними молитвами или отдельно от них, – каноны из Триоди Постной или другие песнопения и молитвы. Скажем, не были на утреннем богослужении – почитали стихиры, которые поются на вечерне или на утрени соответствующего дня.

Еще важнее в Великий пост бывать не только на субботних, воскресных, но и на будничных богослужениях. Потому что только здесь познаются особенности богослужебного строя поста. В субботу служится Литургия свт. Иоанна Златоуста, такая же, как и в другое время церковного года. В воскресенье, правда, Литургия свт. Василия Великого, но она с точки зрения звучания отличается лишь несколькими песнопениями. А вот на будничной службе нам открывается как бы весь покаянный строй великопостной службы. Многократные повторения молитвы прп. Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего», умиленное пение тропарей часа – первого, третьего, шестого и девятого часов с земными поклонами. Наконец, сама Литургия Преждеосвященных Даров вместе с ее песнопениями, сокрушающими даже самое окамененное сердце... Не помолившись на таковых богослужениях, не приобщившись к ним, мы и не поймем, какое богатство духовное открывается нам в великопостных службах.

Поэтому, конечно, каждый должен постараться хотя бы несколько раз за Великий пост раздвинуть жизненные обстоятельства – работу, учебу, житейские попечения – и выбраться на великопостные службы.

Структура и особенности богослужения Великого поста

Великий пост делится на Четыредесятницу (первые сорок дней) и Страстную Седмицу (неделя перед Пасхой). Между ними находятся праздники: Лазарева суббота (торжество воскрешения св. прав. Лазаря) и Вход Господень в Иерусалим (Вербное Воскресенье). Таким образом, Великий пост длится семь недель (вернее, 48 дней).

Первая неделя поста, вместе с последней, отличается своей строгостью, а богослужения – продолжительностью.

Св. Четыредесятница, которая напоминает нам о сорока днях, проведенных Иисусом Христом в пустыне, начинается с понедельника, называемого Чистым.

Во всей Четыредесятнице (т. е. исключая Вербное воскресенье) – 5 воскресных дней, из которых каждый посвящен особому воспоминанию. Каждая из семи недель называется, по порядку наступления: первой, второй и т. д. седмицей Великого поста. Богослужение отличается тем, что во все продолжение Св. Четыредесятницы по понедельникам, вторникам и четвергам не бывает литургии (если в эти дни не случается праздника). Утром совершаются утреня, часы с некоторыми вставными частями и вечерня. Вечером же вместо вечерни совершается великое повечерие.

По средам и пятницам совершается Литургия Преждеосвященных Даров, в первые пять воскресений Великого поста – Литургия Св. Василия Великого, которая совершается также в Великий Четверг и в Великую Субботу Страстной седмицы. По субботам в период Св. Четыредесятницы совершается обычная Литургия Иоанна Златоуста.

Первые четыре дня Великого поста (с понедельника по четверг) вечером в православных храмах читается Великий Канон прп. Андрея Критского – вдохновенное произведение, излившееся из глубины сокрушенного сердца святого человека. Православные люди всегда стараются не пропустить этих поразительных по силе воздействия на душу служб.

В первую пятницу Великого поста положенная в этот день по Уставу Литургия Преждеосвященных Даров завершается не совсем обычно. Читается канон св. вмч. Феодору Тирону, после чего на середину храма выносятся коливо – смесь из вареной пшеницы и меда, которую священник благословляет с чтением особой молитвы, а затем коливо раздается верующим.

В первое воскресенье Великого поста совершается так называемое «Торжество православия», установленное при царице Феодоре в 842 г. о победе православных на Седьмом Вселенском соборе. Во время этого праздника выставляются, в середине храма полукругом, на аналоях (высокие столики для икон) храмовые иконы. В конце литургии священнослужители совершают молебное пение на середине храма перед иконами Спасителя и Божией Матери, молясь Господу об утверждении в вере православных христиан и обращении на путь истины всех отступивших от Церкви. Диакон затем громко читает Символ веры и произносит анафему, т. е. объявляет об отделении от Церкви всех, кто осмеливается исказить истины Православной веры, и «вечную память» всем скончавшимся защитникам веры Православной, а живущим – «многая лета».

Во второе воскресенье Великого поста Русская Православная Церковь вспоминает одного из великих богословов – свт. Григория Паламу, архиепископа Фессалоникийского (Солунского), жившего в XIV веке. Согласно с православной верой он учил, что за подвиг поста и молитвы Господь озаряет верующих благодатным Своим светом, каким сиял Господь на Фаворе. По той причине, что свт. Григорий раскрыл учение о силе поста и молитвы, и установлено совершать его память во второе воскресенье Великого поста.

В третье воскресенье Великого поста за всенощной выносятся после Великого славословия Святой Крест и предлагается для поклонения верующим. При поклонении Кресту

Церковь поет: *«Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим»*. Эта песнь поется и на литургии вместо Трисвятого. Церковь выставляет в середине Четыредесятницы верующим Крест для того, чтобы напоминанием о страданиях и смерти Господней воодушевить и укрепить постящихся к продолжению подвига поста. Св. Крест остается для поклонения в течение недели до пятницы, когда он, после часов, перед литургией вносится обратно в алтарь. Поэтому третье воскресенье и четвертая седмица Великого поста называются Крестопоклонными.

Среда четвертой, Крестопоклонной, недели называется «преполовением» Св. Четыредесятницы (в просторечии «средокрестье»). Это означает, что в этот день мы проходим ровно половину Великопостного подвига.

В четвертое воскресенье вспоминается прп. Иоанн Лествичник, написавший сочинение, в котором показал лестницу, или порядок добрых деяний, приводящих нас к Престолу Божию.

В четверг на пятой неделе совершается память прп. Марии Египетской. По традиции накануне в среду вечером совершается утренняя с так называемым «стоянием прп. Марии Египетской» («Мариино стояние» или «Андреево стояние»), когда читается Великий канон св. Андрея Критского, тот самый, который читается в первые четыре дня Великого поста, и житие прп. Марии Египетской. Это вечернее богослужение продолжается 5–7 часов и сопровождается множеством земных поклонов.

В субботу на пятой неделе совершается «Похвала Пресвятой Богородице». Накануне, в пятницу вечером на утрени субботы, торжественно читается (поется) акафист Богородице. В некоторых храмах пение праздничного акафиста совершается не только церковным хором, но и всеми прихожанами вместе. Эта служба установлена в Греции в благодарность Богородице за неоднократное избавление Ею Царьграда от врагов. У нас акафист «Похвала Богородице» совершается для утверждения верующих в надежде на Небесную Заступницу.

В пятое воскресенье Великого поста вновь совершается память **прп. Марии Египетской**. Жизнь ее, прежде великой грешницы, должна служить для всех примером истинного покаяния и убеждать всех в неизреченном милосердии Божиим. Церковь дает в лице преподобной образец истинного покаяния и, для ободрения духовно-труждающихся, указывает пример неизреченного милосердия Божия к кающимся грешникам.

Шестая седмица посвящена приготовлению постящихся к достойной встрече Господа и к воспоминанию Страстей Господних.

Лазарева суббота приходится на 6-ю неделю Великого поста; между Четыредесятницей и Входом Господним в Иерусалим. Богослужение в Лазареву субботу отличается необыкновенной проникновенностью, значимостью, на нем вспоминается воскресение Иисусом Христом Лазаря.

В шестое воскресенье Великого поста отмечается великий двенадцатый праздник – **Вход Господень в Иерусалим**. Этот праздник иначе называется Вербным воскресеньем, Неделей Ваий и Цветоносной. На всенощной после прочтения Евангелия не поется «Воскресение Христово видевшие...», а читается непосредственно 50-й псалом и освящаются, молитвой и окроплением св. воды, распускающиеся ветви вербы (ваиа) или других растений. Освященные ветви раздаются молящимся, с которыми, при зажженных свечах, верующие стоят до конца службы, знаменуя победу жизни над смертью (Воскресение). С вечерни в Вербное воскресенье отпуст начинается словами: «Грядый Господь на вольную страсть нашего ради спасения, Христос Истинный Бог наш» и т. д.

Страстная седмица – это последняя неделя Великого поста. Эта неделя (точнее, шесть дней) посвящена воспоминаниям страданий, смерти на Кресте и погребению Иисуса Христа. По величию воспоминаемых событий все дни Страстной Недели называются Великими. Особенно умилительны воспоминаниями, молитвами и напевами последние три дня.

Великие Понедельник, Вторник и Среда этой седмицы посвящены воспоминанию последних бесед Господа Иисуса Христа с народом и учениками. Особенности богослужения первых трех дней Страстной Седмицы состоят в следующем: на утрени, после шестопсалмия и «Аллилуия» поется тропарь: «Се Жених грядет в полунощи», а после канона поется песнь: «Чертог Твой вижду, Спасе мой». Все эти три дня совершается Литургия Преждеосвященных Даров, с чтением Евангелия. Евангелие читается и на утренях.

В Великую Среду Страстной седмицы воспоминается предательство Иисуса Христа Иудой Искаротским.

В Великий Четверг воспоминается важнейшее событие – установление Спасителем Таинства Евхаристии – причащения Его Телом и Кровью. В этот же день на вечернем богослужении (которое есть утренняя *Великой пятницы*) читаются двенадцать частей Евангелия о страданиях Иисуса Христа.

В Великую Пятницу во время вечерни (которая служится в 2 или 3 ч. дня) выносятся из алтаря и полагается на середину храма Плащаница, т. е. священное изображение Спасителя, лежащего во гробе; таким образом совершается воспоминание снятия с Креста Тела Христова и погребения Его. В этот же день вечером, т. е. на утрени *Великой Субботы*, совершается Погребение Спасителя. После соответствующего умиленного богослужения, при погребальном звоне колоколов и при пении «*Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас*», – Плащаница обносится вокруг храма в воспоминание смерти Господа Иисуса Христа.

В Великую Субботу воспоминается сошествие Иисуса Христа в ад, когда телом Он пребывал во гробе, а также победа Его над адом и смертью. Во время Божественной литургии, соединенной со службой вечерни, читаются многочисленные ветхозаветные пророчества о Спасителе и Его Преславном Воскресении.

Чтение в период Великого поста в храме и дома

Важно отметить, что в будние дни Великого поста (в отличие от субботних и воскресных) в храме не читаются книги Нового Завета – Апостол и Евангелие, – которые в остальные дни года непременно присутствуют в богослужебном строе. Вместо Благой Вести (Евангелия) о Спасителе мира верующим для создания покаянного, духовно сокрушенного настроения предлагаются ветхозаветные чтения: история человечества, его грехопадения и жизни до Пришествия Спасителя по Книге Бытия; пророчества об Иисусе Христе (главным образом, св. пророка Исаии); душеполезные поучения из Книги Премудрости Соломоновой и большое количество покаянных псалмов из книги Псалтирь. Кроме того, Церковный устав предписывает в ежедневное чтение в храме во время богослужения обязательно включать поучения великих учителей-аскетов древности, в первую очередь прп. Ефрема Сирина и Феодора Студита, а также фрагменты из знаменитейшего «учебника» покаяния и пути ко спасению – «Лествицы» прп. Иоанна Лествичника и назидательного сочинения «Лавсаик», представляющего собой жизнеописания древних святых, угодивших Господу своим постничеством, воздержанием и любовью к Богу и ближним.

(Однако нельзя забывать, что в дни Страстной Седмицы чтение Св. Евангелия в храме, напротив, занимает центральное место. Помимо определенных отрывков («зачал»), повествующих о воспоминаемых в каждый из последних дней жизни Спасителя событий, читаемых во время богослужений утрени и Литургии Преждеосвященных Даров, на службе часов в Великий Понедельник, Вторник и Среду Устав предписывает прочитывать Четвероевангелие целиком. Тем же прихожанам, которые не могут присутствовать на службах Великих дней, опытные духовники часто рекомендуют на Страстной прочитывать все Евангелие дома. Кроме того, как уже говорилось, вечером в Великий Четверг на службе утрени Великой Пятницы звучат двенадцать больших отрывков, повествующих о страданиях, Распятии и Крестной смерти Господа Иисуса Христа.)

Ограничение себя в чтении и слушании Благой Вести в дни Четыредесятницы – тоже своего рода духовный пост, символизирующий наше недостойнство и стремление к покаянию, помогающий нам подготовиться и горячее ожидание радостного известия о Воскресении Спасителя. Это – одна из граней подготовки к празднику Пасхи, подготовки, составляющей основную цель Великого поста.

Это касается и изменения в молитвенном правиле верующих. Так, опытные духовники не рекомендуют верующим в период Четыредесятницы и Страстной Седмицы читать столь полюбившиеся многим «радостные» молитвословия – акафисты иконам Божией Матери, почитаемым святым и т. д. Ведь внутренний настрой акафиста, многократное повторение слова «радуйся» совершенно не соответствует цели, духу и внутреннему содержанию Великого поста. Исключение делается только для праздника Похвалы Божией Матери, когда Великий Акафист Царице Небесной поется соборно за богослужением накануне субботы пятой недели Великого поста.

Совершенно естественным будет и в домашнем молитвенном правиле во время Великого поста следовать таким же соображениям: отложив на время Св. Евангелие, Деяния и Послания свв. апостолов, открыть для себя сокровищницу Ветхозаветных пророчеств, аскетических поучений и житий святых. Этими обстоятельствами руководствовались и составители настоящего издания, подбирая для вас, дорогие читатели, наиболее интересные, полезные и соответствующие древней православной традиции тексты для чтения в период Св. Четыредесятницы и Страстной Седмицы.

Понедельник 1-й седмицы Великого поста

Прп. Ефрем Сирин. О посте

Се, ныне время благоприятно, се, ныне день спасения (2 Кор. 6, 2). Настало теперь время, в которое приемлются молитвы и моления.

Царствие Божие близко теперь ко всякому, кто служит Богу в правде, потому что настали дни чистого поста для того, кто действительно в чистоте постится.

Итак, возлюбленные, будем содержать пост сей с ревностью и с чистым сердцем, потому что он сладостен и приятен для провождающих дни эти свято. Сей святой пост употребим на брань с диаволом, потому что без поста и молитвы никто не может победить лукавого. Сей пост употребим, возлюбленные, чтобы просить и молить милосердия у Всеблагого и Милосердного, Который не отвергает просящего. Сей пост, возлюбленные, отверзает дверь небесную, потому что подымлет нас с земли и возносит в высоту.

Сей пост, возлюбленные, радует Ангелов и Хранителей наших, потому что посредством поста и молитвы делаемся их сродниками. Сему посту радуется и Христос Господь наш, если только постимся с любовью, надеждой и верой.

Посту этому, возлюбленные, радуются святые пророки, о нем ликуют апостолы и мученики, потому что все они с неутомимой ревностью подвизались в посте.

Сей пост, возлюбленные, содержал и кроткий Моисей и им-то творил чудеса, за него удостоен видеть Бога. Сей пост, возлюбленные, соблюдал и Илия и удостоился за это на огненной колеснице вознестись на небо. Сей пост, возлюбленные, сохранял достолюбезный юноша Даниил, и был за это прославлен, заградил уста львов. В этом посте, возлюбленные, со святой ревностью подвизались три отрока, вверженные в печь, и угасили силу огненную.

Сей пост, возлюбленные, соблюдали святые пророки, по сорок дней проводя без хлеба и воды.

И апостолы, ученики Господа нашего и проповедники веры, содержали сей святой пост, хотя переходили с места на место. Сам Спаситель наш содержал пост и научил нас, как должны мы поститься, вести брань с лукавым и одолевать сатану.

Итак, возлюбленные, будем и мы содержать пост сей ревностно, как научены Господом нашим, чтобы некогда иметь нам часть в Царстве Его.

Да содержат же святой пост сей преимущественно иереи, в чистоте, непорочно, свято, без всякой скверны. Да содержат его также строже прочих диаконы и да служат Богу свято, ратоборствуя с лукавым. Да содержат сей пост и все старцы, облакаясь в сетование о прежних своих грехах и беззакониях. Да содержат сей святой пост мужья вместе со своими женами, храня себя чистыми от всяких обольщений, какие непрестанно вымышляет лукавый. Да содержат пост сей и девы, чтобы им, когда паки приидет Господь наш во славе, войти с Ним вместе в брачный чертог. Да содержат святой пост сей и родители и да просят при этом детям своим Божия милосердия. И юность, возлюбленные, да содержит пост сей, потому что ей надобно мужественно сражаться с человекоубийцею диаволом. Даже и дети, как самые малые, так и более взрослые, да содержат совокупно святой пост сей, иные до трех, а иные до шести и до девяти часов. Вся Церковь и все ее чада, всякого состояния и чина, да постятся и с горячей любовью да просят и умоляют Бога. Да постятся и молятся в это время поста богатые и да уделяют милостыни сиротам, бедствующим и нищим. Да постятся и молятся в сей святой пост нищие, умоляя Спасителя нашего, чтобы удовлетворил их нуждам. Да постятся и молятся Христу во время поста этого сироты, взывая к Богу, чтобы стал для них Отцом и Господом. Много да постятся вдовы, умоляя Христа, чтобы вместо мужей Он пропитал и охранял их во вдовстве.

С помощью сего святого поста человек возносится на небо и воспаряет в рай, если только постится в совершенной чистоте. Сим святым постом человек прославляет Бога, и всякому, кто ревностно соблюдает пост, отверзает Он дверь милосердия.

Сей святой пост содержала Ниневия, подвигнутая проповедью Ионы; и люди, и скоты постились сорок дней. Сим святым постом прославились патриархи, пророки, праведные и все благочестивые. Святому посту сему учили апостолы, ученики Сына Божия, и привели народы от заблуждения к истине. Этим святым постом благословенные и победоносные мученики укрепляли тела свои, идя на меч, огонь и всякие мучения. О, как велик ты, день поста! Блажен, кто проводит тебя как должно. Всякий, кто подчиняется тебе, на крыльях возносится на небо. Но кто, постясь, ненавидит брата своего, тот пред Богом то же, что предающийся объедению, потому что он исполнен обмана и ненависти и утратил любовь нашего Господа. Кто постится и гневается и таит в сердце своем вражду, тот ненавидит Бога, и спасение далеко от него.

О, как прекрасна ты, молитва! Блажен, кто ревностно упражняется в молитве; к нему, если только он чист от всякого обмана, не приблизится лукавый. Но обрати внимание на то, что Спаситель наш сказал чистому стаду учеников Своих, когда учил их молитве: *Отче наш, Иже еси на небесех*. Он учит нас молиться: *и остави нам долги наши, яко и мы оставляем должником нашим* (Мф. 6, 9, 12). Итак, смотри, Господь не прощает того, кто не прощает брата своего. Смотри, как прекрасна молитва, которой ученики Христовы научились у истинного Пастыря для ратоборства с лукавым.

Итак, у кого в сердце есть лживость, ненависть и осуждение, тот пусть очистит прежде душу свою и тогда уже приходит, и постится, и молится. Кто к брату своему расположен враждебно, ненавидит его и ругается над ним, тот примиришь сперва с братом и прости его; тогда уже может он приближаться ко Господу. Кто хочет предстать Богу, тот должен наперед оставить брату долг его, только такового пост и молитва угодны Богу.

Что пользы принесет нам сия молитва, если не простим должникам нашим? Человек, ты сын персти! Смотри же, чему научил тебя Господь твой, не пренебрегай слова Господня, чтобы и Господь не отвергся от тебя и не осудил тебя. Оставь мне долги и грехи мои, как я оставляю оскорбившему меня. Прости меня, как я прощаю, прими меня, как и я принимаю. Если ты, человек, не прощаешь всякого согрешившего против тебя, то не утруждай себя постом и молитвой. Если брату своему, на которого за что-нибудь прогневан, не оставляешь долга его, то совершенно напрасно постишься и молишься: Бог не примет тебя. Для чего умерщвляешь тело свое постом, томишь душу свою голодом и жаждой, если не приемлешь с любовью брата своего, против которого во внутренности своей имеешь гнев и ненависть? Ни молитва твоя, ни пост твой нимало не помогут тебе, пока не сделаешься совершенным в любви и уповании веры. Кто питает в себе гнев, вражду, ненависть и раздор, тот враг Божий, тот друг лукавому сатане! О, как превосходны, братия мои, и любовь, и пост, и молитва, и милосердие к нищим, бедствующим, сиротам и вдовам! Господь наш в Евангелии Своим ублажил нищих, если только они чисты от всего худого, от блуда и от всякого срама.

Преломи хлеб свой и дай нищим. Ты даешь не свое: Бог для того дал тебе в избытке, чтобы и ты подавал другим. Достаточно с тебя насущного хлеба, как научен ты в молитве, поэтому не собирай себе соломы для огня и мучения. Смотри, Господь твой обещал тебе, что, если подаешь нищим, то в этом еще веке воздаст Он тебе во сто, в шестьдесят и тридцать крат, а в будущем веке наградит Вечной жизнью. Блажен, кто преломляет хлеб свой и дает его нищим, о нем радуется Христос и воздаст ему Царством Небесным. Блажен, кто одевает нагих; он облечен будет в ризу Царствия и возвеселится некогда в светлом чертоге. *Блажен разумевай на нища, – говорит Давид, – потому что в день лют избавит его Господь* (Пс. 40, 1), т. е. в последний день спасет его и избавит от геенны, и мучения, и от червя поедающего и неумирающего. Обрати только внимание на то, что Спаситель наш говорит в Божественном Своём Евангелии: *приидите, благословеннии Отца Моего, примите в обладание свое блажен-*

ство, жизнь и утехи; взалкахся бо, и даете Ми ясти; возжадахся, и напоисте Мя; странен бех, и введосте Мене... в темнице бех, и приидосте ко Мне. Тогда праведные, стоящие одесную нашего Спасителя, скажут в ответ: Господи, когда Тя видехом алчуща...или жаждуща, или нища, и питахом? Когда же Тя видехом странна... или в темнице... и введохом? И скажет Христос праведникам, стоящим одесную Его: Аминь глаголю вам, понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе. Приидите, наследуйте Царство, сыны света, стоящие одесную Меня (см.: Мф. 25, 34–40). Смотрите, братия мои, чтобы не сделаться нам добычей огня и мучений. Горе тому, кто ввержен будет в геенну, потому что мучение его продолжится вовек и во веки веков. Но также вечно и блаженство, а поэтому ревностно, братия мои, соблюдайте пост и приносите истинное покаяние. Да не будет никакой нечистоты в телах ваших и никакого греха в членах ваших.

Смотрите, братия мои, никто из вас да не срамит себя непотребством, потому что никаким грехом не гнушается так Бог, как непотребством. Смотрите, братия мои, да не будут слышимы у вас зловония и укоризны, но вместо них возносите хвалу и славословие Богу. Смотрите, братия мои, да не господствуют у вас гордость и надменность, но вместо этого облекитесь в смирение и кротость. Смотрите, братия мои, никто из вас да не возлюбит татьбы, потому что таковой, куда бы ни пришел и где бы ни оставался, отовсюду изгоняет благословение. Совершенно удалите от себя прелюбодейства и лжесвидетельства, потому что в ров погибели ввергают они тех, которые делаютя в них виновными. Смотрите, братия мои, никто из вас да не клянется именем Всевышнего Бога, потому что в уста, сотворенные для славословия Божия, не должна входить клятва! Поступайте, как научил Господь наш: *Буди же слово ваше: ей, ей; ни, ни* (Мф. 5, 37). Сын Божий, по благи Своей, указал нам путь жизни, чтобы по оному восходили мы в Царство делами правды. Поэтому будем ревностно приносить покаяние, пока не достигли еще оногo века. Возлюбим пост, молитву и благотворительность к бедным и возлюбим взаимно друг друга, потому что *любь есть исполнение закона* (см.: Рим. 13, 10).

Все проходит, братия мои, только дела наши будут сопровождать нас. Поэтому приготовим себе напутие (нужное в дорогу) для странствия, которого никто не минует. Хвала Божию Слову, нас ради вочеловечившемуся и по преизбыточествующей любви Своей претерпевшему страдания за род наш! Величание Отцу, пославшему Слово!

Аллилуиа Духу Святому! Хвала Тебе, досточестуемая, Божественная и вечная Троица, а нам щедроты Твои на всякое время! Аминь, аминь.

Прп. Ефрем Сирин. Обличение самому себе и исповедь

Будьте, по сребролюбию своему, сострадательны ко мне, братия. Ибо не напрасно сказало Божественное Писание: *Брат от брата помогаемь, яко град тверд и высок, укрепляется же якоже основаное царство* (Притч. 18, 19). И еще говорит: *Исповедайте убо друг другу согрешения и молитесь друг за друга, яко да изцелеете* (Иак. 5, 16). Итак, избранники Божии, склонитесь на воззвание человека, который обещал благоугождать Богу и солгал Сотворившему его; склонитесь, чтобы ваших ради молитв избавиться мне от обладающих мною грехов и, соделавшись здоровым, восстать с одра тлетворного греха, потому что еще с детства стал я сосудом непотребным и нечестным. И теперь, когда слышу о Суде, – не обращаю на это внимания, как будто стою выше падений и обвинений. Других увещаваю (убеждаю) удерживаться от вредного, а сам в двойной мере делаю это.

Увы мне, какому подпал я осуждению! Увы мне, в каком я стыде! Увы мне! Сокровенное мое не таково, как видимое. Поэтому, если не воссияют для меня вскоре щедроты Божии, то нет у меня никакой надежды спастись делами. Ибо говорю о чистоте, а думаю о непотребстве; веду речь о бесстрастии, а помышление у меня и день и ночь о бесчестных страстях. Какое же буду иметь оправдание? Увы мне, какое готовится мне истязание! Подлинно у меня образ только благочестия, а не сила его. С каким же лицом прииду ко Господу Богу, Который знает сокровенности сердца моего? Подлежа ответственности за столько худых дел, когда и на молитве стою, боюсь, чтобы не сошел с неба огонь и не потребил меня. Ибо если в пустыне тех, кто принес огонь чуждь, попалил исшедший огонь от Господа (см.: Лев. 10, 1–2), то чего буду ожидать себе я, на котором лежит такое бремя прегрешений?

Итак, что же? Отчаиваться ли мне в своем спасении? Нисколько. Ибо этого только и домогается противник. Как скоро доводит он кого до отчаяния, тотчас низлагает его. А я не отчаиваюсь в себе, но твердо полагаюсь на Божии щедроты и на ваши молитвы. Поэтому не переставайте умолять Человеколюбца Бога, чтобы сердце мое освободилось от рабства бесчестным страстям.

Ожестело сердце мое, изменился рассудок мой, омрачился ум мой. Как пес, возвращаюсь на свою блевотину (ср.: 2 Пет. 2, 22). Нет у меня чистого покаяния; нет у меня слез во время молитвы, хотя я и въздыхаю, устужаю (прохлаждаю) свое пресыщенное лицо, ударяю себя в грудь, это жилище страстей.

Слава Тебе, Снисходительный! Слава Тебе, Долготерпеливый! Слава Тебе, Незлобивый! Слава Тебе, Благий! Слава Тебе, Единый Премудрый! Слава Тебе, Благодетель душ и телес! Слава Тебе, Который яко *солнце Свое сияет на злыя и благия и дождит на праведныя и на неправедныя* (Мф. 5, 45). Слава Тебе, Который питаешь все народы и весь человеческий род, как единого человека! Слава Тебе, Который питаешь птиц небесных и зверей, и гадов, и животных, живущих в воде, как и малоценного воробья! *Вся к Тебе чают, дати пищу им во благо время* (Пс. 103, 27).

Велико владычество Твое, и щедроты Твои на всех делех Твоих, Господи! (Пс. 144, 9). Потому умоляю Тебя, Господи, не отринь меня с теми, которые говорят Тебе: *Господи, Господи*, – и не творят волю Твою (ср.: Мф. 7, 21). Умоляю Тебя молитвами всех благоугодивших пред Тобою, ибо известна Тебе кроющаяся во мне страсть, Ты знаешь язвы души моей. *Изцели мя, Господи, и изцелею* (Иер. 17, 14).

Потрудитесь со мной, братия, в молитвах. Просите щедрот у благодати Его. Усладите душу, которую грехи соделали горькой. Как розги истинной виноградной Лозы, из Источника жизни напоите жаждущего вы, сподобившиеся стать Ее служителями. Просветите сердце мое вы, соделавшиеся сынами света. На путь жизни наставьте меня, заблудившегося, вы, всегда пребывавшие на этом пути. Введите меня в царские врата, как владыка вводит собственного

раба своего, введите вы, соделавшиеся наследниками Царствия, потому что рвется туда сердце мое. По вашему прошению да предварят меня щедроты Божии, пока не повлечен я вместе с делающими беззаконие.

Там обнаружится и что сделано во тьме, и что сделано явно. Какой стыд обметет меня, когда говорящие теперь, что я неукоризнен (безупречен), увидят меня осужденным! Оставив духовное делание, покорился я страстям. Учиться не хочу, а учить рад. Подчиняться не хочу, а люблю, чтобы подчинялись мне. Трудиться не хочу, а люблю утруждать других. За делом быть не люблю, а люблю присматривать за чужими делами. Не хочу оказывать чести, а люблю, чтобы чествовали меня. Не хочу, чтобы урекали (обижали словами) меня, а люблю урекать. Не хочу, чтобы унижали меня, а люблю унижать. Не хочу, чтобы гордились, а люблю гордиться. Не хочу, чтобы уличали меня, а люблю уличать. Не хочу миловать, а ищу помилования. Не хочу слушать выговоров, а люблю делать их. Не хочу, чтобы обижали меня, а люблю обижать. Не хочу, чтобы делали вред мне, а стараюсь вредить. Не хочу, чтобы наговаривали на меня, а люблю наговаривать. Не хочу слушать, а помогаю, чтобы слушали меня. Не хочу, чтобы властвовали надо мной, а люблю властвовать. Мудр я на то, чтобы давать советы, а не на то, чтобы самому исполнять. Что делать должно, то говорю, а чего не должно делать, то делаю.

Кто не будет плакать обо мне? Плачьте, святые и праведные, плачьте обо мне, зачатом в беззакониях. Плачьте, возлюбившие свет и возненавидевшие тьму, плачьте обо мне, возлюбившем дела тьмы, а не света. Плачьте, благоискусные, плачьте обо мне, ни для чего не годном. Плачьте, милостивые и чувствительные, плачьте обо мне, помилованном и преогорчившем. Плачьте вы, которые стали выше всякого порицания, плачьте обо мне, погрязшем в беззакониях. Плачьте, возлюбившие доброе и возненавидевшие лукавое, плачьте обо мне, возлюбившем лукавое и возненавидевшем доброе. Плачьте вы, стяжавшие доблестную жизнь, плачьте обо мне, который по наружности только оставил мир. Плачьте, угодившие Богу, плачьте обо мне, человекоугоднике. Плачьте вы, стяжавшие совершенную любовь, плачьте обо мне, который на словах любит, а на деле ненавидит ближнего. Плачьте вы, заботящиеся о себе самих, плачьте обо мне, который занимается чужими делами. Плачьте вы, приобретшие терпение и плодоносящие Богу, плачьте обо мне, нетерпеливом и бесплодном. Плачьте вы, возлюбившие вразумление и учение, плачьте обо мне, невежде и человеке бесполезном. Плачьте вы, непостыдно приходящие к Богу, плачьте обо мне, который недостойн возвести взор и видеть высоту небесную. Плачьте вы, приобретшие кротость Моисееву, плачьте обо мне, погубившем ее добровольно. Плачьте вы, приобретшие целомудрие Иосифово, плачьте обо мне, предателе целомудрия. Плачьте вы, возлюбившие воздержание Даниилово, плачьте обо мне, лишившемся его добровольно. Плачьте вы, приобретшие терпение Иова, плачьте обо мне, который стал чужд терпения. Плачьте вы, приобретшие апостольскую нестяжательность, плачьте обо мне, который далек от нее. Плачьте верные и постоянные в сердце своем пред Господом, плачьте обо мне, двоедушном, боязливым и ни к чему не годном. Плачьте возлюбившие плач и возненавидевшие смех, плачьте обо мне, возлюбившем смех и возненавидевшем плач. Плачьте вы, сохранившие Божий храм неоскверненным, плачьте обо мне, который осквернил и сделал его нечистым. Плачьте вы, памятующие о разлучении и о неизбежном пути, плачьте обо мне, беспомысленном и неготовом к этому путешествию. Плачьте вы, не оставляющие мысли о Суде по смерти, плачьте обо мне, который утверждает, что помнит об этом, а делает противное этому. Плачьте, наследники Небесного Царства, плачьте обо мне, достойном геенны огненной.

Горе мне! Потому что грех не оставил у меня ни члена здорового, ни чувства, которого бы не растлил. Конец при дверях, братия, и это не заботит меня. Вот открыл я вам язвы души своей. Итак, не пренебрегайте мною, смущенным, но умоляйте Врача о недужном, Пастыря – об овце, Царя – о пленнике, Жизнь – о мертвце, умоляйте, чтобы о Христе Иисусе, Господе нашем, получить мне спасение от овладевших мною грехов, и чтобы послал Он благодать Свою, и укрепил поползновенную (шаткую) душу мою. Ибо готовлюсь я к противоборству со

страстями, но прежде, нежели вступаю с ними в борьбу, злостность змия расслабляет крепость души моей сластолюбием и делаюсь я пленником страстей. Еще стараюсь из пламени исхитить сгорающего в нем, и запах огня влечет меня, по молодости моей, к огню. Еще стремлюсь спасти утопающего и по неопытности вместе с ним утопаю. Желая стать врачом страстей, сам остаюсь в их власти и вместо врачевания наношу раны страждущему. Сам слепец, а покушаюсь водить слепцов. Поэтому имею нужду во многих о себе молитвах, чтобы узнать мне меру свою, и чтобы благодать Божия приосенила меня и просветила омраченное сердце мое, и вместо неведения вселила в меня божественное ведение: *яко не изнеможет у Бога всяк глагол* (Лк. 1, 37).

Он непроходимое море для народа Своего соделал проходимым. Он одождал манну и крастелей (перепелов) с моря, яко песок морской (см.: Пс. 77, 13, 24, 27). Он из утесистого камня даровал воду жаждущим. Он один, по благодати Своей, спас впадшего в руки разбойникам. Да подвигнется на милосердие благодать Его ко мне, впадшему во грехи и связанному безумием, как узами. Нет у меня дерзновения перед Испытующим сердца и утробы. Никто не может уврачевать болезнь мою, кроме Его Самого, ведающего глубины сердечные.

Сколько раз полагал я в себе пределы и строил стены между собой и между беззаконным грехом и теми противниками, которые выходили со мною на брань! Мысль моя преступала пределы и подрывала стены, потому что пределы не были обезопасены страхом Всесовершенного и стены не были основаны на искреннем покаянии.

Поэтому и теперь ударяю в дверь, чтобы отверзлась она для меня; не перестаю просить, чтобы получить просимое; как бесстыдный, домогаюсь себе помилования, Господи. Ты даруешь мне блага, Спаситель, а я воздаю за них лукавством. Будь долготерпелив ко мне, развращенному. Не об извинении за праздные слова умоляю Твою благодать, но прошу у нее прощения за нечестивые дела. Пока не постиг меня конец, освободи меня, Господи, от всякого лукавого дела, чтобы обрести мне благодать перед Тобой в час смертный: *ибо во аде же кто известся Тебе!* (Пс. 6, 6). Спаси душу мою, Господи, от будущего страха, и по щедротам и по благодати Твоей убели оскверненную мою ризу, чтобы и я, недостойный, облекшись в светлую ризу, сподобился Небесного Царства и, достигнув нечаемой радости, сказал: «Слава Избавившему сокрушенную душу от уст львовых и поставившему ее в раю сладости!» Потому что Тебе, Всесвятому Богу, подобает слава во веки веков! Аминь.

Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов

Православная Церковь дает свое свидетельство о важности сей книги для чад ее тем, что издревле постановила правилом на утрени Великого поста непременно заимствовать два чтения из «Лавсаика» во все дни Святого Великого поста, кроме суббот и воскресений.

Предисловие

В этой книге описаны добродетельное подвижничество и чудный образ жизни блаженных и святых отцов-монахов и отшельников пустынных для возбуждения ревности к подражанию в мужах, желающих вести жизнь небесную; также описаны воспоминания о женах-старницах и богоугодных матерях, с мужественною ревностию подъявших труды добродетельного подвижничества, в пример любви к Богу для жен, хотящих украситья венцом воздержания и чистоты, – описаны по желанию одного достопочтеннейшего мужа, и по уму многосведущего, и по нраву тихого, и по сердцу благочестивого, и к нуждающимся в необходимом щедрого, и за честность нравов возведенного на самый верх достоинств, предпочтительно пред многими отличными мужах, и несомненно хранимого силою Духа Божия. Он поручил нам, а лучше, если сказать правду, медлительный на созерцание лучшего ум наш возбудил к соревнованию и подражанию подвижническим добродетелям преподобных и бессмертных духовных наших отцов, поживших в угождении Богу и в великом изнурении тела, – поручил, чтобы мы, описав жизнь непобедимых подвижников, послали это описание к нему с изображением строгих добродетелей каждого из сих великих мужей. Любитель этого богоугодного и духовного желания есть отличнейший муж Лавс, по воле Божией поставленный хранителем богопросвещенного и благочестивого царства.

Я, и необразованный языком, и слегка только вкусивший духовного знания, и недостойный описывать духовную жизнь святых отцов, убоившись важности поручения, превышающего мои силы, не хотел было принять его, так как оно требует и внешней мудрости, и духовного ведения, но, уважив, во-первых, добродетельную ревность побудившего нас к сему труду, приняв также во внимание и пользу читателей и боясь подвергнуться опасности даже за благовидное непослушание, я приписал наперед это важное поручение Промыслу Божию и, употребив со своей стороны великое тщание, окрыляемый предстательством святых отцов, вступил в подвиги сего поприща. Однако ж описал, как бы в сокращении, только самые высокие дела и знамения доблестных подвижников и великих мужей, и не только знаменитых мужей, проводивших отличную жизнь, но и блаженных и честных жен, подвизавшихся в высоком житии. Священнолепные лица некоторых из них удостоился я видеть сам лично, а небесную жизнь других, уже совершившихся на поприще благочестия, узнал от богоносных подвижников Христовых. Для благочестивой цели с великим усердием обошел я пешком многие города и весьма многие села, также пещеры и все пустынные кущи иноков. И после того, как иное сам я увидел и описал, а другое услышал от святых отцов, изобразив в этой книге подвиги великих мужей и упованием на Христа победивших природу жен, посылаю сие описание к любящему слово Божие слуху твоему, украшение наилучших и боголюбезных мужей и слава вернейшего и боголюбезного царства, искренний и христоролюбивый раб Божий Лавс!

Со свойственною мне краткостию начертал я знаменитое имя каждого из подвижников Христовых – мужей и жен, потом из многих и весьма великих подвигов каждого рассказал только о немногих и весьма кратко, а у большей части из них означил и происхождение, и город (отечественный), и место жительства. Упомянул я и о тех мужах и женах, которые, достигши до самой высокой добродетели, по высокомерию и тщеславию низверглись в самую глубокую

бездну, на дно адово, и приобретенные долговременными и многими трудами достолюбезные и великих усилий стоившие совершенства подвижнические от гордости и надмения потеряли в одно мгновение, но благодатию Спасителя нашего, и попечительностию святых отцов, и состраданием духовной любви исхищены из сетей диавола и по молитвам святых возвратились к прежней добродетельной жизни.

Письмо, писанное епископом Палладием правителю Лавсу

Хвалю твое желание; ты достоин, чтобы начать письмо к тебе похвалою, потому что, когда все заняты суетными вещами, от которых не получают они пользы, ты собираешь книги и хочешь учиться. В учении не нуждается один только Бог всяческих, ибо Он самобытен и другого не было прежде Его, а все прочее имеет нужду в учении, потому что сотворено и создано. Первые чины ангельские имеют своим наставником Всевышнюю Троицу, вторые – поучаются от первых, а третьи – от вторых и так далее по порядку, до последних. Совершеннейшие в знании и добродетели учат несовершенных в познании.

Итак, думающие о себе, что не имеют нужды в наставниках, недугуют невежеством, которое есть мать гордости, поэтому они не покоряются тем, кои с любовью учат их. Таким людям предшествуют на пути к погибели за этот же недуг изринутые из небесного жительствова демоны, так как и они отвергли небесных наставников.

Но предмет учения должны составлять не слова и складки – такое учение бывает иногда и у самых худых людей, – а добрые качества нрава: беспечалие, безбоязненность, негневливость и дерзновение во всем, которое и слова делает пламенем огненным. Если бы не так было, Великий Учитель не сказал бы Своим ученикам: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Так, Он учил апостолов не красноглаголением, а благим нравом и никого не огорчал, кроме ненавидевших учение и учителей.

Итак, душа, которая подвизается о Христе, должна или сама верно изучить то, чего она не знает, или других ясно учить тому, что узнала. Если она не делает ни того ни другого, то болит неразумием. Начало отпадения – пресыщение наставлением и отвращение от учения, которого всегда алчет душа боголюбивого. Прощай и будь здоров, а что всего больше – да дарует тебе Бог познание Христово.

Лествица

Слово 1. Об отречении от жития мирского

1. Из всех созданных благим и преблагим и всеблагим Богом нашим и Царем (ибо слово к рабам Божиим прилично и начать от Бога) разумных и достоинством самовластия почтенных существ одни суть други Его, другие истинные рабы, иные рабы непотребные, иные совсем чужды Его, а другие, наконец, хотя и немощны, однако противятся Ему. И други Его, о священный отче, как мы скудоумные полагаем, суть собственно умные и бестелесные существа, Его окружающие; истинные рабы Его – все те, которые неленостно и неослабно исполняют волю Его, и непотребные – те, которые, хотя и удостоились крещения, но обетов, данных при оном, не сохранили как должно. Под именем чуждых Бога и врагов Его следует разуметь неверных или зловерных (еретиков); а противники Богу суть те, кои не только повеления Господня сами не приняли и отвергли, но и сильно вооружаются против исполняющих оное.

2. Каждое из сказанных состояний требует особенного и приличного слова, но для нас, невежд, в настоящем случае бесполезно излагать это пространно. Итак, поспешим теперь исполнить повеление истинных рабов Божиих, которые благочестиво нас понудили и верою своею убедили; в несомненном¹ послушании прострем недостойную нашу руку и, принявши трость слова от их же разума, омочим в темновидное, но светящееся смиренномудрие, и на гладких и чистых сердцах их, как на некоторой бумаге, или, лучше сказать, на духовных скрижалях, станем живописать Божественные слова или, вернее, Божественные семена и начнем так:

3. Всех одаренных свободною волею Бог есть и жизнь, и спасение всех, верных и неверных, праведных и неправедных, благочестивых и нечестивых, бесстрастных и страстных, монахов и мирских, мудрых и простых, здравых и немощных, юных и престарелых; так как все без изъятия пользуются изливанием света, сиянием солнца и переменами воздуха; *несть бо лице-приятія у Бога* (Рим. 2, 11).

4. Нечестивый есть разумное и смертное создание, произвольно удаляющееся от жизни оной (Бога) и о Творце своем присносущем помышляющее, как о несуществующем. Законопреступник есть тот, кто закон Божий содержит по своему злоумию и думает веру в Бога совместить с ересью противною. Христианин есть тот, кто, сколько возможно человеку, подражает Христу словами, делами и помышлениями, право и непорочно веруя во Святую Троицу. Боголюбец есть тот, кто пользуется всем естественным и безгрешным и, по силе своей, старается делать добро. Воздержник тот, кто посреди искушений, сетей и молвы всею силою ревнует подражать нравам свободного от всего такого. Монах есть тот, кто, будучи облечен в вещественное и бренное тело, подражает жизни и состоянию бесплотных. Монах есть тот, кто держится одних только Божиих словес и заповедей во всяком времени, и месте, и деле. Монах есть всегдашнее понуждение естества и неослабное хранение чувств. Монах есть тот, у кого тело очищенное, чистые уста и ум просвещенный. Монах есть тот, кто, скорбя и болезнуя душою, всегда помнит и размышляет о смерти, и во сне, и во бдении. Отречение от мира есть произвольная ненависть к веществу, похваляемому мирскими, и отвержение естества, для получения тех благ, которые превыше естества.

5. Все, усердно оставившие житейское, без сомнения, сделали это, или ради Будущего Царствия, или по множеству грехов своих, или из любви к Богу. Если же они не имели ни одного из сих намерений, то удаление их из мира было безрассудное. Впрочем, добрый наш Подвигположник ожидает, каков будет конец их течения.

¹ Т.е. в непрекословном.

6. Исшедший из мира для того, чтобы избавиться от бремени грехов своих, да подражает тем, которые сидят над гробами вне города, и да не престаёт изливать теплые и горячие слезы, и да не прерывает безгласных рыданий сердца до тех пор, пока и он не увидит Иисуса, пришедшего и отвалившего от сердца камень ожесточения и ум наш, как Лазаря, от уз греховных разрешившего и повелевшего слугам Своим, Ангелам: *разрешите его от страстей и оставите его ити* (Ин. 11, 44), к блаженному бесстрастию. Если же не так, то (от удаления из мира) не будет ему никакой пользы.

7. Когда хотим выйти из Египта и бежать от фараона, то и мы имеем необходимую нужду в некоем Моисее, т. е. ходатае к Богу и по Боге, который, стоя посреди деяния и видения, воздевал бы за нас руки к Богу, чтобы наставляемые им перешли море грехов и победили Амалика страстей. Итак, прельстились те, которые, возложив упование на самих себя, сочли, что не имеют нужды ни в каком путеводителе, ибо исшедшие из Египта имели наставником Моисея, а избежавшие из Содомы – Ангела. И одни из них, т. е. исшедшие из Египта, подобны тем, которые с помощью врачей исцеляют душевные страсти, а другие подобны желающим совлечься нечистоты окаяннотелого тела, потому они и требуют помощника – Ангела, т. е. равноангельного мужа, ибо по гнилости ран потребен для нас и врач весьма искусный.

8. Покусившимся с телом взойти на небо поистине потребны крайнее понуждение и непрестанные скорби, особенно в самом начале отречения, доколе сластолюбивый наш нрав и бесчувственное сердце истинным плачем не претворятся в боголюбие и чистоту. Ибо труд, поистине труд и большая сокровенная горесть неизбежны в сем подвиге, особенно для нерадивых, доколе ум наш, сей яростный и сластолюбивый пес, через простоту, глубокое безгневие и прилежание, не сделается целомудренным и люборассмотрительным. Впрочем, будем благодушны, страстные и изнемогающие: немощь нашу и душевное бессилие несомненно верую, как десною рукою, представляя и исповедуя Христу, непременно получим помощь Его, даже сверх нашего достоинства, если только всегда будем низводить себя в глубину смиренномудрия.

9. Всем приступающим к сему добродетельному подвигу, жестокому и тесному, но и легкому, должно знать, что они пришли ввергнуться в огонь, если только хотят, чтобы в них вселился невещественный огонь. Посему каждый да искушает себя, и потом уже от хлеба жития иноческого, который с горьким зелием, да яст и от чаши сей, которая со слезами, да пьет: да не в суд себе воинствует. Если не всякий кто крестился спасется, то... умолчу о последующем.

10. Приходящие к сему подвигу должны всего отречься, все презирать, всему посмеяться, все отвергнуть, чтобы положить им твердое основание. Благое же основание, трехсоставное или трехстолпное, составляют незлобие, пост и целомудрие. Все младенцы во Христе да начинают с этих добродетелей, принимая в пример чувственных младенцев, у которых никогда ничего нет злобного, ничего льстивого: нет у них ни алчности неутолимой, ни ненасытного чрева, ни телесного разжжения – оно появляется уже впоследствии, с возрастом, и может быть по умножении пищи.

11. Поистине достойно ненависти и бедственно, когда борющийся, при самом вступлении в борьбу, ослабевает, показывая этим верный признак близкого своего побеждения. От твердого начала, без сомнения, будет нам польза, если бы мы впоследствии и ослабели: ибо душа, бывшая прежде мужественною и ослабевши, воспоминанием прежней ревности, как острым орудием, бывает возбуждаема, посему многократно некоторые воздвигали себя таким образом (от расслабления).

12. Когда душа, предательствуя сама себя, погубит блаженную и вожденную теплоту, тогда пусть исследует прилежно, по какой причине она ее лишилась, и на эту причину да обратит весь труд свой и все прилежание, ибо прежнюю теплоту нельзя иначе возратить, как теми же дверями, которыми она вышла.

13. Отрекшийся от мира из страха подобен фимиаму, который сперва благоухает, а после оканчивается дымом. Оставивший мир ради воздаяния подобен мельничному жернову, который всегда одинаково движется, а исшедший из мира по любви к Богу в самом начале приобретает огонь, который, быв ввержен в вещество, вскоре возжжет сильный пожар.

14. Некоторые кладут в строение кирпич поверх камня, другие утвердили столбы на земле, а иные, пройдя небольшую часть пути и разогрев жилы и члены, потом шли быстрее. Разумеющий да разумеет, что значит это гадательное слово.

15. Как позванные Богом и Царем усердно устремимся в путь, дабы нам, маловременным на земле, в день смерти не явиться бесплодными и не погибнуть от голода. Благоугодим Господу, как воины угождают Царю, ибо, вступивши в это звание, мы подлежим строгому ответу о служении. Убоимся Господа хотя так, как боимся зверей, ибо я видел людей, шедших красть, которые Бога не убоялись, а услышав там лай собак, тотчас возвратились назад, и чего не сделал страх Божий, то успел сделать страх зверей. Возлюбим Господа хотя так, как любим и почитаем друзей, ибо я много раз видел людей, прогневавших Бога и нисколько о том не заботившихся, но те же самые, какую-нибудь малостию огорчив своих друзей, употребляли все искусство, выдумывали всякие способы, всячески изъясляли им свою скорбь и свое раскаяние и лично, и через иных, друзей и родственников, приносили извинения и посылали оскорбленным подарки, чтобы только возвратить прежнюю их любовь.

16. В самом начале отречения, без сомнения, с трудом, понуждением и горестию исполняем добродетели, но преуспевши, перестаем ощущать в них скорбь или ощущаем, но мало, а когда плотское мудрование наше будет побеждено и пленено усердием, тогда совершаем их уже со всякою радостью и ревностью, с вожделением и Божественным пламенем.

17. Сколько похвальны те, которые с самого начала со всею радостью и усердием совершают заповеди, столько достойны жалости те, которые, долго пребывая в иноческом обучении, еще с трудом совершают, хотя и совершают, подвиги добродетелей.

18. Не будем презирать или осуждать и такие отречения, которые бывают по обстоятельствам, ибо я видел бывших в бегстве, которые, нечаянно встретившись с царем, против своего желания пошли вслед его и, вшедши с ним в чертог, воссели вместе с ним за трапезу. Видел я, что семя, нечаянно упавшее на землю, принесло изобильный и прекрасный плод, как и противное сему случается. Опять видел я человека, который пришел во врачебницу не за тем, чтобы лечиться, а по некоторой другой потребности, но, привлеченный и удержанный ласковым приемом врача, он освободился от мрака, лежавшего на его очах. Таким образом и невольное в некоторых было тверже и надежнее, чем произвольное в других.

19. Никто не должен, выставя тяжесть и множество грехов своих, называть себя недостойным монашеского обета и ради своего сладострастия мнимо унижать себя, вымышляя извинения в грехах своих (ср.: Пс. 140, 4): ибо где много гнилости, там нужно и сильное врачевание, которое очистило бы скверну, а здоровые не поступают в больницу.

20. Если бы земной царь позвал нас и пожелал бы нас поставить в служение пред лицом своим, мы не стали бы медлить, не извинялись бы, но, оставив все, усердно поспешили бы к нему. Будем же внимать себе, чтобы, когда Царь царствующих и Господь господствующих и Бог богов зовет нас к небесному сему чину, не отказаться по лености и малодушию и на великом Суде Его не явиться безответными. Может ходить и тот, кто связан узами житейских дел и попечений, но неудобно, ибо часто и те ходят, у которых железные оковы на ногах, но они много претыкаются и получают от этого язвы. Человек неженатый, а только делами связанный в мире, подобен имеющему оковы на одних руках, а потому, когда он ни пожелает, может невозбранно прибегнуть к монашескому житию; женатый же подобен имеющему оковы и на руках, и на ногах.

21. Некоторые люди, нерадиво живущие в мире, спросили меня, говоря: «Как мы, живя с женами и оплетаясь мирскими попечениями, можем подражать житию монашескому?» Я отве-

чал им: «Все доброе, что только можете делать, делайте: никого не укоряйте, не окрадывайте, никому не лгите, ни перед кем не возносите, ни к кому не имейте ненависти, не оставляйте церковных собраний, к нуждающимся будьте милосерды, никого не соблазняйте, не касайтесь чужой части, *будьте довольны оброки жен ваших*. Если так будете поступать, то не далеко будете от Царствия Небесного».

22. С радостью и страхом приступим к доброму сему подвигу, не будем бояться врагов наших, ибо они взирают на лицо нашей души, хотя сами и невидимы, и когда заметят, что оно изменилось от боязни, тогда сии коварные яростнее вооружаются против нас, зная, что мы утрастились. Итак, вооружимся против них благодушно, ибо с мужественным борцом никто бороться не смеет.

23. Господь, по особенному помыслу Своему, облегчил брань для новоначальных, чтобы они при самом начале не возвратились тотчас же в мир. Итак, радуйтесь всегда о Господе, все рабы Божии, видя в этом первый знак любви Господней к вам и что Он Сам вас призвал. Впрочем, знаем, что Бог часто и другим образом поступает, т. е. когда Он видит мужественные души, то с самого начала попускает на них брани, желая их скоро увенчать. Но от живущих в мире Господь утаил неудобство, или, лучше сказать, удобство сего поприща, ибо если бы они это знали, то никто не отрекался бы от мира.

24. Усердно приноси Христу труды юности твоей и возрадуешься о богатстве бесстрастия в старости, ибо собираемое в юности питает и утешает изнемогших в старости. Юные! Потрудимся ревностно, потечем трезвенно, ибо смерть неизвестна. Мы имеем врагов лукавых и злых, коварных, пронырливых, державших огонь в руках и желающих сжечь храм Божий тем самым пламенем, который в нем², врагов сильных и никогда не спящих, невещественных и невидимых. Итак, никто из юных не должен слушать враждебных бесов, когда они внушают ему, говоря: «Не изнуряй своего тела, чтобы не впасть в болезнь и немощи». Ибо едва ли найдется кто-нибудь, особенно в настоящем роде, решившийся умертвить свое тело, хотя иной и лишает себя многих и сладких яств; намерение же бесов в этом случае состоит в том, чтобы и самое вступление наше в подвиг сделать слабым и нерадивым, а потом и конец сообразным началу.

25. Желаящие истинно работать Христу прежде всего да приложат старание, чтобы при помощи духовных отцев и собственным рассуждением избрать себе приличные места и образы жизни, пути и обучения: ибо не для всех полезно общежитие, по причине сластолюбия. И не все способны к безмолвию, по причине гнева, но каждому должно рассматривать, какой путь соответствует его качествам.

26. Все житие монашеское содержится в трех главных устройствах и образах подвига: или в подвижническом уединении и отшельничестве; или в том, чтобы безмолвствовать с одним и, много, с двумя; или, наконец, в том, чтобы терпеливо пребывать в общежитии. *Не уклонися*, – говорит Екклесиаст, – *ни на десно, ниже на шуе* (Притч. 4, 27), но путем царским иди. Средний из этих образов жизни многим приличен, ибо тот же Екклесиаст говорит: *горе единому, ибо если он падет в уныние* (Еккл. 4, 10), или в сонливость, или в леность, или в отчаяние, то нет человека *воздвигнути его*. *А идежде еста два или трие собрани во имя Мое, ту есть посреде их*, – сказал Господь (Мф. 18, 20).

27. Итак, кто есть инок верный и мудрый? Кто горячность свою сохранил неугасимую и даже до конца жизни своей не переставал всякий день прилагать огонь к огню, горячность к горячности, усердие к усердию и желание к желанию.

Первая степень. Вступивший в нее не обращай вспять.

² Т.е. пламенем собственных его страстей.

Песнопения 1-й седмицы Великого поста

Постимся постом приятным, благоугодным Господеви: пост есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголения, лжи и клятвопреступления. Сих оскудение пост истинный есть.

«Постимся благоприятным постом, угодным Господу: такой пост – избегание злобы, воздержание языка, устранение ярости, прекращение похоти, злословия, лжи и клятвопреступления. Выполнение всего этого и есть истинный пост».

Стихира понедельника 1-й седмицы Великого поста

Приидите усердно, твердое оружие поста имуще, яко щит, всякую кознь прелести вражия отвратим вернии. Не опалимся сладостями страстей, ни огня искушений убоимся, имиже Христос Человеколюбец почестыми терпения венчает нас. Темже со дерзновением молящися, припадаем зовуще, просяще мира и душам нашим велия милости.

«Придем с усердием, держа, как щит, крепкое оружие поста, все вражеские козни лукавого отразим, верующие. Не опалимся сладострастием, не убоимся огненных искушений, за терпение которых человеколюбивый Христос увенчает нас почестями. И потому, со дерзновением молясь, припадаем к Нему, взывая и прося мира и великой милости для своей души».

Стихира понедельника 1-й седмицы Великого поста

Гряди окаянная душе с плотию твою, Зиждителю всех исповеждься и останися прочее преждняго безсловесия, и принеси Богу в покаянии слезы.

«Приди, окаянная душа, с телом своим, исповедуйся Создателю мира, и оставь прежнее безумство, и принеси Богу слезы покаяния».

Согреших паче всех человек, един согреших Тебе: но ущедри яко Бог, Спасе, творение Твое.

«Я согрешил больше всех людей, я один согрешил против Тебя, но, Спаситель, будь милостив как Бог к созданию Твоему».

Слезы блудницы, Щедре, и аз предлагаю: очисти мя Спасе благоутробием Твоим.

Из Великого Канона прп. Андрея Критского

Вторник 1-й седмицы Великого поста

Свт. Василий Великий. Беседа о посте первая

Сказано: *вострубите в новомесячии трубою, во благознаменитый день праздника вашего* (Пс. 80, 4). Это повеление пророческое. Но всякой трубы велегласнее и всякого музыкального орудия внятнее указывает нам чтенное на предшествовавший дням сим праздник, потому что от Исаии, который отринул иудейский образ пощения, показал же нам истинный пост, узнали мы изящество³ постов. *Не в судех и сварех поститесь, но разреши всяк союз неправды* (Ис. 58, 4, 6). И Господь говорит: *не будите сетующе, но умый лице твое, и помажи главу твою* (Мф. 6, 16, 17). Поэтому будем себя вести, как научены, не сетуя в наступающие дни, но сретая их светло, как прилично святым. Унывая, никто не венчается; смущаясь духом, никто не приобретает победы. Не сетуй, когда тебя врачуют. Ни с чем не сообразно – не радоваться душевному здравью, а скорбеть о перемене пищи и показывать на самом деле, что у нас более расположения к услаждению чрева, чем к попечению о душе, потому что пресыщение угождает одному чреву, а пост приносит пользу душе. Радуйся, что Врачом дано тебе врачевство, истребляющее грех. Как черви, зарождающиеся во внутренностях у детей, уничтожаются какими-нибудь самыми острыми лекарствами, так и грех, живущий во глубине души, умерщвляется в ней принятием такого поста, который подлинно достоин сего наименования.

Помажи главу свою, и умый лице. К тайнствам призывает тебя слово. Кто помазует себя, тот умащается; кто моется, тот омывается. Приложи узаконение к внутренним членам. Омой душу от грехов. Помажь главу святым помазанием, чтобы стать тебе причастником Христовым, и так приступай к посту.

Не помрачай лица своего, *якоже лицемери* (Мф. 6, 16). Лицо помрачается, когда внутреннее расположение затеняется внешнею притворною личиною, закрываемое ложью, как завесою. Тот лицемер, кто на зрелище принимает на себя чужое лицо: будучи рабом, представляет нередко лицо господина, и будучи простолюдином – лицо царя. Подобно сему и в этом мире многие, как на позорище⁴ собственной жизни, лицедействуют, иное нося в сердце, а иное выставляя напоказ людям. Поэтому не помрачай лица. Каков ты сам в себе, таким и кажись. Не притворяйся сетующим, уловляя себе наружностию славу, что ты воздержен. Нет пользы от благотворительности, о которой трубят трубою; нет выгоды и от поста, о котором всем разглашают. Что делается напоказ, то не приносит плода, который бы соблюдался до будущего века, но ограничивается людскою похвалою. Потому с светлым лицом притекай к дару поста.

Пост – дар древний, не ветшающий, не стареющийся, но непрестанно обновляемый и цветущий во всей красоте. Думаешь ли, что древность его считаю со времени происхождения Закона? Пост старше и Закона. Если подождешь немного, то уверишься в истине сказанного. Не думай, что день очищения, установленный для Израиля в месяц седьмой, в десятый день месяца (см.: Лев. 16, 29), есть начало поста. Углубись в историю и ищи древность его происхождения. Пост – не новое изобретение, но драгоценность отцов. Все отличающееся древностию почтенно. Уважь седину поста. Он современен человечеству. Пост узаконен в Раю. Такую первую заповедь принял Адам: *от древа, еже разумети доброе и лукавое, не снете*⁵ (Быт. 2, 17). А сие: *не снете* – есть узаконение поста и воздержания. Если бы постилась Ева и не вкусила с древа, то мы не имели бы теперь нужды в этом посте. Ибо *не требуют здравии врача, но*

³ Превосходство.

⁴ На зрелище, представлении.

⁵ *От древа познания добра и зла не ешь.*

болящии (Мф. 9, 12). Мы повреждены грехом – уврачуемся покаянием, а покаяние без поста не действенно. *Проклята земля: терния и волцы возрастит тебе* (Быт. 3, 17, 18). Велено сокрушаться духом, а не предаваться роскоши. Постом оправдись пред Богом.

Но и самое пребывание в Раю есть образ поста, не потому только, что человек, ведя жизнь равноангельную, в уподоблении Ангелам преуспевал тем, что довольствовался малым, но и потому, что жившим в Раю не приходило на мысль, что впоследствии изобретено человеческим примышлением⁶: ни употребление вина, ни заклание животных, ни все то, что делает мутным человеческий ум.

Поелику мы не постились, то изринуты из Рая. Потому будем поститься, чтобы снова взойти в Рай. Не видишь ли, как Лазарь чрез пост взошел в Рай?

Не подражай преслушанию Евы, не принимай опять в советники змия, который предлагает снедь, поблажая плоти. Не ссылайся на недуги и немощь тела. Не мне представляешь сии предлоги, но Ведущему. Скажи мне: поститься ты не можешь, а пресыщаться и подавлять тело бременем поедаемого можешь? И больным, сколько знаю, врачи предписывают не разнообразие снедей, но неядение и малоядение. Как же это выполнять можешь, а о том говоришь, что не можешь? Что легче для чрева: провести ли ночь после умеренного вкушения пищи или лежать обремененному обилием яств, лучше же сказать, не лежать, а часто ворочаться, потому что яства теснят и распирают? Разве скажешь, что кормчим удобнее спасать перевозное судно, когда оно нагружено товарами, нежели когда груз его мал и легкий? Но и судно, когда нагружено много, заливают мало подымающаяся волна. А если на нем соразмерный груз товаров, то оно удобно идет по волнам, и ничто не препятствует ему держаться над водою высоко. Подобно сему и тела человеческие, обременяемые всегдашним пресыщением, удобно поглощаются недугами; а если употребляется пища умеренная и легкая, то и ожидаемых от болезни худых последствий они избегают, как восстания бури, и начавшиеся уже припадки отражают от себя, как порыв вихря. Следственно, по твоему мнению, труднее не трогаться с места, чем бежать, и труднее оставаться в покое, чем бороться, если утверждаешь, что больным приличнее роскошествовать, нежели принимать умеренную пищу. Сила жизненная легко переваривает пищу умеренную и простую и претворяет ее в плоть питаемого; а приняв дорогие и разнообразные снеди, потом будучи не в состоянии переварить их совершенно, производит разные роды болезней.

Но пусть слово обратится к истории и покажет древность поста, покажет, что все святые соблюдали пост как отеческое какое-то наследие, передаваемое от отца сыну и преемственно получаемое, так что стяжание сие, по порядку преемства, сохранилось и до нас.

В Раю не было ни вина, ни заклания животных, ни мясоестий. После потопа узнали вино, после потопа сказано: *ешьте все, яко зелье травное* (Быт. 9, 3). Когда не стало надежды на совершенство, тогда дозволено наслаждение. А доказательством, что вино не было еще изведено, служит Ной, не знающий употребления вина. Оно не вошло еще в мир и не было привычным для людей. Ной, не видав его действия на других, не испытав и на себе, неосторожно понес вред от вина. Ибо Ной *насади виноград, и испи от плода, и упися* (Быт. 9, 20–21) не потому, что был пристрастен к вину, но потому, что не изведывал, в какой мере вкушать его. Так изобретение винопития гораздо позднее Рая, и такую-то древность имеет досточестность поста!

Но знаем также, что и Моисей во время поста взошел на гору. И не осмелился бы приступить к дымящейся вершине, не дерзнул бы взойти во мрак, если б не вооружил себя постом. Во время поста принял он заповедь, перстом Божиим начертанную на скрижалях. И вверху горы пост снабдевал Законом, а внизу ненасытность чрева довела свое неистовство до идолослужения. Ибо *седоша людие ясти и пити и восташа играти* (Исх. 32, 6). Сорокадневное пребывание с Богом постящегося и молящегося служителя Его оказалось бесполезным от однократного

⁶ Вымыслом.

упоения. Ибо те скрижали, начертанные перстом Божиим, которые принял пост, сокрушило пьянство, потому что, по суду пророка, упившийся народ недостойн был Божия законодательства. И этот народ, который великими чудесами научен богопознанию, ненасытностью чрева в одно мгновение низринут в египетское идолобесие. Сравни же одно с другим: как пост возводит к Богу и как роскошь делается предательницею спасения!

Простираясь тем же путем, снизойди и до нижеследующего. Что очернило Исава и сделало рабом брату? Не одна ли снедь, за которую он отдал первенство? А Самуила даровала матери не молитва ли, соединенная с постом? Что великого ратоборца Сампсона сделало непреодолимым? Не пост ли, с каким он зачат во чреве матери? Пост чревоносил его, пост воздоил⁷ его, пост сделал его мужем, пост, который предписал матери его Ангел: *еже исходит из винограда, да не яст, и вина и сикера да не пьет* (Суд. 13, 14).

Пост рождает пророков, укрепляет сильных, пост умудряет законодателей. Пост – добрая стража души, надежный сожитель телу, оружие людей доблестных, училище подвижников. Он отражает искушения, умащает подвизающихся в благочестии, он сожитель трезвости, делатель целомудрия, он во бранях совершает дела доблестные, во время мира учит безмолвию, освящает назорея⁸, совершает⁹ священника, ибо без поста невозможно отваживаться на священнодействие, не только в нынешнем таинственном и истинном служении, но и в подзаконном.

Пост соделал Илию зрителем великого видения, ибо, очистив душу сорокадневным постом, удостоился он в хоривской пещере видеть Господа, сколько можно видеть Его человеку. Постящийся Илия возвратил сына вдовице, чрез пост оказавшись крепче смерти. Из уст постящегося исшедший глас заключил беззаконному народу небо на три года и на шесть месяцев. Чтобы умягчить необузданное сердце жестоковыхных, Илия решил и себя осудить с ними на злострадание. Потому сказал: *жив Господь... аще будет вода на земле, точно от уст моих*¹⁰ (3 Цар. 17, 1). И наступившим голодом наложил он пост на весь народ, чтобы исправить его от порока роскоши и распутной жизни.

А какова жизнь Елисея? Как пророк пользовался странноприимством сонамитянины? Как сам угощал пророков? Не *земля ли дивия*¹¹ и несколько *муки* (4 Цар. 4, 39, 41) удовлетворили страннолюбия, когда прикасавшимся к ястве угрожала опасность от прибавления *яблока дивяго*¹², если бы молитва постника не уничтожила ядовитости? Одним словом, ты найдешь, что пост руководил всех святых к жизни по Богу.

Есть одно вещество, называемое амантом и не истребляемое огнем; будучи положено в пламень, оно по видимому обугливается, но вынутое из огня, как будто вымытое в воде, делается чище. Таковы были тела трех отроков в Вавилоне, от поста получившие свойство аманта. Они в великом пламени пещном, как будто слитые из золота, оказались недоступными повреждению от огня. Подлинно, явились они крепче и самого золота, потому что огонь не растопил их, но соблюл неприкосновенными, когда ничто не могло устоять против сего пламени, который был так разжигаем *наффою и смолою... и хвастием*¹³, так что разливался на сорок девять локтей и, пожирая все окружающее, истребил многих халдеев (см.: Дан. 3, 46–48). И сей-то пламень попирали отроки, которые вступили в него, укрепившись постом, в таком сильном огне они вдыхали в себя тонкий и орошенный воздух. Огонь не смел прикоснуться и к волосам, которые были возвращены постом.

⁷ Вскормил.

⁸ Отшельника.

⁹ Посвящает.

¹⁰ *Только по слову моему.*

¹¹ Дикие овощи.

¹² Диких плодов.

¹³ Нефтию, смолою... и хворостом.

А муж желаний Даниил, который три седмицы хлеба не ел и воды не пил, научил поститься и львов, сошедши к ним в ров. Ибо львы не могли вонзить в него зубов, как будто он был из камня, или из меди, или из другого какого твердого вещества. Как железо закаляется чрез погружение, так пост, закалив тело Даниилово, соделал его неприступным для львов, и они не отверзли уст на святого. Пост угасил силу огненную, заградил уста львов.

Пост препосылает молитву на небо, делаясь для нее как бы крыльями, при восхождении горе. Пост – приращение домов, мать здоровья, воспитатель юности, украшение старцев, добрый спутник путешественникам, надежный сожитель супругам. Муж не подозревает измены в супружеской верности, видя, что жена свыклась с постом. Жена не снедается ревностью, примечая, что муж возлюбил пост. Кто истощил дом свой во время поста? Сочти, что в нем теперь, сочти, что будет после – от поста ничто не убудет в доме. Ни одно животное не жалуется на смерть, нигде нет крови, нигде неумолимое чрево не изрекает приговора на животных, нож поваров бездействен, стол довольствуется тем, что не требует приготовлений.

Иудеям дана была суббота: *да почиет, сказано, раб твой и осел твой* (Втор. 5, 14). Да будет пост успокоением от непрестанных трудов слугам, которые в продолжение целого года услуживают тебе. Дай отдых своему повару, дай свободу собирающему на стол, останови руку виночерпия; пусть отдохнет когда-нибудь изготовляющий разные печенья; пусть и дом успокоится от тысячей тревог, от дыма и смрада, от беготни вверх и вниз прислуживающих чреву, как неумолимому властелину. Конечно, и сборщики налогов позволяют иногда ненадолго пользоваться свободой тем, которые в их руках. Пусть даст некоторый роздых устам, пусть заключит с ними пятидневное перемирие и это чрево, которое всегда требует и ни на чем не останавливается, ныне получает – и завтра забывает; когда наполнено – любомудрствует о воздержании, а как скоро отошало – не помнит тех правил.

Пост не знает, что значит взятое взаем: от трапезы постящегося не пахнет ростом¹⁴. Сына постника и в сиротстве не душат отцовские долги, как обвивающиеся змеи.

Но с другой стороны, пост служит и поводом к веселию. Как жажда придает питию сладость и предшествовавший голод делает трапезу вкусною, так и пост делает приятным вкушение яств. Когда займет он собою средину между наслаждениями, пресекая их непрерывность, тогда произведет то, что принятие пищи, как бы находившееся с тобою в разлуке, покажется тебе вожделенным. Поэтому, если хочешь сделать себе стол привлекательным, допусти чередование поста. А ты, тем самым, что слишком любишь наслаждение, неприметным образом ослабляешь для себя оное и сластолюбием уничтожаешь сладость. Сколько ни было бы что вожделенно, от непрерывности наслаждения оно делается презренным, а что имеешь у себя в редкость, наслаждение тем всего более желательно. Так и Сотворивший нас устроил, чтобы приятность даров Его не уменьшалась, потому что одно сменяется в жизни другим. Не замечаешь ли, что и солнце светлее после ночи, и бодрствование приятнее после сна, и здоровье вожделеннее по испытании противного? Поэтому и трапеза приятнее после поста как богатым, имеющим хороший стол, так и простым людям, которые довольствуются наскоро приготовленною пищею.

Убойся примера богача (см.: Лк. 16, 19–31). Его предала огню роскошная жизнь, потому что не в несправедливости, но в сластолюбии обвиненный, мучился он в пламени пещном. Поэтому, чтобы погасить нам сей огонь, нужна вода. И не для будущего только полезен пост: он драгоценен и для плоти. Самое крепкое здоровье подвержено переменам и переворотам, потому что природа изнемогает и не может переносить бремени здоровья. Смотри же, чтобы тебе, гнушаясь теперь водою, впоследствии не просить и капли ее, как просил богач. Никто не пьянел с воды, ни у кого не болела голова, обременившись водою, никто, привыкши пить воду, не имел нужды в чужих ногах, ни у кого не отнимались ноги, не переставали действовать руки

¹⁴ Ростовщичеством.

от того, что напитаны водою. Ибо беспорядок в пищеварении, который необходимо сопровождает сластолюбцев, производит в телах жестокие болезни. У постящегося и цвет лица почтенный: он не переходит в бесстыдную багровость, но украшен целомудренной бледностью; взор у него кроткий, походка степенная, лицо осмысленное, не обезображиваемое неумеренным смехом; у него мерность в речи, чистота в сердце.

Приведи на память святых, бывших от начала века, *ихже не бе достоин мир, иже приидоша в милотех, в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени* (Евр. 11, 38, 37). Подражай их образу жизни, если домогаешься части с ними. Что упокоило Лазаря в недрах Авраамовых? Не пост ли? А жизнь Иоаннова была единый пост. У него не было ни одра, ни стола, ни возделанной земли, ни вола земледельца, ни хлеба, ни хлебника, ни иного чего нужного для жизни. Потому *не воста в рожденных женами болий*¹⁵ *Иоанна Крестителя* (Мф. 11, 11). А Павла, между прочим, и пост, о котором он также упоминает, хвалясь своими скорбями, возвел на третье небо (2 Кор. 12, 1–5).

Но важнее всего сказанного то, что Господь наш, постом укрепив воспринятую Им за нас плоть, принял на Себя в ней приражения¹⁶ диавола, как нас научая постом умащать и приучать себя к подвигам в искушениях, так и противнику доставляя Своим алканием удобство приступить к Нему. По высоте Божества, Он был бы неприступен противнику, если бы чрез алкание не снизошел до человеческой немощи.

Он, восходя на небеса, вкушал пищу, чтобы удостоверить в естестве воскресшего тела; ты же не перестаешь утучнять себя и облагать плотию и нисколько не заботишься о том, что ум свой ты изнуряешь, не питая его спасительными и животворными учениями. Или не знаешь, что как в бою спорничество одному производит одоление другого, так передающийся на сторону плоти препобеждает дух и перешедший на сторону духа порабощает плоть? Ибо они противоборствуют друг другу. Поэтому, если хочешь сделать крепким ум, обуздай плоть постом. Это и есть то самое, что сказал Апостол: *в какой мере внешний человек тлеет, в такой внутренний обновляется*; и еще: *егда немощствую, тогда силен есмь* (2 Кор. 4, 16; 12, 10). Ужели не презришь снедей тленных? Ужели не возжелаешь трапезы во Царствии, которую, без сомнения, предуготовляет здешний пост? Или не знаешь, что неумеренностию в пресыщении готовишь себе упитанного мучителя – червя? Ибо кто, при обильной пище и непрестанной роскоши, принимал какое-либо общение в духовном даровании? Моисей, чтобы принять второе законоположение, имел нужду во вторичном посте. Если бы с ниневитянами не постились и бессловесные, то не избежали бы предвозвещенного разорения. *Чьи кости падоша в пустыни* (Евр. 3, 17)? Не тех ли, которые желали мясожестия? Пока довольствовались они манною и водою из камня – побеждали египтян, путешествовали по морю *и не бе в коленях их боляй*¹⁷ (Пс. 104, 37). А когда вспомнили о котлах с мясами и вождедением своим возвратились в Египет, тогда не увидели земли обетования. Ужели не боишься сего примера? Не страшишься того, что объядение может и тебя не допустить до чаемых благ? И мудрый Даниил не увидел бы видений, если бы не просветлил душу свою постом. Из тучной пищи, наподобие густого облака, выходят как бы дымные испарения и преграждают путь озарениям Святого Духа, осиявающим ум. Если же и у Ангелов есть какая пища, то разве хлеб, как говорит пророк: *хлеб ангельский яде человек* (Пс. 77, 25), а не мясо, не вино, не что-либо такое, к чему пристрастны рабы чрева. Пост есть оружие для ополчения против демонов, потому что род сей *не исходит, токмо молитвою и постом* (Мф. 17, 21). И столько благ от поста!

А пресыщение – начало всякого вреда. Ибо вместе с роскошью, пьянством и всякого рода лакомствами, тотчас возникают все виды скотской невоздержности. От сего люди, как

¹⁵ Большой.

¹⁶ Искушения.

¹⁷ И не было в коленях их болящего.

скоро роскошь вонзит свое жало в душу, делаются [как] *кони женонеистовни*¹⁸ (Иер. 5, 8). У упившихся и естество превращается¹⁹: в естестве мужеском вожделевают они женского и в женском – мужеского. Но пост указывает меру и в делах супружеских, удерживая от неумеренности даже в том, что дозволено законом: по согласию отделяет время на то, *да пребывают в молитве* (см.: 1 Кор. 7, 5).

Впрочем, пользу поста не ограничивай одним воздержанием от снедей, потому что истинный пост есть устранение от злых дел. *Разрешай всяк союз неправды* (Ис. 58, 6). Прости ближнему оскорбление, прости ему долги. *Не в судех и сварех поститесь* (Ис. 58, 4). Не ешь ты мяс, но поедаеть брата. Воздерживаешься от вина, но не удерживаешь себя от обид. Вкусить пищу дожидаешься вечера, но тратишь день в судебных местах.

Горе вам, *пиянии* не от вина (Ис. 28, 1). Раздражение есть упоение души: оно так же выводит ее из ума, как и вино. И скорбь также есть упоение: она потопляет разум. Страх – новое упоение, когда бывает, от чего не должно ему быть. Ибо сказано: *от страха вражия изми душу мою* (Пс. 63, 1). И вообще, всякую страсть, которая выводит ум из себя, справедливо можно назвать упоением. Представь себе разгневанного: как он упоен страстию, он себе не господин, не узнает себя, не узнает присутствующих, как в ночной битве всех касается, на всякого нападает, говорит, что пришло на ум, он неудержим, ругает, бьет, грозит, клянется, кричит, разрывается.

Бегай сего опьянения, не пристражайся и к упоению вином. Водопития не предворяй многопитием. Не пьянство должно тайноводствовать тебя к посту. Не чрез пьянство входят в пост, как не чрез любостыжательность – в справедливость, не чрез невоздержание – в целомудрие и, кратко сказать, не чрез порок – в добродетель. Другая дверь к посту. Пьянство вводит в невоздержность, а к посту ведет трезвость. Борец предварительно упражняет тело – постник предварительно воздерживается. Этим пяти дням да не предшествует у тебя пьянство, чтобы тебе наперед вознаградить себя за них или перехитрить Законодателя. Ибо без толку трудишься: сокрушаешь тело, а голода не предотвращаешь. Это кладовая ненадежна, ты наливаешь в дырявую бочку. Вино вытекает, идя своим путем, а грех остается. Слуга бежит от господина, который бьет, а ты не оставляешь вина, которое ежедневно бьет тебя в голову. Лучшая мера в употреблении вина – телесная потребность. А если выйдешь из пределов, то будешь завтра ходить с больною головою, страдая зевотою и головокружением, издавая из себя запах перегнившего вина, тебе будет казаться, что все ходит кругом, что все колеблется. Упоение производит сон, который есть брат смерти, и пробуждение, похожее на сновидение.

Знаешь ли, Кого готовишься принять к себе? Того, Который обещал нам: *Я и Отец приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). Для чего же прибегаешь сперва к пьянству и заключаешь вход Владыке? Для чего наперед допускаешь врага занять твои твердыни? Пьянство не дает места Господу, пьянство отгоняет Духа Святого. Дым гонит прочь пчел, а неумеренное винопитие отгоняет духовные дарования.

Пост – благообразие города, благоустройство торжища, мир домов, спасение имуществ. Хочешь ли видеть его досточестность? Сравни нынешний вечер с завтрашним и увидишь город, из шума и волнений перешедший в глубокую тишину. Но желаю, чтоб и нынешний вечер досточестностию уподоблялся завтрашнему и завтрашний несколько не уступал в светлости нынешнему.

Господь же, приведший нас в сей круг времени, да поможет нам, как борцам, в сих предварительных подвигах показав твердость и силу терпения, достигнуть и дня, готовящего венцы: ныне (дня) воспоминания спасительного страдания, а в будущем веке (дня) мздовоздаяния за

¹⁸ Откормленные кони.

¹⁹ Извращается, искажается.

совершенное нами на праведном суде Самого Христа, потому что Ему слава во веки веков.
Аминь.

Лавсаик

Об Исидоре-странноприимце

Сначала пришел я в город Александрию, во второе консульство великого царя Феодосия (ныне за свою правую веру во Христа пребывающего со Ангелами), и в этом городе встретил мужа дивного по жизни, украшенного всеми совершенствами – и словом, и нравом, и ведением. То был пресвитер Исидор, странноприимец Александрийской Церкви. Первые годы юности, говорят, провел он в пустыне в трудах подвижничества. Видел я и келию его в горе Нитрийской. Ему было лет семьдесят, когда я пришел к нему. Проживши еще пятнадцать лет, он скончался в мире.

Сей святой муж до самой кончины своей не носил льняной одежды, кроме покрывала на голове, не ходил в баню, не касался мяса, никогда не вкушал пищи до сытости. А между тем, по милости Божией, тело его было так полно, что все, кто не знал жития его, думали, что он живет весьма роскошно. Если бы стал я рассказывать подробно о каждой добродетели, то у меня не достало бы времени для рассказа. Он был так кроток, человеколюбив и миролюбив, что самые враги его, которых он имел по причине своей правой веры во Христа, уважали, можно сказать, тень сего мужа за чрезвычайную его доброту. А духовную благодать святой муж сей имел столь великую и такое ведение Священного Писания и разумения божественных догматов, что даже во время трапезы, в часы, когда с братиею, по обыкновению, принимал пищу, ум его приходил в восторг и уединял его. Когда его просили рассказать, что было во время этого восторга, он говорил: «Я странствовал мыслию, быв восхищен таким-то созерцанием». Я и сам часто видел, как он плакал во время трапезы. На вопрос мой о причине слез он отвечал: «Стыдно мне, разумному созданию, питаться бессловесною пищею; мне бы следовало быть в раю сладости и там насыщаться нетленною снедию, по данной нам от Христа власти».

В Риме он был известен всему сенату и женам вельмож с того времени, как приходил туда, сперва с Афанасием Великим, а потом со святым Димитрием епископом. Он хотя имел большое богатство и изобилие в потребностях житейских, но пред смертью не написал завещания. И сестрам своим, девицам, не оставил ни денег, ни вещей, а поручил их Христу сими словами: «Бог, сотворивший вас, дарует вам и потребное для жизни, как и мне даровал». С сестрами жили в одной обители семьдесят дев.

О Дорофее

Когда еще в молодости пришел я к нему (Исидору) и просил преподать мне первоначальное наставление в монашеской жизни, – между тем как мне по пылкости возраста нужны были не слова, а труды телесные и изнурение плоти, – он, как искусный укротитель молодых коней, выведши меня в так называемые пустынные келии верст за пять от города, поручает Дорофею, одному подвижнику Фивейскому, жившему около шестидесяти лет в пещере, и приказывает мне пробыть при нем три года для укрощения страстей моих (он знал, что старец сей ведет самую суровую жизнь), а по истечении трех лет опять возвратиться к нему для дальнейшего духовного наставления. Но я не мог прожить у него трех лет: сильная болезнь заставила меня оставить его раньше определенного срока.

Жизнь его была самая суровая, многотрудная и строгая. Целый день, и в самый зной полуденный, собирая камни в пустыне приморской, он постоянно строил из них келии и потом отдавал их тем, которые сами не могли строить, и таким образом каждый год строил по келии. Однажды я сказал сему святому мужу: «Что ты делаешь, отец, в такой старости убивая свое

тело на жару такими трудами?». Он отвечал мне: «Оно убивает меня, а я буду убивать его». Съедал он унций²⁰ шесть хлеба в день и связочку овощей да выпивал воды несколько. Бог свидетель, не видывал я, чтобы он протянул ноги или лег спать на рогоже или на постели – всю ночь, бывало, сидит и вьет веревки из финиковых ветвей, из которых плел корзины на покупку хлеба себе. Думал я, что, может быть, он при мне только начал вести такую строгую подвижническую жизнь, и тщательно стал спрашивать у многих учеников его, всю ли жизнь он так подвизается (из них иные жили отдельно друг от друга и сами уже славились добродетелию). Они сказывали мне, что он с юности жил так, никогда не ложился спать, а только разве во время работы или за столом смыкал на несколько минут глаза, так что от дремоты и кусок иногда выпадал у него изо рта. Однажды я понуждал сего святого мужа прилечь немного на рогожу; он огорчился и сказал мне: «Уговори сперва Ангелов, чтобы они уснули когда-нибудь, тогда уговоришь и ревностного подвижника».

Однажды он послал меня часу в девятом на свой колодезь налить кадку, из которой все брали воду. Было уже время обеда. Пришедши к колодезю, увидел я на дне его аспида²¹ и, в испуге не начерпавши воды, побежал к нему с криком: «Погибли мы, авва: на дне колодца я видел аспида!». Он усмехнулся скромно, потому что был ко мне весьма внимателен, и, покачивая головою, сказал: «Если бы диаволу вздумалось набросать аспидов, или змей, или других ядовитых гадов во все колодцы и источники водные, ты не стал бы вовсе пить?». Потом, вышедши из келии, он сам налил кадку и первый тотчас испил воды, сотворивши крестное знамение над нею и сказавши: «Где крест, там ничего не может злоба сатаны».

²⁰ Унция – старинная мера веса, равная 29,86 г.

²¹ Аспид – ядовитая змея.

Лествица

Слово 2. О беспристрастии, то есть отложении попечений и печали о мире

1. Кто истинно возлюбил Господа, кто истинно желает и ищет будущего царствия, кто имеет истинную скорбь о грехах своих, кто поистине стяжал память о вечном мучении и Страшном Суде, кто истинно страшится своего исхода из сей жизни, тот не возлюбит уже ничего временного, уже не позаботится и не попечется ни об имениях и приобретениях, ни о родителях, ни о славе мира сего, ни о друзьях, ни о братьях, словом, ни о чем земном, но, отложив все мирское и всякое о нем попечение, еще же и прежде всего, возненавидев самую плоть свою, наг, и без попечений и лености последует Христу, непрестанно взирая на небо и оттуда ожидая себе помощи, по слову святого, сказавшего: *прилепе душа моя по Тебе* (Пс. 62, 9), и по изречению иного приснопамятного: *аз же не утрудихся, последуй тебе, и дне, или покоя человека не пожелах, Господи* (Иер. 17, 16).

2. Великий стыд нам, оставившим все вышеозначенное, после призвания, которым Господь, а не человек, нас позвал, – заботиться о чем-нибудь таком, что не может принести нам пользы вовремя великой нашей нужды, то есть во время исхода души. Сие то значит, как Господь сказал, обратиться вспять и не быть управлену в Царствие Небесное. Господь наш, зная удобопоползновенность нашу в новоначалии и что мы, живя и обращаясь с мирскими, легко можем опять возвратиться в мир, сказавшему: *повели мне пойти погребсти отца моего*, говорит: *остави мертвыя погребсти своя мертвецы* (Лк. 9, 59–60).

3. Бесы, по отречении нашем от мира, внушают нам ублажать милостивых и сострадательных из мирян, а себя окаывать, как лишивших себя таковых добродетелей. Намерение же сих врагов наших то, чтобы чрез ложное смирение или в мир возвратить нас, или, если останемся в монашестве, низринуть нас в отчаяние. Иное дело по высокомерию своему уничтожать живущих в мире, а иное – в удалении от них охуждать их с тем, чтобы избежать отчаяния и стяжать надежду спасения.

4. Итак, услышим, что Господь сказал юноше оному, по-видимому исполнившему все заповеди: *единого ти недостает, продать имение и раздать нищим* (см.: Лк. 18, 22) и самого себя сделать нищим, приемлющим милостыню от других.

5. Все, желающие с пламенным усердием проходить подвиг (иночества), рассмотрим внимательно, как Господь всех пребывающих в мире и живых назвал мертвыми, сказав некоему: *оставь мертвым, то есть мирянам, умершим в суете мирской, погребать мертвых телом* (см.: Лк. 9, 60). Богатство нисколько не препятствовало оному юноше приступить ко крещению. Посему напрасно некоторые думают, что Господь ради крещения повелевал ему продать богатство. Этого свидетельства Христова да будет довольно для совершенного уверения нас в величайшей славе монашеского звания.

6. Должно исследовать, почему живущие в мире и пребывающие в бдениях, в постах и злострадании, когда по удалении из мира приступают к монашескому житию как к месту испытания и подвижническому поприщу, не проходят уже прежнего своего подвига, ложного и притворного. Видел я весьма многие и различные растения добродетелей, насаждаемые мирскими людьми и как бы от подземного стока нечистоты напаяемые тщеславием, окапываемые самохвальством и утучняемые навозом похвал, но они скоро засохли, когда были пересажены на землю пустую, недоступную для мирских людей и не имеющую смрадной влаги тщеславия, ибо любящие влагу растения не могут приносить плода в сухих и безводных местах.

7. Если кто возненавидел мир, тот избежал печали. Если же кто имеет пристрастие к чему-либо видимому, то еще не избавился от нее, ибо как не опечалиться, лишившись любимой вещи? Хотя во всем нужно нам иметь великое трезвение, но прежде прочего должно в этом отношении наиболее быть разумно внимательными. Я видал многих в мире, которые чрез попечения, заботы, занятия и бдения телесные избегали неистовства своего тела, но, вступивши в монашество и обеспеченные здесь по всему, жалким образом осквернялись от плотского движения²².

8. Будем внимать себе, чтобы, думая идти узким и тесным путем, в самом деле не блуждать по пространному и широкому. Узкий путь будет тебе показан утеснением чрева, всеобщим стоянием, умеренным питием воды, скудостью хлеба, очистительным питием бесчестия, принятием укоризн, осмеяний, ругательств, отсечением своей воли, терпением оскорблений, безропотным перенесением презрения и тяготы досаждений; когда будешь обижен – терпеть мужественно; когда на тебя клеветают – не негодовать; когда уничижают – не гневаться; когда осуждают – смиряться. Блаженны ходящие стезями показанного здесь пути, *яко тех есть Царство Небесное* (Мф. 5, 3).

9. Никто увенчанным не войдет в небесный чертог, если не совершит первого, второго и третьего отречения. Первое есть отречение от всех вещей, и человеков, и родителей; второе есть отречение своей воли; а третье – отвержение тщеславия, которое следует за послушанием. *Изыдите от среды их и отлучитесь, и нечистоте мира не прикасайтесь, глаголет Господь* (2 Кор. 6, 17). Ибо кто из мирян сотворил когда-нибудь чудеса? Кто воскресил мертвых? Кто изгнал бесов? Никто. Все это – победные почести иноков. и мир не может вместить оных; если же бы мог, то к чему было бы монашество и удаление из мира?

10. Когда бесы по отречении нашем начнут распалать наше сердце воспоминанием о родителях и сродниках наших, тогда вооружимся против них молитвою и воспламеним себя памятью о вечном огне, чтобы воспоминанием об оном угасить безвременный огонь нашего сердца.

11. Если кто думает, что не имеет пристрастия к какой-нибудь вещи, а лишившись ее, печалится сердцем, то вполне прельщает самого себя.

12. Юные, расположенные к плотской любви и чревоугождению, если захотят вступить в монашество, должны обучать себя в нем со всяким трезвением и вниманием и понуждать себя удаляться от всякого наслаждения и лукавства, чтобы последнее не было для них горше первого. Сие пристанище бывает причиною и спасения, и бед; это знают преплывающие сие мысленное море. Но жалкое зрелище, когда спасшиеся в пучине претерпевают потопление в самом пристанище.

Степень вторая. Текущий да бежит, подражая Лоту, а не жене его.

Слово 3. О странничестве, то есть, уклонении от мира

1. Странничество есть невозвратное оставление всего, что в Отечестве сопротивляется нам в стремлении к благочестию. Странничество есть недерзновенный нрав, неведомая премудрость, необъявляемое знание, утаеваемая жизнь, невидимое намерение, необнаруживаемый помысл, хотение уничтожения, желание тесноты, путь к Божественному вождению, обилие любви, отречение от тщеславия, молчания глубины.

2. В начале обыкновенно, как бы огнем божественным, сильно и продолжительно беспокоит любителей Господних помыслов об удалении от своих желанием худости и тесноты побуждающий к оному любителей такового добра. Но сколь велик и достохвален сей подвиг, столь

²² Потому что не имели приличного труда и должного охранения.

великого и рассуждения требует, ибо не всякое странничество, предпринимаемое в крайней степени, есть добро²³.

3. Если всякий пророк без чести в своем отечестве, как сказал Господь (см.: Лк. 4, 24), то должно остерегаться, чтобы уклонение от мира не было нам поводом к тщеславию. Ибо странничество есть отлучение от всего, с тем намерением, чтобы сделать мысль свою неразлучною с Богом. Странник есть любитель и делатель непрестанного плача. Странник есть тот, кто избегает всякой привязанности, как к родным так и к чужим.

4. Поспешая к жизни уединенной, или странничеству, не дожидайся миролюбивых душ, ибо тать приходит нечаянно. Многие, покусившись спасти вместе с собою нерадивых и ленивых, и сами вместе с ними погибли, когда огонь ревности их угас со временем. Ощутивши пламень, беги, ибо не знаешь, когда он угаснет и оставит тебя во тьме. О спасении других не все подлежим ответу, ибо божественный Апостол говорит: *темже убо кийждо нас, братие, о себе слово даст Богу* (Рим. 14, 12). И опять: *научая инаго, себе ли не учиши?* (Рим. 2, 21). Как бы сказал: все ли должны мы пещись о других, не знаю, о самих же себе всячески должны мы заботиться.

5. Странничествуя, остерегайся праздноскитающегося и сластолюбивого беса, ибо странничество дает ему повод искушать нас.

6. Хорошо беспристрастие, а мать его есть уклонение от мира. Устранившийся всего ради Господа не должен уже иметь никакой связи с миром. Дабы не оказалось, что он скитается для удовлетворения своим страстям.

7. Устранившись мира, не прикасайся к нему более, ибо страсти удобно опять возвращаются.

8. Ева невольно изгоняется из Рая, монах же добровольно выходит из своего отечества; ибо та снова пожелала бы вкусить от древа преслушания, а сей непременно подвергся бы беде от сродников по плоти.

9. Тех мест, которые подают тебе случай к падению, убегай как бича; ибо когда мы не видим запрещенного плода, то не так сильно его и желаем.

10. Да не скроется от тебя и следующая хитрость и лесть невидимых врагов: они советуют нам не отлучаться от мирских, внушая, что мы получим великую награду, если, видя женский пол, будем себя удерживать. Но не должно им в этом покоряться, а делать противное их внушению.

11. Когда мы, на год или на несколько лет удалившись от своих родных, приобретем малое некоторое благоговение, или умиление, или воздержание, тогда суетные помыслы, приступивши, побуждают нас опять идти в отечество для назидания, говорят, и примера, и пользы многих, видевших некогда наши беззаконные дела; а если мы еще богаты даром слова и имеем сколько-нибудь духовного разума, тогда уже как спасителям душ и учителям советуют они нам возвратиться в мир, с тем чтобы мы благополучно собранное в пристанище бедственно расточили в пучине. Постараемся подражать Лоту, а не жене его, ибо душа, обратившись туда, откуда вышла, уподобится соли, потерявшей силу, и сделается неподвижною. Беги из Египта невозвратно, ибо сердца, обратившиеся к нему, не увидели Иерусалима, т. е. земли бесстрастия. Хотя тем, которые вначале ради младенченности духовной оставили своих и успели совершенно очиститься, и можно с пользою возвратиться к ним в том намерении, чтобы, как сами спаслись, так спасти и некоторых из ближних; впрочем Моисей Боговидец, и Самим Богом посланный на спасение единоплеменного рода, претерпел многие беды в Египте, т. е. помрачения в мире.

12. Лучше оскорбить родителей, нежели Господа, потому что Сей и создал, и спас нас, а те часто погубляли своих возлюбленных и подвергали их вечной муке.

²³ Или потому, что предпринимается самонадеянно и дерзновенно, или выше сил и возможности.

13. Странник тот, кто везде с разумом пребывает, иноязычный среди иноязычного народа. Мы удаляемся от близких наших или от мест не по ненависти к ним (да не будет сего), но избегая вреда, который можем от них получить. Как во всех благих делах, так и в сем учителем нашим есть Сам Христос, ибо видим, что и Он многократно оставлял родителей по плоти, и когда некоторые сказали: *мати Твоя и братия Твоя ищут Тебе* (Мк. 3, 32), благий наш Господь и учитель тотчас показал бесстрастную ненависть к ним, сказавши: *мати Моя и братия Моя суть творящие волю Отца Моего, Иже есть на небесех* (Мф. 12, 49–50).

14. Да будет отцом твоим тот, кто может и хочет потрудиться с тобою для свержения бремени твоих грехов; а материю – умиление, которое может омыть тебя от скверны; братом – сотрудник и соревнитель в стремлении к горнему; сожительницу неразлучную стяжи – память смерти; любезными чадами твоими да будут сердечные воздыхания; рабом да будет тебе тело твое, а друзей приобретай в Небесных Силах, которые во время исхода души могут быть полезными для тебя, если будут твоими друзьями. *Сей есть род* (т. е. сродство) *ищущих Господа* (Пс. 23, 6).

15. Любовь Божия угащает любовь к родителям, а кто говорит, что он имеет ту и другую, обманывает сам себя, ибо сказано: *Никтоже может два господина работати* (Мф. 6, 24) и пр. *Не приидох*, – говорит Господь, – *мир воврещи на землю* (Мф. 10, 34), т. е. мир между родителями и их сынами и братьями, желающими Мне работать, *но* брань и меч, чтобы боголюбивых отлучить от миролюбивых, вещественных от невещественных, (плотских от духовных), славлюбивых от смиренномудрых, ибо Господь веселится о разделении и разлучении, бывающем из любви к Нему.

16. Берегись, берегись, чтобы за пристрастие к возлюбленным тобою родственникам все у тебя не явилось как бы объатым водами и чтобы ты не погиб в потоке миролюбия. Не склоняйся на слезы родителей и друзей, в противном случае будешь вечно плакать. Когда родственники окружают тебя, как пчелы или, лучше сказать, как осы, оплакивая тебя, тогда немедленно обрати душевные очи твои на смерть и на дела (твои), чтобы тебе можно было отразить одну скорбь другою. Сии наши или, лучше, не наши лукаво обещаются сделать для нас все, что мы любим; намерение же их то, чтобы воспрепятствовать доброму нашему стремлению, а потом уже привлечь нас к своей цели.

17. Удаляясь от мира, мы должны избирать для жительства места, лишённые случаев к утешению и тщеславию и смиренные; если же не так, то мы действуем по страсти.

18. Утаевай благородство свое и не величайся своею знатностью, чтобы не оказался ты один на словах, а другой на деле.

19. Никто в такой мере не предавал себя странничеству, как тот Великий, который услышал: *изыди от земли твоея, и от рода твоего, и от дому отца твоего* (Быт. 12, 1), и притом был призываем в иноплеменную и варварскую землю.

20. Иногда Господь много прославляет того, кто сделается странником по примеру сего Великого, но хотя сия слава и от Бога дается, однако ее хорошо отвращать щитом смирения.

21. Когда бесы или и люди будут хвалить нас за странничество как за великий подвиг, тогда помыслим о Том, Который ради нас снишел на землю в виде странника, и найдем, что мы воздать за сие во веки веков не можем.

22. Пристрастие к кому-нибудь из родственников или из посторонних весьма вредно, оно может мало-помалу привлечь нас к миру и совершенно погасить огонь нашего умиления. Как невозможно одним глазом смотреть на небо, а другим на землю, так невозможно не подвергнуться душевным бедствиям тому, кто мыслями и телом не устранился совершенно от всех своих родственников и не родственников.

23. Добрый и благоустроенный нрав приобретается многим трудом и подвигом, но можно в одно мгновение потерять то, что было приобретено и многим подвигом. *Тлят бо обычаи блага беседы злы* (1 Кор. 15, 33), мирские и непристойные. Кто по отречении от мира обраща-

ется с мирскими людьми или близ них пребывает, тот, без сомнения, или впадает в их дела и сети, или осквернит сердце помышлением о них, или, хотя не оскверняясь, но осуждая оскверняющихся, и сам с ними осквернится.

О сновидениях, бывающих новоначальным

24. Нельзя скрыть того, что понятие ума нашего весьма несовершенно и всячески исполнено неведения; потому что гортань различает снеди, слух распознает мысли, при взгляде на солнце оказывается немощь очей, а неразумие души обнаруживают слова. Но закон любви понуждает и на то простираться, что выше силы. Итак, я думаю, (впрочем, не утверждаю), что после слова о странничестве и даже в самом этом слове должно сказать несколько о сновидениях, чтобы нам знать и о сем коварстве злохитрых наших врагов.

25. Сновидение есть движение ума при неподвижности тела. Мечтание есть обман очей в усыплении мысли. Мечтание есть исступление ума при бодрствовании тела. Мечтание есть видение того, чего нет.

26. Причина, по которой мы после предшествовавшего слова решились говорить о сновидениях, очевидна. Когда мы, ради Господа, оставив свои дома и родственников, предаем себя отшельнической жизни из любви к Богу, тогда бесы стараются возмущать нас сновидениями, представляя нам сродников наших или сетующих, или за нас в заключении держимых и другие напасти терпящих. Посему кто верит снам, тот подобен человеку, который бежит за своею тенью и старается схватить ее.

27. Бесы тщеславия – пророки в снах; будучи проницательны, они заключают о будущем из обстоятельств и возвещают нам оное, чтобы мы, по исполнении сих видений, удивились и, как будто уже близкие к дарованию прозрения, вознеслись мыслию. Кто верит бесу, для тех он часто бывает пророком, а кто презирает его, пред теми всегда оказывается лжецом. Как дух, он видит случающееся в воздушном пространстве и, заметив, например, что кто-нибудь умирает, он предсказывает это легковерным чрез сновидение. Бесы о будущем ничего не знают по предведению, но известно, что и врачи могут нам предсказывать смерть.

28. Бесы многократно преобразуются в Ангелов света и в образ мучеников и представляют нам в сновидении, будто мы к ним приходим, а когда пробуждаемся, то исполняют нас радостью и возношением. Сие да будет тебе знаком прелести, ибо Ангелы показывают нам муки, Страшный Суд и разлучения, а пробудившихся исполняют страха и сетования. Если станем покоряться бесам в сновидениях, то и во время бодрствования они будут ругаться над нами. Кто верит снам, тот вовсе не искусен, а кто не имеет к ним никакой веры, тот любомудр. Итак, верь только тем сновидениям, которые возвещают тебе муку и Суд, а если приводят тебя в отчаяние, то и они от бесов.

Сия третья степень, равночисленная Святой Троице. Вступивший на нее да *не озирается ни на десно, ни на лево* (Втор. 5, 32).

Песнопения 1-й седмицы Великого поста

Господи, спасительное воздержание двоеденствующе вопием Ти: умили сердца нас, рабов Твоих, и прими суция со страхом молитвы наша, подая нам благотечное поста поприще, очищение и велию милость.

«Господи, второй день пребывая в спасительном воздержании, мы взываем Тебе: пошли умиление в сердца Твоих рабов и прими молитвы наши, приносимые со страхом, даруй нам успешно пройти путем постным, очищение и богатую милость».

Из службы вторника 1-й седмицы

Трезвися, бодрствуй, воздохни, прослезися, постом все бремя греха душе отвергни, теплым покаянием отбегни огня и плачем страстей плачевную ризу раздери, одежду Божественную приемлющи.

Из службы вторника 1-й седмицы

Кто огонь угаси? Кто затче уста зверей? Пост, отроки из пеци избавлей, и пророка Даниила от львов снеди: егоже лобызаим и мы, братие.

«Кто погасил огонь? Кто заградил пасти диких зверей? Пост, который избавил отроков от сгорания в печи, а пророка Даниила – от съедения львами. Облобызаем же и мы, братья, этот пост».

Из службы вторника 1-й седмицы

Аще и согреших, Спасе, но вем, яко человеколюбец еси, наказуеши милостивно и милосердствуеши тепле: слезяца зриши и притекаеши яко Отец, призывая блудного.

«Хотя и согрешил я, но знаю, что Ты человеколюбив, Спаситель: наказываешь милостиво и горячо переживаешь, видишь меня плачущим и бежишь навстречу, как Отец, призывая блудного сына».

Из Великого Канона св. Андрея Критского

Андрее честный, и отче преблаженнейший, пастырю Критский, не престай моляся о воспевающих тя, да избавимся вси гнева, и скорби, и тления, и прегрешений безмерных, чтущии твою память верно.

Тропарь св. Андрею Критскому, вошедший в Великий Канон

Среда 1-й седмицы Великого поста

По средам и пятницам (и некоторым праздникам) в течение всей Четыредесятницы совершается Литургия Преждеосвященных Даров. На 1-й седмице Великого поста по традиции большая часть православных христиан приступает к Святым Христовым Тайнам после особой сосредоточенной подготовки и исповеди обычно в субботу или воскресенье. За Литургией Преждеосвященных Даров на 1-й седмице причащаются те, кто не может по болезни или по какой-либо другой основательной причине строго поститься пять дней этой особой великопостной недели. В остальные великопостные седмицы за Литургией Преждеосвященных Даров могут приобщаться все желающие, кроме младенцев, которых причащают только за полной Литургией.

Прп. Феодор Студит. Поучение в среду первой недели Великого поста. О посте, бесстрастии и чистоте

Братия и Отцы! Настоящие дни святого поста между прочими временами года уподобляются тихому пристанищу, куда все стекаются и обретают духовную тишину, не только иноки, но и миряне, малые и великие, властители и подчиненные, цари и иереи, ибо время сие полезно и спасительно для всякого рода и возраста людей. Теперь и в городах, и селениях прекращаются всякие смятения и беспорядки, а умножаются славословия и песнопения, милостыни и молитвы, которыми благий наш Бог умилоствляется и преклоняется к милосердию, умиротворяет души наши и подает нам прощение грехов, если только мы искренно обратимся к Нему от всего своего сердца, припадая к Нему со страхом и трепетом и обещаясь оставить всякий худой навык, какой кто имел. Но христиане, живущие в миру, имеют учителей, т. е. своих архиереев и пастырей, которые наставляют их и учат. Ибо как борцы и бойцы требуют возбуждения, так и постящиеся требуют ободрения и утешения учителей. А так как и я среди вас, возжеленных, нахожусь на месте предстоятельства и игуменства, то и на мне лежит долг сказать вам несколько слов об этом душеспасительном посте.

Братия! Пост есть обновление души, ибо Апостол говорит: насколько тело изнемогает и увядает от постного подвига, настолько душа обновляется день ото дня, и делается прекрасною, и блистает красотою, которую дал нам Бог от начала. А когда она постом и покаянием очистится и украсится, тогда и Бог возлюбит ее и будет жить в ней, как и Господь говорит: *Аз и Отец приидема и обитель у него сотворима* (Ин. 14, 23). Посему, если таково достоинство поста и такова благодать его, что он соделывает нас жилищем Божиим, то и должно нам встретить его с великою радостью и веселием, а не унывать по причине скудости в пище, зная, что Господь наш Иисус Христос, когда в пустыне благословил пять хлебов, напитал пять тысяч народа хлебом и водою. Он мог бы повелеть, если бы захотел, чтобы там появились всякого рода яства, но этим Он подал нам пример воздержания, чтобы мы заботились только о необходимом. Пост теперь сначала кажется для нас делом трудным, но если мы день ото дня будем прилагать усердие и понуждение, то при помощи Божией нам будет легче. Однако если мы хотим, чтобы пост наш был истинным и приятным Богу, то с воздержанием в пище будем воздерживаться и от всякого греха душевного и телесного, как научает нас и стихира, в которой сказано: *«пост не ошаяние брашен точию совершим, но всякия греховныя страсти отчуждение»*. Будем блюстись от лености и нерадения о своем келейном правиле и о службах церковных, а более всего от тщеславия, завистливой ревности, от ненависти по злобе и от вражды, так как это страсти тайной, убивающей душу; будем блюстись от злонравия и самочиния, т. е. не будем присваивать вещей и исполнять свою волю. Ибо ничего так не любит диавол, как если найдет человека, который не вопрошает другого и не советуется с могущим наставить его на добро; тогда враг удобно прельщает самочинника и уловляет его во всем, что он совершает и считает за добро.

Будем бдительно внимать, особенно относительно плотской похоти, ибо и ныне, когда постимся, многообразный змий диавол борет нас худыми помыслами. Красив на вид и приятен для вкуса плод греха, но не таков он на деле. Как иногда яблоко снаружи кажется красивым, а когда его разрежешь, найдешь внутри гнилость, так и похоть плотская как будто заключает в себе наслаждение, а когда совершится грех, окажется горче желчи и как обоюдоострый меч. Это потерпел праотец наш Адам: он был прельщен диаволом, вкусил от плода преслушания и надеялся чрез сие получить жизнь, но обрел смерть. Это претерпевают и все с того времени доселе, которые прельщаются от древнего змия худыми пожеланиями плотских страстей. Ибо диавол есть тьма, но преобразуется и является, как Ангел света. Так изобретатель зла сатана и злое показывает добрым, и горькое сладким, и темное светлым, и безобразное красивым, и

смерть представляет жизнь, и этим прельщает мир и мучит его. Но мы, братия, будем иметь особенное внимание, дабы он не уловил нас многими своими и лукавыми кознями, чтобы не пострадать нам подобно птицам, которые из-за снедей попадают в силки и сети. Будем осторожно испытывать умом своим ухищрения злобы, и во всяком случае познавать зло, где оно скрывается, и блюстись от него. Сверх сего будем иметь усердие и тщательность к псалмопениям и службам церковным; будем умом нашим старательно внимать тому, что читается. Ибо как тело, питаясь хлебом, укрепляется и растет, так и душа питается Словом Божиим. Будем повсечасно совершать коленопреклонения, каждый по силе своей и сколько ему назначено; будем заниматься и рукоделиями своими, ибо ничего не делающий, по слову Апостола, не достоин даже и пищи (см.: 2 Сол. 3, 10). Друг другу будем помогать, ибо один бывает немощен, а другой силен; не будем спорливы, а будем только совершать добро; будем сладкоречивы, мирны, снисходительны, милосерды, кротки, благопокорливы, исполнены милости и плодов благих. И мир Божий да сохранит сердца наши и ум, и да сподобит нас Небесного Царства, о Христе Иисусе Господе нашем, Которому подобает слава и держава с Отцем и Св. Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Лавсаик

О Потамиене

Блаженный Исидор-странноприимец рассказывал мне, что он, быв у святого и блаженного Антония, слышал от него нечто такое, что стоит записать. Именно: одна прекрасная лицом девица, Потамиена, во время Максимиана-гонителя была рабою у какого-то сластолюбца. Господин долго старался обольстить ее различными обещаниями, но не мог. Наконец, пришедши в ярость, он представил ее тогдашнему александрийскому префекту как христианку, которая хулит настоящее правительство и царей за гонения, и обещал ему довольно денег за наказание ее. «Ежели ты, – говорил он, – убедишь ее согласиться на мое желание, то не предавай ее истязанию, а когда она по-прежнему будет оставаться непреклонною, умори ее в мучениях». «Пусть же, – говорил он, – живая не смеется над моею страстию».

Привели мужественную девицу пред судилище и начали терзать тело ее разными орудиями казни, в то же время и уговаривали ее различными словами, но она оставалась непоколебимою в своей душе, как стена. Тогда судия избирает из числа орудий казни самое страшное и мучительное: он приказывает наполнить большой медный котел смолою и поджечь его сильнейшим огнем. Когда смола стала клокотать и кипеть, безжалостный судия обращается к блаженной девице и говорит: «Или ступай покорись воле твоего господина, или знай – я прикажу бросить тебя в этот котел». Потамиена отвечала: «Можно ли быть таким несправедливым судиею, чтобы приказывать мне повиноваться сладострастию?». Разъяренный судия повелевает раздеть ее и ввергнуть в котел. Тогда она вскрикнула и сказала: «Заклинаю тебя жизнью императора, которого ты боишься, – прикажи, по крайней мере, не раздевать меня, если ты уже присудил мне такую казнь, а вели понемногу опускать в смолу, и ты увидишь, какое терпение даровал мне Христос, Которого ты не знаешь». Таким образом, ее понемногу опускали в котел в продолжение часов почти трех, пока она не испустила дух, как скоро смола уже захватила у нее горло.

О слепце Дидиме

В Церкви Александрийской тогда было много святых мужей и жен, усовершенствовавшихся в добродетели и достойных наследовать «землю кротких». В числе их подвизался и блаженный писатель Дидим, совсем слепой. Я сам видел его раза четыре, когда назад тому лет десять ходил к нему. Он скончался восьмидесяти пяти лет. Слепцом сделался он, как сам мне рассказывал, еще по четвертому году, грамоте не учился и никаких учителей не знал: свой природный ум был для него верным наставником. Он украсился такою благодатию духовного ведения, что на нем самым делом исполнилось сказанное: *Господь умудряет слепцы* (Пс. 145, 8). Книги Ветхого и Нового Завета знал он все до слова, а догматы изучал так тщательно и учение, в них содержащееся, излагал так тонко и основательно, что ведением превзошел всех древних.

Однажды он заставлял меня сотворить молитву в своем доме, и как я не хотел, то он рассказал мне вот что: «В эту келию три раза входил блаженный Антоний посетить меня, и, когда я предлагал ему сотворить молитву, он тотчас преклонял колена в сей самой келии, не дожидаясь, чтобы я повторил приглашение, – так он научил меня послушанию самым делом. И ты, если последуешь его житию, как монах и пришелец, ради добродетели брось всякое упрямство».

Он же рассказывал мне еще следующее: «В один день я размышлял о жизни гонителя, несчастного царя Юлиана. Мне так было грустно от этих мыслей, что я ничего не вкушал до

позднего вечера. И вот, сидя на скамье, заснул я и вижу в видении: мимо меня скачут на белых конях всадники и кричат: “Скажите Дидиму – сего дня, в седьмом часу, Юлиан скончался; встань и ешь и пошли весть епископу Афанасию на дом, чтобы и он узнал об этом”. Я заметил, – сказал Дидим, – час и день, неделю и месяц – так и оказалось».

Об Александре

Рассказывал мне этот писатель Дидим об одной служанке по имени Александра. Оставив город, она заключилась в гробнице и получала что нужно через отверстие, а сама не показывалась на глаза ни мужчинам, ни женщинам лет около десяти. В десятое лето почив, сия блаженная, говорят, сама себя приготовила к погребению. Женщина, которая к ней ходила, пришедши по обыкновению, не получила ответа и сказала нам об этом. Мы отправились, открыли вход в пещеру гроба, вошли туда и увидели, что она почилла.

Говорила нам о ней и преблаженная Мелания Римляныня, о которой в свое время и в своем месте расскажу. «Не могла я, – говорит она, – видеть сию блаженную в лице, но, ставши у отверстия, просила ее открыть причину, по которой оставила она город и заключила себя во гробе. Она отвечала мне через отверстие: “Один человек сходил с ума по мне. Чтобы не огорчать и не бесчестить его, я лучше решила заключить себя живою в этой гробнице, нежели соблазнить душу, созданную по образу Божию”. Когда я сказала ей: “Как же ты, раба Христова, выносишь это, что совсем никого не видишь, а одна ратуешь против скорби и помыслов?” – она отвечала: “С самого утра, часа до девятого, я молюсь и с час пряду лен, в остальные часы припоминаю себе сказания о вере святых отцов и патриархов, о подвигах блаженных апостолов, пророков и мучеников. Когда наступает вечер, я, принеся славословие Господу моему, ем свою долю хлеба, а ночь всю провожу в молитве, ожидая конца своего, когда разрешусь отселе с благою надеждою и явлюсь лицу Христову”».

Расскажу теперь и о тех, которые, имея вид благочестия, жили в небрежении о душе своей, – расскажу к похвале усовершенствовавшихся в добродетели и для предостережения читателей.

Лествица

Слово 4. О блаженном и приснопамятном послушании

1. По порядку слова прилично нам предложить теперь о подвижниках и страдальцах Христовых, ибо как всякий плод предваряется цветом, так всякому послушанию предшествует уклонение от мира телом или волею. Двумя сими добродетелями (т. е. уклонением от мира и отвержением своей воли) преподобное послушание, как златыми крылами, безленостно восходит на небо, и, может быть, о сих-то крылах некоторый духоносец воспел: *кто даст ми криле яко голубине? и полещу* деянием, *и почию* (Пс. 54, 7) в видении и смирении.

2. Не преминем, если угодно, изъяснить в этом Слове и самый образ воинствования сих мужественных ратников: как они держат щит веры к Богу и своему наставнику, отвращая им, так сказать, всякий помысл неверия и переходения (в другое место); и всегда вознося меч духовный, убивают им всякую собственную волю, приближающуюся к ним, и, будучи одеты в железную броню кротости и терпения, отражают ею всякое оскорбление, уязвление и всякие стрелы; имеют они и шлем спасения – молитвенный покров своего наставника; ногами же своими не стоят совокупленно, но одну простирают на служение, а другую имеют неподвижно на молитве.

3. Послушание есть совершенное отречение от своей души, действиями телесными показуемое; или наоборот, послушание есть умервщление членов телесных при живом уме. Послушание есть действие без испытания, добровольная смерть, жизнь, чуждая любопытства, беспечалие в бедах, неуготовляемое пред Богом оправдание, бесстрашие смерти, безбедное плавание, путешествие спящих. Послушание есть гроб собственной воли и воскресение смирения. Послушный, как мертвый, не противоречит и не рассуждает ни в добром, ни во мнимом, ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его²⁴. Послушание есть отложение рассуждения и при богатстве рассуждения.

4. Начало умерщления и душевной воли, и членов тела бывает прискорбно, средина иногда бывает с прискорбием, иногда без прискорбия, а конец уже без всякого ощущения и возбуждения скорби. Тогда в скорби и болезни сердечной бывает сей блаженный и живой мертвец, когда увидит, что исполняет свою волю, ибо страшит его бремя собственного осуждения.

5. О вы, которые решились вступить на поприще сего мысленного исповедничества; вы, которые хотите взять на выю свою иго Христово; вы, которые отसेле желаете сложить бремя свое на выю другого; которые стремитесь добровольно продать себя в рабство, чтобы в замену оно получить истинную свободу; вы, которые преплываете великую сию пучину, будучи поддерживаемы руками других, знайте, что вы покусились идти путем кратким, хотя и жестоким, на котором одна только есть стезя, вводящая в заблуждение: она называется самочинием. Кто совершенно отвергся самочиния и в том, что он почитает добрым, духовным и богоугодным, тот уже достиг цели, прежде нежели вступил в подвиг, потому что послушание есть неверование себе самому во всем добром, даже до конца жизни своей.

6. Когда мы в намерении и разуме смиренномудрия желаем покорить себя ради Господа и без сомнения верить спасение наше иному, то еще прежде вступления нашего на сей путь, если мы имеем сколько-нибудь проницательности и рассуждения, должны рассматривать, испытывать и, так сказать, искусить сего кормчего, чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо врача – на больного, вместо бесстрастного – на человека, обладаемого страстями, вместо пристани – в пучину и таким образом не найти готовой гибели. Но по

²⁴ Т.е. отец, чрез послушание умертвивший в нем страстную волю.

вступлении на поприще благочестия и повиновения уже отнюдь не должны мы испытывать или судить в чем-нибудь доброго нашего наставника и судию, хотя, может быть, в нем, как в человеке, и увидим некоторые малые согрешения. Если же не так, то, сделавшись сами судиями, не получим никакой пользы от повиновения.

7. Желающим соблюдать всегда несомненную веру к наставникам необходимо нужно незабвенно и неизгладимо хранить в сердце своем их добродетели, с тем чтобы воспоминанием об оных заградить уста бесам, когда они станут в нас всевать к ним неверие, ибо сколько вера цветет в сердце, столько и тело успевает в служении, а кто преткнулся о камень неверия, тот уже пал, ибо всячески, *еже не от веры, грех есть* (Рим. 14, 23). Когда помысл склоняет тебя испытать или осудить твоего наставника, как от блуда, отскочи от оногo, не давай сему змию никакого послабления, ни места, ни входа, ни приступа, но говори ему: «О прелестник! Не я над наставником, а он надо мною получил суд, не я его, а он мой судья».

8. Отцы псалмопение называют оружием, молитву – стеною, непорочные слезы – умывальницею, а блаженное послушание назвали исповедничеством, без которого никто из страстных не узрит Господа.

9. Послушник сам на себя произносит суд, потому что если он совершенно повинуетя ради Господа, то хотя он и не думает, что совершенно послушен, но от суда своего (т. е. обличений совести) освобождается; если же он в чем-нибудь исполняет свою волю, то хотя ему и будет казаться, что он повинуетя, однако сам несет свое бремя²⁵. Впрочем хорошо бы было, если бы наставник не переставал обличать его; если же он умолкнет, то не знаю уже что и сказать об этом. В простоте повинующиеся ради Господа благополучно совершают путь свой, не навлекая на себя коварства бесов своими тонкими исследованиями.

10. Прежде всего исповедуем добродетели нашего согрешения наши наедине; если же повелит, то и при всех, ибо язвы объявляемые не преуспевают на горшее, но исцеляют.

О разбойнике покающемся

11. Пришедши в некоторое общежитие, видел я страшное судилище добродетели и пастыря. В мою бытность там случилось, что один разбойник пришел, изъявляя желание вступить в монашество. Превосходный пастырь оный и врач повелел ему семь дней пользоваться совершенным покоем и только рассматривать устройство обители. По прошествии седьмого дня, пастырь призывает его и спрашивает наедине: желает ли он остаться с ними жить? И увидев, что он со всею искренностью согласился, опять спрашивает его, что он сделал худого, живя в мире. Разбойник немедленно и со всем усердием исповедал ему все грехи свои. Тогда пастырь, искушая его, сказал: «Хочу, чтобы ты объявил все это перед всем братством». Он же, истинно возненавидевши грех свой и презревши весь стыд, не колеблясь обещался исполнить сие, говоря: «Если хочешь, то сделаю это даже посреди Александрии». Тогда пастырь собрал в церковь всех своих овец, которых было триста тридцать, и во время совершения Божественной литургии (ибо день был воскресный) по прочтении Евангелия повелел ввести сего непорочного осужденника. Некоторые из братии влекли его и слегка ударяли, руки были у него связаны назад, он был одет в волосяное вретиче и голова его была посыпана пеплом, так что от одного этого зрелища все ужаснулись и воскликнули с плачем, ибо никто не знал, что все это значит. Потом, когда он был близ святых дверей, священный оный и человеколюбивый судья воззвал к нему громким голосом: «Остановись, ибо ты недостойн войти сюда». Пораженный исшедшим к нему из алтаря гласом пастыря (ибо, как он после с клятвою уверял нас, ему казалось, что он слышит гром, а не голос человеческий), разбойник пал на землю, трепеща и весь потрясен был страхом. Когда он, таким образом повергшись на землю, омочил помост слезами, тогда сей

²⁵ Т.е. не может иметь того спокойствия духа, каким пользуются истинно повинующиеся.

чудный врач, который всеми мерами устраивал его спасение и всем подавал образ спасения и действительного смирения, повелел ему объявлять пред всеми подробно все сделанные им беззакония, и он с трепетом исповедал один за другим все возмутительные для слуха грехи свои, не только плотские, по естеству и против естества сделанные с людьми и животными, но и чародеяния, и убийства, и другие злодеяния, которые не следует ни слышать, ни предавать писанию. Тотчас после сей исповеди пастырь повелел его постричь и причислить к братии.

12. Удивляясь премудрости сего преподобного, я спросил его наедине, для чего он употребил столь странный образ покаяния? «По двум причинам, отвечал сей истинный врач. Во-первых для того, чтобы исповедавшегося настоящим посрамлением избавить от будущего; что и сбылось, ибо он, брате Иоанне, не прежде встал с помоста, как получивши прощение всех согрешений. И не сомневайся в этом, ибо один из братий, присутствовавших при сем, уверял меня, что он видел некоторого страшного мужа, державшего писаную бумагу и трость, и как только лежащий выговаривал какой-нибудь грех свой, то он тростью своею изглаждал его. Да и справедливо; ибо Давид говорит: *рех: исповем на мя беззаконие мое Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5). Во-вторых, как в числе братий моих есть и такие, которые имеют согрешения неисповеданные, то я хотел сим примером побудить их к исповеданию, без которого никто не может получить прощения».

13. Видел я и другое многое достойное удивления и памяти у достославного одного пастыря и в пастве его; и большую часть из этого постараюсь вам сообщить; ибо я немалое время находился у них, рассматривая их образ жизни, и весьма удивлялся, видя, как сии жители земли подражали небожителям.

14. Они были связаны друг с другом неразрывным союзом любви, и, что еще удивительнее, при такой любви, они были чужды всякой вольности и празднословия; прежде же всего обучались тому, чтобы не уязвить чем-нибудь совести брата. Если же в ком обнаруживалась ненависть к брату, то пастырь отсылал такого, как преступника, в особенный монастырь. Некогда один брат оклеветал пред ним ближнего: сей преподобный тотчас повелел его выгнать, говоря, что не должно допускать быть в обители двум диаволам, т. е. видимому и невидимому.

15. Видел я у сих преподобных отцов дела поистине полезные и удивительные: братство собранное и связанное о Господе, имевшее чудесное деяние и видение, ибо они так упражняли сами себя и обучали божественным добродетелям, что почти не имели нужды в напоминании настоятеля, но добровольно возбуждали друг друга к божественной бдительности. У них были установлены и навыком утверждены некоторые преподобные и божественные обычаи. Например, если случалось, что кто-нибудь из них в отсутствие предстоятеля начинал укорять или осуждать кого-нибудь или вообще празднословить, то другой брат неприметным мановением напоминал ему о бесчинии и удерживал его; если же тот не вразумлялся, тогда напоминавший, сделав поклон, удалялся. Когда нужно было беседовать, то память смерти и помышление о Вечном Суде были всегдашними предметами их разговоров.

16. Не премину сказать вам о преславнейшей добродетели тамошнего повара. Видя, что он, в своем служении, имеет непрестанное умиление и слезы, я просил его открыть мне, каким образом он сподобился сей благодати? Будучи убежден моею просьбою, он отвечал: «Я никогда не помышлял, что служу людям, но Богу; я счел себя недостойным никакого безмолвия и, смотря на огонь сей, непрестанно вспоминаю о вечном пламени».

17. Послушаем и о другой преславной добродетели тамошних отцов. Блаженные сии и во время трапезы не прекращали умного делания, но некоторыми обычными у них тайными знаками напоминали друг другу о внутренней молитве, и делали это не только на трапезе, но и при всякой встрече друг с другом, и при всяком собрании.

18. Если же кому-нибудь из них случалось пасть в какой-нибудь проступок, то братия убедительно просили его сложить на них все попечение по сему случаю, и ответ пред пастырем, и наказание. Посему и великий сей муж, зная об этом делании своих учеников, назначал уже

легчайшие наказания, будучи уверен, что наказываемый не виноват; даже он и не изыскивал, кто из них подлинно впал в проступок.

19. Как могло иметь у них место празднословие или кощунство? Если кто-нибудь из них начинал распрю с ближним, то другой брат, тут случившийся, делал поклон и тем укрощал их гнев. Когда же замечал в них памятозлобие, то объявлял о раздоре второму по настоятеле, и тот приводил их к примирению прежде захождения солнца. А если они упорствовали в ожесточении, то им или запрещалось вкушать пищу до примирения, или они были изгоняемы из обители.

20. Сия достохвальная предосторожность наблюдалась у них не напрасно, но приносила и оказывала обильный плод, ибо многие между сими преподобными просияли как деятельною жизнью, так и рассматрительностию, рассуждением и смиренномудрием. У них можно было видеть чудное и ангелоподобное зрелище: украшенные сединами и священнолепные старцы, как дети, притекали к послушанию и имели величайшею похвалою – свое смирение. Там видел я мужей, пребывавших в послушании лет по пятидесяти, которых я просил сказать мне, какое утешение получили они от такого труда? Одни из них говорили, что низошли в бездну смиренномудрия, которым на век всякую брань отразили, а другие сказывали, что достигли совершенного неощущения и безболезненности в укоризнах и досадах.

21. Видел я и других, между сими приснопамятными, украшенных белизною ангеловидною, которые пришли в состояние глубочайшего незлобия и простоты упремудренной, произвольной и богоисправленной. Ибо как лукавый человек есть нечто двойственное, один по наружности, а другой по сердечному расположению, так простой – не двойственен, но есть нечто единое. Простота же оных отцов была не безрассудная и несмысленная, по примеру старых людей в мире, которых называют выжившими из ума. По наружности они всегда были кротки, приветливы, веселы; и слова и нрав их были непритворны, непринужденны и искренни, что не во многих можно найти; внутри же, в душе, они, как незлобивые младенцы, дышали Богом и наставником своим и на бесов и на страсти взирали твердым и строгим оком ума.

22. Времени жизни моей неостанет мне, о священный пастырь и боголюбивое собрание, на описание добродетелей и небоподражательного жития сих блаженных отцов. Однако Слово наше к вам лучше украсить повествованием об их подвигах и тем возбудить вас к богоугодной ревности, нежели наполнять оное собственными моими наставлениями, ибо без всякого прекословия худшее украшается лучшим. Только не думайте, прошу вас, чтобы мы написали здесь что-нибудь вымышленное, ибо от неверия обыкновенно всякая польза теряется. Но возвратимся к продолжению нашего Слова.

Об Исидоре

23. Некоторый муж, по имени Исидор, из князей города Александрии, за несколько лет перед сим отрехшись мира, удалился в сию обитель. Всепреподобный пастырь оный, приняв его, заметил, что он весьма коварен, суров, зол и горд, посему премудрейший сий отец покусается человеческим вымыслом преодолеть бесовское коварство и говорит Исидору: «Если ты истинно решился взять на себя иго Христово, то хочу, чтобы ты прежде всего обучался послушанию». Исидор отвечал ему: «Как железо кузнецу, предаю себя тебе, святейший отче, в повиновение». Тогда великий отец, утешенный сим уподоблением, немедленно назначает обучительный подвиг сему железному Исидору, и говорит: «Хочу, чтобы ты, истинный брат, стоял у ворот обители и всякому входящему и исходящему человеку кланялся до земли, говоря: “помолись обо мне, отче, я одержим злым духом”». Исидор так послушался своего отца, как Ангел Господа. Когда же провел семь лет в этом подвиге и пришел в глубочайшее смирение и умиление, тогда приснопамятный отец, после семилетнего законного искуса и беспримерного Исидорова терпения, пожелал его, как достойнейшего, причислить к братии и сподобить руко-

положения. Но он много умолял пастыря, как через других, так и чрез меня, немощного, чтобы ему позволили там же и тем же образом оканчивать подвиг, неясно намекая сими словами на то, что кончина его приближается и что Господь призывает его к Себе, что и сбылось. Ибо когда учитель оный оставил его в том же состоянии, он по прошествии десяти дней чрез бесславие свое со славою отошел ко Господу; а в седьмой день после успения своего взял ко Господу и привратника оной обители. Блаженный говорил ему при жизни: «Если я получу дерзновение ко Господу, то ты вскоре и там неразлучен со мною будешь». Так и случилось в достовернейшее доказательство непостыдного сего послушания и богоподражательного смирения.

24. Спросил я великого сего Исидора, когда он еще был в живых: какое, во время пребывания его у ворот, ум его имел делание? Достопамятный сей, желая оказать мне пользу, не скрыл от меня этого. «Вначале, – говорил он, – я помышлял, что продал сам себя в рабство за грехи мои – и потому со всякою горестию, самонасилием и кровавым понуждением делал поклоны. По прошествии же года сердце мое уже не ощущало скорби, ожидая от Самого Господа награды за терпение. Когда минул еще один год, я уже в чувстве сердца стал считать себя недостойным и пребывания в обители, и видения отцов, и зрения на лица их, и причащения Св. Таин и, поникши очами долу, а мыслию еще ниже, уже искренно просил входящих и исходящих помолиться обо мне».

Архиеп. Аверкий (Таушев). Сущность поста и современное непонимание поста

Наступает Великий пост. Святая Церковь радостно поет: *«Возсия весна постная!..»* *«Радостно примем, верши, богодохновенное заветие поста...»* *«Постное время светло начнем!..»*

Но едва ли не большинство современных христиан даже не понимают, чему радоваться и в чем именно заключается истинный пост. Многие, очень многие в наше время считают, что сущность поста состоит лишь в запрещении вкушать скоромную пищу, т. е. мясо, молоко, сыр и яйца, и не понимают, какой смысл в таком запрещении. Любители сытно и вкусно покушать даже негодуют на Церковь, зачем она это установила, говоря, что «это ни к чему, ни на что не нужно», что «не все ли равно, что есть», и на деле отвергают пост, совершенно игнорируя его и вовсе не соблюдая поста. Редко-редко в наши дни кто радуется наступлению поста и постится, особенно по-настоящему, как этого требует Устав церковный. Большинство или просто не считаются с постом никак, или выдумывают для своего непощения всевозможные извинения и оправдания, вплоть до каких-то якобы непреодолимых трудностей доставать и готовить постную пищу. Мы не говорим здесь о тех, кто по состоянию своего здоровья, по немощи или по болезни не могут поститься: таких и церковно-канонические правила, и святые отцы-подвижники освобождают от поста.

Но важно знать и помнить то, что истинный пост и не состоит только в одном телесном воздержании. Грубое заблуждение думать, будто сущность поста заключается лишь в невкушении скоромной пищи. Церковь не только никогда так не учила, а учила всегда и учит прямо противоположному: именно, что с телесным постом непременно должен быть соединен пост духовный, и он-то, этот пост духовный, и заключает в себе самую сущность поста – то именно, для чего и установлен Церковью пост.

«От брашен постящийся, душе моя, и страстей не очистившись, всуе радуешься неедением: аще бо не вина ти будет ко исправлению, яко ложная возненавидена будеши от Бога, и злым демоном уподобишася, николиже ядущим» (на стиховне, стихира среды сырной), т. е. «Если ты воздерживаешься от пищи, а от страстей не очищаешься, то ты напрасно радуешься неедению: если твой пост не послужит тебе к исправлению твоей жизни, то в очах Божиих ты явишься обманщиком-лицемером и уподобишься злым демонам, которые никогда не едят».

Вот потому-то и великий святитель нашей Российской Церкви Тихон Задонский прямо говорит, что один телесный пост без поста духовного «ничтоже есть», т. е. не имеет никакого значения.

Уже отсюда можно видеть, насколько неосновательно ходячее мнение, будто Церковь видит весь смысл поста в неедении мяса, сыра, молока, масла, яиц, и этим пост якобы ограничивается.

Телесный пост для тех, кто может выдержать его во всей строгости, чрезвычайно важен, полезен и нужен, но только как мощное подсобное средство для главного – поста духовного. Ибо цель поста – обуздание плоти, в которой коренится грех, а кроме того – смиренное подчинение себя Церкви, послушание ей. Наша жизненная задача – искоренение греховных страстей: сластолюбия, корыстолюбия и гордости, от коих происходят и все другие многочисленные страсти, обуревающие падкого на грех человека и служащие причиною зла в мире и неисчислимых бедствий для человека, делающих еще здесь на земле жизнь его преддверием ада, и в конечном результате приводящих его к смерти телесной, которая является возмездием за грех (см.: Рим. 6, 23), а затем – и к еще более страшной – смерти духовной.

Мудрование бо плотское смерть есть», учит нас Слово Божие, «а мудрование духовное живот и мир. Зане мудрование плотское вражда на Бога: закону бо Божию не покаряется, ниже бо может. Суции же во плоти Богу угодити не могут (Рим. 8, 6–8).

Вот для того, чтобы смирить и обуздать слишком крепкую и здоровую плоть, которая способна угнетать и поработать себе дух, и назначается пост телесный, но сущность поста не в нем, а в посте духовном – обуздании и искоренении греховных страстей. Об этом ясно поет Церковь в своих глубоко назидательных песнопениях первой седмицы Великого поста.

«Постящися, братие, телесне, постимся и духовне...»

Как же это «духовне»?

А вот как: *«разрешим всякий союз неправды, расторгнем стропотная нуждных изменений, всякое списание неправедное раздерем, дадим алчущим хлеб, и нищья безкровныя введем в дома, да приимем от Христа Бога велию милость»* (стихира на вечерни в среду).

Еще понятнее и выразительнее говорит об этом духовном посте стихира на вечерне в понедельник: *«Постимся постом приятным, благоугодным Господеви: истинный пост есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголения, лжи и клятвопреступления. Сих оскудение, пост истинный есть и благоприятный».*

Кажется, здесь вполне понятно сказано и не требует разъяснений, в чем именно состоит истинный пост, или пост духовный? В отчуждении души от всякого зла.

Конечно, это всегда должен делать всякий истинный христианин, но многие в суете мира и в служении своим страстям забывают об этом, и вот Св. Церковь Великим постом особенно сильно и убедительно напоминает об этом, призывая к покаянию и к борьбе со злом, источником которого являются греховные страсти.

Итак, если ты действительно не можешь, не в силах поститься постом телесным, то постись хотя бы постом духовным, что для каждого вполне доступно, и будешь постником, какого именно и желает видеть Св. Церковь, ибо *«пост не ошаение (воздержание) брашен точию совершим, но всякие вещественные страсти отчуждение...»* (стихира на вечерни во вторник):

А потому, кто постится самым строгим телесным постом, совсем почти ничего не вкушая, но в то же время не борется с злыми чувствами в своей душе, дает волю своему языку, злословит ближних и празднословит, внося смущение и соблазны, подстрекая других на делание зла, раздражается и гневается на ближнего, доходя до состояния злобной ярости, клеветает и оговаривает ни в чем неповинных людей, лжет на каждом шагу и преступает данные клятвы, – пост такого человека вовсе не есть пост, а лишь фарисейское лицемерие.

Как часто в наше время встречаются именно такие люди, которые или совсем никак не желают поститься, или постятся одним телесным постом, величаются им перед другими, слабо или плохо постящимися, и ублажают сами себя, как «праведников», ища похвалы и с тщеславным услаждением принимая эту похвалу от других!

К этим последним полностью можно отнести обличительные слова Господа Иисуса Христа, обращенные к фарисеям: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония (Мф. 23, 27–28).*

Нехорошо быть такими фарисеями, но, с другой стороны, плохо и нарушать пост, боясь обвинений в фарисействе, как это часто случается в наш век легкомысленного безверия. Ведь теперь очень распространено обвинение в фарисействе, даже там, где в действительности имеет место искреннее благочестие и стремление жить по заповедям Божиим и уставам Св. Церкви.

А чтобы избежать столь распространенного в наши дни, даже среди неверных и маловерных, только в разных вариантах, недуга фарисейства, надо помнить всегда данное нам в

притче о мытаре и фарисее наставление Господа о том, что не следует о себе высоко думать, осуждая и унижая других, а надо постоянно смирять себя в своих мыслях, осуждая не других, а самого себя за свои грехи. Нет хуже и зловреднее мании величия, которая низводила и низводит на дно адово.

Не думайте о себе более, нежели должно думать (Рим. 12, 3) – так учит нас Слово Божие, а потому: «Фарисеева убежим высокоглаголения, и мытареве научимся высоте глагол смиренных, покаянием взывающе», как молился мытарь: «Боже, милостив буди мне грешнику!»

И с таким внутренним душевным настроением *«постное время светло начнем, к подвигом духовным себе подложивше: очистим душу, очистим плоть, постимся якоже в снадех от всякия страсти, добродетельми наслаждающеся духа: в нихже совершающеся любовью, да сподобимся вси видети всечестную страсть Христа Бога и Святую Пасху, духовно радующеся!»* (стихира на вечерни в неделю Сыропустную).

Вот это и есть настоящий пост, который приводит нас к миру совести и духовной радости, чего не понимает глубоко погрязший во зле современный мир! А как мы с вами?

Песнопения 1-й седмицы Великого поста

Безначальная, несозданная Троице, нераздельная Единице, кающаяся мя приими, согрешивша спаси, Твое есмь создание, не презри: но пощади и избави огненного мя осуждения.

Повержена мя Спасе, пред враты Твоими, поне на старость не отрини мене во ад тща, но прежде конца, яко Человеколюбец, даждь ми прегрешений оставление.

«Поверженного пред вратами Твоими, Спаситель, хоть в старости не отвергни во ад меня, пустого, но перед кончиной как Человеколюбец прости мои согрешения».

Тропари из Великого Канона св. Андрея Критского из службы среды 1-й седмицы

Веси создание наше, веси немощь нашу Человеколюбче: согрешихом, но не отступихом от Тебе Боже, ниже воздохом руки наша к богу чуждому, пощади нас Твоею благостию, Благоутробне.

«Знаешь наше состояние, знаешь нашу немощь, Человеколюбче; мы согрешили, но не отступили от Тебя, Боже, и не возвели рук наших к иному богу – пощади нас по доброте Своей, Благий».

Тропарь пророчества из службы среды 1-й седмицы

Четверг 1-й седмицы Великого поста

Лавсаик

О сребролюбивой девственнице

В Александрии была одна девственница – впрочем, по имени только, ибо хотя имела наружность смиренную, но в душе была скупа, сварлива и до крайности пристрастна к деньгам, больше златолюбивая, нежели христолюбивая: из своего имущества никогда не подавала она ни одного овола²⁶ ни страннику, ни бедному, ни монаху, ни девственнице, ни несчастному, ни в церковь. Несмотря на многие увещания святых отцов, она не свергала с себя тяжести богатства. Были у нее и родные, и она взяла к себе на воспитание дочь сестры своей. Ей-то день и ночь обещала она свое имущество, отвергшись сама небесной любви. А и это есть одно из обольщений диавола, что он порождает в человеке недуг любостяжания под предлогом родственной любви.

О родстве у него совсем нет заботы – это видно из того, что он научил братоубийству, матереубийству и отцеубийству, как известно из Священного Писания. Иногда кажется, он побуждает пещись о родных, но делает сие не по благорасположению к ним, а для того, чтобы увлечь душу к несправедному делу, верно зная сказанное: *несправедницы Царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6, 9). Кто водится духовным разумением и Божественною любовию, тот может, и не оставляя попечения о своей душе, помогать родным в нуждах и доставлять им различные пособия, но, кто всю душу свою поработил заботе о родных, тот подлежит суду Закона за то, что мало ценил свою душу. И священный псалмопевец Давид так поет о тех, которые пекутся о душе в страхе Божиим: *кто взыдет на гору Господню* (вместо того, чтобы сказать: редкий), *или кто станет на месте святем Его? Неповинен руками и чист сердцем, иже не прият всуе душу свою* (Пс. 23, 3–4). А приемлют всуе душу свою те, кои думают, будто она разрушается вместе с этою плотию, и не радят о добродетелях духовных.

Сию девственницу, носившую только это имя, а нравом чуждую подвижничества, захотел излечить от недуга любостяжания святейший Макарий, пресвитер и надзиратель богадельни для увечных, и придумал следующее средство. Надобно заметить, что в молодости своей он обдeldывал камни. Вот он, пришедши к ней, говорит: «Попались мне дорогие камни – изумруды и яхонты; краденые они или купленные, не умею сказать, только эти камни бесценные. Хозяин продает их за пять сотен червонцев. Если тебе угодно купить их, дай мне эти деньги. Камни ты можешь употребить на наряды для своей племянницы». Девственница, всею душою связанная к племяннице, обрадовавшись случаю нарядить ее, падает в ноги Макарию и говорит: «Сделай милость, не отдавай их никому!» Святой муж приглашает ее к себе. «Дойди, – говорит, – до моего дома и посмотри камни». Но она не захотела этого и тут же отдала ему пять сотен червонцев, говоря: «Прошу тебя, достань их, как хочешь: мне не хочется видеться с человеком, который продает их». Святой Макарий, взяв от нее пять сотен червонцев, употребил их на нужды богадельни.

Прошло много времени, а девственница стыдилась напомнить ему о камнях, потому что этот муж пользовался в Александрии большим уважением как старец весьма благочестивый и милостивый (он жил около ста лет, и я еще застал его в живых). Наконец, нашедши его в церкви, говорит ему: «Что ж те камни, за которые мы дали пять сотен червонцев?». Он отвечал

²⁶ Овол – мелкая монета.

ей: «В тот же самый день, как ты дала мне деньги, я и заплатил их за камни, и, если хочешь увидеть их, пойди в мой странноприимный дом – там лежат эти камни. Посмотри, понравятся ли они тебе; в противном случае возьми свои деньги назад». Девственница пошла с радостью.

Странноприимный дом имел два отделения: в верхнем помещались женщины, а в нижнем – мужчины. Когда она пришла к дому, святой вводит ее в ворота и говорит: «Что угодно тебе сперва видеть – яхонты или изумруды?» «Что хочешь», – отвечает она. Макарий повел ее наверх и, указывая на женщин увечных, слепых, сказал ей: «Это вот яхонты!». Потом свел ее вниз и, указывая на таких же мужчин, сказал: «А это изумруды! И я полагаю, что драгоценнее этих нигде не найти! Если они не нравятся тебе, возьми свои деньги назад». Пристыженная девственница вышла и, пришедши домой, занемогла от великой печали, потому что сделала доброе дело не по любви к Богу, а против воли. После, когда девица, о коей заботилась она, по выходе замуж умерла бездетною и когда она уже сама стала употреблять свое имущество как должно, она благодарила старца.

О нитрийских подвижниках

Посетив многих святых и прожив года три в монастырях около Александрии, где видел до двух тысяч великих весьма ревностных и доблестных мужей, украшенных всякою добродетелию, я оттуда пошел в Нитрийскую гору. Между этою горою и Александриею находится озеро, называемое Мариа. Оно простирается миль на семьдесят. Переплыв его, через полтора дня пришел я к горе со стороны полуденной; к сей горе прилежит большая пустыня, простирающаяся даже до Ефиопии, Мазиков и Мавритании. По горе живет до пяти тысяч мужей, которые ведут различный образ жизни – кто как может и хочет, так что можно там жить по одному, и по двое, и многим вместе. У них семь пекарен, в которых готовят хлебы и для себя, и для отшельников, удалившихся в большую пустыню, числом до шестисот. Прожив в сей горе целый год и получив великую пользу от блаженных и преподобных отцов, каковы Арсисий Великий, Путуваст, Агион, Хроний и Серапион, я, возбужденный многими их рассказами о древнейших духовных отцах, пошел в самую глубину пустыни.

В этой горе Нитрийской только одна церковь, весьма обширная. Подле церкви находится странноприимный дом, в котором содержат странника во все время пребывания его в горе, хотя бы оно продолжалось два или три года, пока он не захочет оставить гору. Ему дозволяют жить без дела только одну неделю, а в следующие дни ему дают дело или в саду, или в пекарне, или на поварне. Если же странник – человек знатный, то ему дают читать книги, но беседовать ни с кем не дозволяют до шестого часа дня. В этой горе живут и врачи, и аптекари. Употребляют здесь и вино и продают его. Платье себе делают все сами, своими руками, так что в этом отношении они не знают нужды. По наступлении вечера можно стать и слышать в каждой келии хвалебные песни и псалмы, воспеваемые Христу, и молитвы, воссылаемые на небеса, – иной подумал бы, что он восхищен и перенесся в рай сладости. В церковь собираются только по субботам и по воскресным дням. При этой церкви восемь пресвитеров, но, доколе жив первый пресвитер, прочие не служат, не судят и не говорят поучений, а только совосседают с ним в безмолвии.

Великий Арсисий и с ним многие другие святые старцы, которых мы видели, были современниками блаженному Антонию. Из них Великий Арсисий сам мне рассказывал, что он знал и Аммуна Нитрийского, душу которого видел Великий Антоний, когда ее приняли Ангелы и возносили на небо. Говорил он еще, что знал и Пахомия Тавеннского, имевшего дар пророческий и бывшего архимандритом трех тысяч мужей. О его добродетелях расскажу после.

Лествица

Слово 4. О блаженном и приснопамятном послушании (продолжение) О Лаврентии

25. Когда я однажды сидел за трапезою с великим сим настоятелем, он приклонил святые уста свои к моему уху, и сказал: «Хочешь ли, я покажу тебе в глубочайшей седине Божественное мудрование?» Я просил его об этом, и преподобный отец позвал от второй трапезы инока по имени Лаврентия, который около сорока восьми лет жил в той обители и был вторым соборным пресвитером. Он пришел и, поклонившись игумену до земли, принял от него благословение. Но когда встал, то игумен ничего не сказал ему, а оставил его стоять перед трапезою не евши – обед же только начинался. Так он стоял с час или два, и мне стало уже стыдно взглянуть на лицо сего делателя, ибо он был совершенно седой, имея уже восьмидесятый год от роду. Он стоял таким образом без привета и ответа, пока обед не кончился, а когда встали, то преподобный послал его к вышеупомянутому великому Исидору сказать ему начало тридцать девятого псалма²⁷.

26. Я же, как лукавейший, не упустил случая испытать сего старца и спросил его, о чем он помышлял, стоя перед трапезою. Он отвечал: «Представляя себе пастыря во образе Христа, я никогда не помышлял, что получаю повеления от него, но от Бога; посему и стоял я, отче Иоанне, не как перед трапезою человеческою, но как перед жертвенником Божиим и молился Богу; и по вере и любви моей к пастырю я не имел против него никакого лукавого помышления. Ибо некто сказал: *любвы не мыслит зла* (1 Кор. 13, 4–5). Впрочем, и то знай, отче, что если кто предал себя простоте и добровольному незлобию, в том лукавый уже не находит себе места ни на мгновение».

Об экономе

27. Каков был, помощью Божиею, тот пастырь словесных овец, такого и эконома послал ему в обитель праведный Господь, ибо он был целомудр, как никто другой, и кроток, как весьма немногие. Однажды великий старец для пользы прочих притворно на него разгневался и приказал выслать его из церкви раньше времени. Зная, что он невинен в том, в чем пастырь обличал его, я, будучи наедине с сим великим, оправдывал перед ним эконома. Но премудрый муж отвечал мне: «И я знаю, отче, что он не виноват, но как несправедливо и жалко было бы вырвать хлеб из уст голодного младенца, так и наставник душ делает вред и себе и подвижнику, если не подает ему случаев к приобретению венцов, какие он, по его примечанию, может на всякий час заслуживать перенесением досад, бесчестий, унижений и поруганий. От этого происходит тройкий и весьма важный вред: во-первых, что сам настоятель лишается награды, которую получил бы за благонамеренные выговоры и наказания; во-вторых, что мог бы добродетелию одного доставить пользу другим, но этого не сделал; третий же и самый тяжкий вред состоит в том, что часто и сии самые, кажущиеся мужественными и терпеливыми, бывши оставлены на время, и как утвердившиеся в добродетели, не получая уже от настоятеля ни обличений, ни поношений, лишаются снисканной кротости и терпения. Ибо хотя земля сия и добра, и тучна, и плодоносна, но при недостатке воды бесчестия, она дичает и производит терние кичения, блуда и бесстрашия. Зная сие, великий Апостол писал к Тимофею: *настой, обличи, запрети им благовременно и безвременне* (2 Тим. 4, 2)».

²⁷ Терпя потерпех Господа и внят ми, и услыша молитву мою (Пс. 39, 1).

28. Когда же я противоречил, представляя истинному оному наставнику немощь рода нашего и то, что, может быть, многие по причине напрасного или и не напрасного взыскания могут отторнуться от паствы, тогда сей, исполненный премудрости муж сказал: «Душа, привязавшаяся ради Христа любовью и верою к пастырю, не отступает от него даже до крови, особенно же если она получила через него исцеление своих язв, памятуя сказавшего: *ни Ангели, ни Начала, ниже Силы, ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любве Христовой* (Рим. 8, 38–39). Если же душа не привязалась таким образом, не утвердилась, не прилепилась, то удивляюсь, если таковой человек не тщетно пребывает на сем месте, будучи соединен с пастырем притворным и ложным повиновением». И действительно, сей великий муж не обманулся в своем мнении, но и удержал овец в своей пастве, и наставил, и привел к совершенству, и принес Христу, как непорочные жертвы.

Об Аввакире

29. Послушаем еще и подивимся премудрости Божией, обретающейся в скудельных сосудах. Находясь в той же обители, я удивлялся вере и терпению некоторых новоначальных, и тому, как они с неутомимою твердостью переносили от настоятеля выговоры и укоризны, а иногда и отгнания, и терпели это не только от настоятеля, но и от других меньших. Для душевного назидания спросил я одного из братьев, уже пятнадцать лет жившего в той обители, по имени Аввакира, которого, как я видел, почти все обижали: а служители едва не каждый день выгоняли из трапезы, потому что сей брат от природы был несколько невоздержан на язык. «Брат Аввакир», сказал я ему, «за что тебя всякий день выгоняют из трапезы, и я часто вижу, что ты идешь спать без ужина?» Он отвечал: «поверь, отче, сии отцы мои искушают меня, точно ли я монах? И как они делают сие не вправду: то и я, зная намерение их и великого отца, терплю все без отягощения; и вот уже пятнадцать лет живу, имея сию мысль; как и сами они, при вступлении моем в обитель, говорили, что до тридцати лет искушают отрицающихся от мира. И справедливо, отче Иоанне, ибо неискушенное золото не бывает чисто».

30. Сей доблестный Аввакир, пребыв в том монастыре по моем пришествии туда два года, отошел ко Господу, и когда был при смерти, сказал отцам: «Благодарю, благодарю Господа и вас, ибо за то, что вы меня на спасение мое искушали, и я семнадцать лет был свободен от искушений бесовских». Правосудный пастырь повелел положить его как исповедника по справедливости со святыми, почивающими в том месте.

Об архидиаконе Македонии

31. Обижу я всех ревнителей добра, если погребу во гробе молчания добродетель и подвиг Македония, первого из тамошних диаконов. Сей усердно работавший Господу муж, однажды, когда приближался праздник Святого Богоявления, за два дня до него испросил у пастыря позволение сходить в Александрию по некоторой своей надобности, обещаясь скоро возвратиться из города по случаю наступающего праздника и приготовлений к оному. Но диавол, ненавидящий доброе, воспрепятствовал сему архидиакону, и он отпущенный не поспел в обитель к святому празднику в назначенный срок, а пришел на другой день. Пастырь отлучил его за это от священнослужения и низводит в чин последних между новоначальными. Но сей добрый диакон терпения и архидиакон твердости так беспечально принял сие определение отца своего, как бы не он, но кто другой кто-нибудь подвергся запрещению. Когда же он сорок дней провел в сем состоянии, премудрый пастырь опять возвел его на степень диаконства; но по прошествии одного дня Македоний умолял авву оставить его в запрещении и прежнем бесчестии, говоря, что он сделал в городе непростительный грех. Преподобный знал, что архидиакон говорит неправду и ищет сего только ради смирения, но уступил доброму желанию сего

подвижника. Удивительное было тогда зрелище! Старец, почтенный сединою, пребывал в чине новоначальных и усердно просил всех, чтобы об нем помолились. «Ибо я, – говорил он, – впал в блуд преслушания». Мне же, смиренному, сей великий Македоний сказал за тайну, почему он добровольно прибегнул к пребыванию в таком уничижении. «Никогда, – говорил он, – не чувствовал я в себе такого облегчения от всякой внутренней брани и такой сладости Божественного света, как теперь. Ангелам, – продолжал он, – свойственно не падать, и даже, как некоторые говорят, совсем невозможно пасть; людям же свойственно падать и скоро восставать от падения, сколько бы раз это ни случилось; а только бесам свойственно, падши, никогда не восставать».

32. Эконом оной обители открыл мне о себе следующее: «Когда я был еще молод, – говорил он, – и ходил за скотом, я пал однажды весьма тяжким душевным падением. Но как я привык никогда не таить змия в недрах сердца, то и сего змия, схватив за хвост (под чем разумею я конец или оставление дела), показал врачу; он же с веселым лицом, тихо ударив меня по щеке, сказал: «Поди, чадо, продолжай как прежде службу твою и отнюдь ничего не бойся». Приняв сие с горячею верою, я по прошествии немногих дней удостоверился в моем исцелении и, радуясь, а вместе и трепеща, продолжал путь свой».

33. Во всяком роде сотворенных существ, как говорят некоторые, есть многие различия, так и в том соборе братий были различия преуспеваний и произволений. Посему оный врач, когда примечал, что некоторые из братий любили выказывать себя во время пришествия мирских людей в обитель, то в присутствии тех же мирских осыпал из крайними досадами и отсылал в бесчестнейшие службы, так что после они сами поспешно убегали, как только видели мирян, приходящих в обитель. Удивительное тогда представлялось зрелище: тщеславие гнало само себя и скрывалось от людей.

О преподобном Мине

34. Господь, не хотя лишить меня молитвы одного преподобного отца в той же обители, за неделю до моего удаления из того святого места, взял его к Себе. Это был чудный муж по имени Мина, второй правитель после настоятеля, пятьдесят девять лет пребывавший в том общежитии и прошедший все послушания. В третий день по кончине его, когда мы совершали обычное молитвословие о упокоении сего преподобного, внезапно наполнилось благоуханием все то место, где лежал преподобный. Тогда великий отец повелел нам открыть раку, в которой положено было честное его тело; мы исполнили повеление и увидели все, что из честных стоп его, как два источника, истекает благовонное миро. Тогда учитель оный сказал ко всем: «Видите ли, вот болезни ног и поты трудов его принесли Богу миро. И справедливо!». Отцы же того места, кроме многих других добродетелей сего прп. Мины, рассказывали и следующее. Однажды настоятель захотел искутить богодарованное его терпение, и когда он пришел в игуменскую келию и, положив вечерний поклон перед игуменом, по обыкновению просил дать предание²⁸, то игумен оставил его лежать таким образом на земле даже до времени утреннего правила, и тогда уже благословив его, а вместе с тем и укорив как человека, любящего выказываться и нетерпеливого, восставил его. Преподобный знал, что он перенесет сие мужественно, и потому сделал это в назидание всем. Ученик же прп. Мины, утверждая истину сего происшествия, сказывал: «Я прилежно допытывался у него, не напал ли на него сон, когда он был оставлен игуменом в таком положении? Преподобный отец открыл мне, что, лежа на земле, он прочитал наизусть всю Псалтирь».

35. Не премину украсити венец сего моего слова и настоящим смарагдом. Однажды завел я с некоторыми из мужественнейших старцев той обители разговор о безмолвии; они же, с

²⁸ Т.е. наставление о ночном молитвенном правиле: числе псалмов или поклонов.

веселым видом, радушно и ласково отвечали мне: «Мы, отче Иоанне, будучи вещественны (плотяны), проходим и житие вещественное, рассудив наперед, что нам должно вступать в брань соразмерную нашей немощи, и признав за лучшее бороться с человеками, которые иногда бывают свирепы, а иногда и каются, нежели с бесами, которые всегда неистовы и всегда вооружаются на нас».

36. Некто из приснопамятных оных мужей, имея великую ко мне любовь по Богу и дерзновение, сказал мне однажды с искренним расположением: «Если ты, мудрый, в чувстве души имеешь силу того, который сказал: *Вся могу о укрепляющем мя Христе* (Флп. 4, 13), если Дух Святой рососою чистоты нашел на тебя, как на святую Деву, если сила Вышняго, сила терпения осенила тебя, то препояшь, как муж (Христос Бог), чресла твоя лентием послушания и, восстав с вечери безмолвия, умывай ноги братий в сокрушенном духе или, лучше сказать, повергни себя под ноги братства мыслями самоуничужения. В дверях сердца твоего поставь стражей строгих и неусыпных, держи неудержимый ум в теле, находящемся в молве; при действии и движении членов телесных обучайся умному безмолвию, что всего достославнее; будь неустрашим душою среди молвы; связывай язык твой, неистово стремящийся на прекословия, и семьдесят крат седмерицею в день сражайся с сим мучителем. На душевном кресте утверди ум, как утверждают наковальню в дереве, чтобы он, будучи поражаем частыми ударами молотов поругания, укорения, осмеяния и обид, пребывал нисколько не разслабляем и не сокрушаем, но весь гладок и недвижим. Совлекись собственной воли, как срамной одежды и, обнажась от оной, вступи на поприще, что редко и нелегко обретается; облекись же в броню веры, неверием к подвигоположнику не сокрушаемую и не прободаемую. Бесстыдно стремящееся осязание укрощай уздою целомудрия. Размышлением о смерти удерживай глаза свои, которые ежечасно хотят любопытно смотреть на телесную красоту и великолепие. Любопытство ума обуздывай попечением о самом себе; не позволяй ему осуждать брата в нерадении и нелестно изъясляй всякую любовь и милосердие к ближнему. О сем уразумеют вси, любезнейший отче, яко *Христовы ученицы есмы, аще во дружине любовь имамы между собою* (ср.: Ин. 13, 35). Гряди, гряди, – говорил сей добрый друг, – гряди сюда, водворись с нами и пей на всякий час поругание как воду живую. Давид, испытавши все прекрасное и все сладостное под небом, после всего как бы в недоумении сказал: *Се что добро, или что красно?* не что иное, как *еже жити братии вкупе* (см.: Пс. 132, 1). Если же мы еще не сподобились сего блага, т. е. такого терпения и послушания, то хорошо для нас, по крайней мере, познавши немощь свою, пребывая в уединении и далеко отстоя от подвижнического поприща, ублажать подвижающихся и молиться, чтобы Бог даровал им терпение». Побежден я был добрым сим отцом и превосходным учителем, который евангельски и пророчески, лучше же сказать, дружелюбно поборол нас, и мы, без сомнения, согласились дать преимущество блаженному послушанию.

37. Воспомянувши еще об одной душеполезной добродетели сих блаженных отцов и как бы вышедши из рая, предложу вам опять неприятное и неполезное мое тернословие. Неоднократно, когда мы стояли на соборной молитве, блаженный пастырь оный замечал, что некоторые из братий беседовали между собою, и таковых ставил на всю седмицу перед церковию, повелевая, чтобы они кланялись всем входящим и исходящим. И что еще удивительнее, он наказывал таким образом и самих клириков, т. е. священнослужителей.

38. Видел я, что один из братий с большим, нежели многие, чувством сердца предстоит на псалмопении, и особенно в начале песней по некоторым движениям и выражению лица его было заметно, как бы он беседует с кем-нибудь, посему я просил его, чтобы он открыл мне значение сего блаженного обычая своего. Он же, привыкши не утаивать того, что может быть полезно ближнему, отвечал: «Я привык, отче Иоанне, в начале песней собирать помыслы и ум с душою, и созывая их, взывать к ним: *«Приидите поклонимся и припадем к Самому Христу, Цареву и Богу нашему!»*

39. Наблюдая прилежно за действиями трапезного, я увидел, что он носит при поясе небольшую книжку, и допросившись о сем, я узнал, что он ежедневно записывает свои помыслы и все это пересказывает пастырю. И не только он, но и другие весьма многие из тамошних братьев делали это. Было же установлено это, как я слышал, заповедию великого оного пастыря.

40. Один из братьев был некогда им изгнан из монастыря за то, что оклеветал пред ним ближнего, назвав его пустословом и многоречивым. Изгнанный стоял семь дней у ворот обители, упрашивая, чтоб его простили и позволили ему войти в монастырь. Когда душелюбивый отец услышал об этом и, прилежно разведав, узнал, что изгнанный в продолжении шести дней ничего не ел, то объявил ему: «Если ты непременно хочешь жить в сей обители, то я помещу тебя в число кающихся». И как кающийся принял сие с радостью, то пастырь и повелел его отвести в особенную обитель оплакивающих свои грехопадения, что тогда же и было исполнено. Но как мы теперь упомянули о сей обители, то скажем о ней вкратце.

41. В расстоянии одного поприща от великой обители было место, называвшееся Темницею, лишенное всякого утешения. Там никогда нельзя было видеть ни дыма, ни вина, ни еля и никакой другой пищи кроме хлеба и небольшого количества огородных растений. В этом месте игумен заключал безвыходно тех, которые впадали в значительные грехи после вступления в иночество, и помещал их не всех вместе, но каждого в особой келлии или по два в одной, но не более, и держал их в сем заточении, пока не получал от Бога извещения о каждом из них. Он поставил над ними и наместника, мужа великого по имени Исаак, который от порученных ему требовал почти непрестанной молитвы, а на отгнание уныния было у них множество ветвей для плетения корзин. Такого было житие их, таково устройство, таково пребывание истинно *ищущих лице Бога Иаковля* (Пс. 23, 6).

42. Удивляться трудам сих святых – дело похвальное, ревновать им спасительно, а хотеть вдруг сделаться подражателем их жизни есть дело безрассудное и невозможное.

Архиеп. Филарет (Гумилевский). Слово в четверток 1-й недели Великого поста

Беззаконие мое познах, и греха моего не покрых...
Пс. 31, 5

Вот пример покаяния – кающийся Давид!

Братия! все мы грешники пред Господом; грехи наши множатся каждый день; каждый день преступаем мы волю Божию, исполняем прихоти сердца, идем вслед за помыслами страстей. Куда же приведут нас грехи наши? Что ждет нас с беззакониями нашими? Что готовит нам беспечное нечестие наше? Или – огонь геенский нам не ужасен? Вечность мук невыразимо-лютых не страшна? Впасть в руки Судии грозно-правосудного – ужели малость для нас? О, как бы это было пагубно! Что ж? Или же выход из бездны греха нам закрыт? Прегражден путь к небу? Затворены для нас двери милосердия Божия? Нет! Чего же недостает нам, чтобы спастись нам от грехов? Недостает покаяния, того самого, что было в душе Давида, когда зывал он: *беззаконие мое познах, и греха моего не покрых*.

Что нужно прежде всего, чтобы обратиться на путь жизни от пути погибели? Прежде всего нужно увидеть, что мы не там, где надлежало быть нам. Если путник идет не по своей дороге, ему надобно опомниться, осознать, что это не его путь, что путь, по которому он должен идти, совсем другой, и – только тогда может почувствовать необходимость возвратиться на свою дорогу. Как нам идти путями спасения, когда не сознаем мы доселе, где ходим, когда не видим, что мы на пути погибели? Как желать нам искренно, пламенно Жизни Вечной, жизни по воле Божией, когда доселе не осознали, что живем во мраке грехов, в похотях сердца? Если бы пленные сыны Израиля так же прилепились мыслями и сердцем к Вавилону, как дети Вавилона, стали бы они плакать о Сионе, лить горькие о нем слезы, стремиться сердцами к родному городу? Горе нам, когда мы остаемся в горьком плену Вавилона, работаем без отдыха страстям и миру погибельному, не думаем о возвращении в Сион Небесный и забыли о вечном Граде Божиим, как будто его нет для нас.

Что может быть страннее – иметь глаза и не видеть грязи на одежде, нечистоты на руках, беспорядка на всем теле? О Боже мой! куда девалась светлость очей моих? Кто отнял зрение у мысли моей? Весь покрыт нечистотою – и не вижу нечистоты моей. Все расстроено, все обезображено в душе моей – и я не вижу расстройств моего. Кто изобразит глубину падения моего? Бессловесному дано видеть земное – и оно видит землю; а моя душа, которой дано зреть красоты Неба, не видит ни небесных благ, ни безобразия земной своей жизни. О Господи! Ты просвещал очи слепцов, разгонял греховный мрак в душах заблудших, – просвети очи сердца моего, да узрю свет заповедей Твоих и мое погибельное удаление от них!

Братия! Худо мы видим грехи наши. Но будем смотреть на них – и мы увидим более, чем теперь видим, отвратим взор наш от суетного мира, не будем смотреть на предметы мятежных страстей наших, соберем рассеянные мысли наши, остановим, удержим их на одном – на памяти о себе и своих грехах. Если мы решились узнать себя, свои грехи, то необходимо, чтобы на себе самих остановили мы все внимание наше. Иначе никогда не узнаем мы себя. Как узнать, как рассмотреть себя, когда пред нашими глазами мир с толпою прелестей его, когда мысли наши заняты, наполнены суетами, заботами, впечатлениями земными? Ты, который говоришь, что готовишься принести исповедь в грехах своих пред Господом, а в то же время волнуешься заботами житейскими, расчетами по торговле, хлопотами по дому или помыслами страстей, – что ты делаешь? Себя ли ты хочешь обманывать или Бога? Первое безрассудно, последнее страшно. Опомнись! Вот в целом году Церковь назначает тебе несколько дней, чтобы ты собрался с собою, посвятил часы молитвы на обзор дел твоих, а ты и это небольшое занима-

ешь Бог знает чем. Мир с его суетами и обольщениями расстроил тебя, рассеял, осквернил душу твою: ужели не довольно того, чтобы бросить его хотя на несколько часов? О, пагубное ослепление! *Беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть вину* (Пс. 50, 5). Так познавал себя кающийся Давид. *Вину* – постоянно, не уклоняясь ни к чему другому, смотрел он на грех свой, – и тогда-то узнал его, как должно было узнать. И беглое ли внимание нужно, когда дело идет о спасении или гибели души? О! нет, не спеши отклонять взора от греха твоего, всмотрись в него прилежно. Сознал ли в себе грех осуждения? Рассмотр: что такое ты сделал? Взвесь тяжесть греха твоего. Ты увидишь, что восхитил ты себе право Судии всех Бога, будучи грешником, принял на себя лицо безгрешного, безумно блуждал мыслию за делами другого и оставил себя самого во власти грехов, гордость или суетность заставила тебя судить другого, и твой суд оскорбил его, твой суд навел его на грех недовольства тобою, а может быть, и гнева. Вот как много грехов в одном грехе осуждения брата! Достаточно ли беглого внимания, чтобы рассмотреть и обсудить несчастную плодотворность одного греха?

Ты сказал мыслию или словом: грешник я, – и тем доволен и тем кончил исповедь. Нет, исповедь еще не кончена, даже и не начата. Подумай. Ты не доволен был бы судьей, если бы он не с полным вниманием вошел в дело преступника; ты сказал бы: суд строгой правды требует, чтобы судья силою законов побудил преступника изложить все обстоятельства преступления, открыть место, время, побуждения, соучастников преступления; ты сказал бы: это необходимо, – обстоятельства дают больший или меньший вес преступлению, – и ты был прав в отношении к другому. Как же ты не хочешь быть справедливым в отношении к себе самому? Нет, не будь легкомыслен: ты стоишь пред судом Божиим. Покаешься? – Будешь жив. Кайся же. Ты сказал: грешник я. Но в чем? Сколько раз? В каком расположении? Что заставило тебя сделать грех и грехи? Осмотри дела твои, перечти одно за другим преступления твои, дай отчет перед судом Господа, поверь жизнь по всем заповедям. Тут не место небрежности. Ты не был ленив на грехи. Не ленись же каяться, понуждай себя к дознанию грехов твоих, припоминай, каков был ты на молитве, каков в доме? Каков к оскорблявшим тебя, каков к любящим тебя? Каков по обязанностям звания, каков по своей охоте? Каков был в счастии, каков в несчастьи? Как смотрел на свое горе, как на чужое? Каков был по влечению давней слабости, каков по новым привычкам? Воздерживал ли тело? Воздерживал ли язык? Воздерживал ли душу от гнева, от страстей? Пройди в памяти все непрямые пути, по которым блуждал ты, пересмотри различные места, которые были свидетелями падений, размысли о всех обязанностях совести, которыми пренебрегал ты. Вспомни, сколько раз давал ты обещания исправить и переменить жизнь твою и сколько раз нарушал их? Сколько благодатных званий к покаянию в обстоятельствах жизни твоей оставил ты без внимания? – Трудно, невозможно дать отчет во всех делах своих? Так. Но это не значит, что надобно довольствоваться общим, глухим, беспечным отзывом о себе. Что это за познание себя? Испытаем, дознаем в себе грехи все, какие можем дознать – вот что требуется от нас!

Беззаконие мое познах, и греха моего не покрых. По сему образцу Давидова покаяния испытание грехов наших должно быть искреннее. Не скрывай себя от себя и Бога. Скроешь здесь? Откроют там, и к безотрадней скорби. Скроешь от себя? Не скроешь от Бога, и к более тяжкому осуждению. Мы все твердо признаем святость обязанностей христианских, но коль скоро прилагаем их к самим себе, тотчас начинаем ослаблять их строгость, коль скоро начинаем судить себя за неисполнение их, тотчас уменьшаем виновность свою разными предлогами, разными извинениями. Охотно признаем всеобщность правил, но себя самих помещаем в исключение. Самолюбие действует в этом случае и усердно, и искусно: оно так успеваешь прикрывать самые тяжкие измены долгу, что они кажутся малыми недостатками. Но какой это страшный, богопротивный труд! Что делает в таком случае самолюбие? Оправдывая нас, преступников, оно восстает против суда Божия, объявляющего нас преступниками. Сокращая пределы власти заповедей Божиих над нами, оно нагло оскорбляет власть законодателя – Бога. И

преступно, и безрассудно, и пагубно желание наше уменьшать вины свои. Грех ищет защиты себе в душе твоей. Вот что значит твоя неискренность в сознании грехов своих! Грех ищет твоей гибели. Если теперь, когда ты собрался изгнать его из души покаянием, ты сам прикроешь его в душе, после он более будет иметь силы над тобою, более и сильнее будет растлевать душу твою. Молись Господу: *не уклони сердце мое в словеса лукавствия, нещевати вины о гресех* (Пс. 140, 4). Страшись придумывать извинения грехам. Не уклоняй взора на пример многих, идущих широким путем: в аду будет место и многим. И многие погибающие не защитят тебя от гибели. Они дадут ответ за себя точно так, как с тебя потребуются особый отчет. К чему обращаться к примеру многих грешников? Тебе повелено следовать примеру святых, а не грешников. К чему обращаться теперь к многим? Дело идет не о многих, а о тебе, о твоих грехах, суд над твоими делами – в них требуется отчет. Не ссылайся и на слабость. С слабостями были и святые. Как и всем верующим, тебе дана была благодать, сильная в немощах: что же ты делал? У тебя доставало сил проводить дни и ночи за делами житейскими или, и того хуже, за делами пагубными, а не доставало сил для поста. У тебя доставало терпения терзаться злобою и гневом, а не доставало духа перенести неприятное слово от другого или легкую потерю собственности. Не прикрывай виновности худой жизни твоей благостью Божиею. Бог милостив? Но благость Его не указывает ли на твою неблагодарность к ней? Он милостив, не взыщет? Напротив – моли Его, чтобы Он взыскал здесь и простил там, наказал здесь нечестие сердца твоего, дабы не погибнуть тебе там. Не взыщет, долготерпелив! Но горе нам, если пребудем нераскаянными грешниками, не воспользуемся долготерпением Его, тогда останется только для нас суд правды грозной. Как бы ни было тяжело расплачиваться за грех по долгу искреннего покаяния – расплатись. Тяжелее будет казнь нераскаянному грешнику. По степени и свойству болезней душевных употреби врачество, как бы горько оно ни было. Если чувствуешь холодность в душе твоей, поражай ее ударами обличения строгого, покажи ей реку огненную, червь неусыпающий, смрад вечный, чтобы пробудить ее от беспечности, заставить разорвать связь с грехами, дорогими для нее.

Итак, повторяю, для вечного спасения нашего необходимо сознание грехов, необходимо покаяние – полное и искреннее. Бог благий и милостивый да дарует нам милость совершать покаяние угодное Ему. Аминь.

Митр. Филарет (Вознесенский). Слово после чтения Канона прп. Андрея Критского

Теперь, когда уже начался Великий пост, началось время покаянных трудов поста и молитвы, какие разнообразные примеры покаяния Церковь ставит пред нами! И многие из них, как раз и св. Андрей Критский – автор этого покаянного канона, предлагает нам в своем каноне. Говорит он о том, как покаялся царь и пророк Давид. Покаяние этого великого предка Спасителя по плоти в особенности назидательно для нас, ибо открывается нам в нем, как милостив Господь и как готов Он принять человека милостию Своею, как только человек сознает свою греховность и будет просить прощение, именно твердо решивши не возвращаться к своим грехам, а начать борьбу с ними с помощью Божией.

Тяжко пал царь и пророк Давид. Когда-то, увидевши из своего царского дворца, купающуюся на кровле обнаженную красавицу Вирсавию, прельстился ее красотой и впал с ней в грех. Но этого мало; у нее был законный муж, верный, преданный, победоносный, храбрый военачальник, всецело своему государю преданный. И вот государь, такое дело совершив, мало того, что впал в грех с его женою, его самого отправил на войну и приказал окружавшим его солдатам в момент самой острой схватки военной оставить его, отойти от него, чтобы он оказался одинок, окруженный врагами. Так это и было: храбрый воин смертью храброго упал на поле брани, и об этом доносят царю. Царь берет его жену уже к себе как законную жену, и как будто бы все скрыто, все благополучно.

Приходит к царю, после того как прошло некоторое время, его частный друг и собеседник святой пророк Нафан, приводит его к сознанию греха. Сказал ему притчу о том, как один богатый человек обидел бедного, вопиюще обидел. Справедливый и добрый государь сразу воспламенился и говорит, что такой человек достоин смерти, и вдруг слышит от Нафана: «Человек этот – ты! Ты убил, как будто бы своей рукой убил, потому что по твоей воле и приказу он расстался с жизнью. Мало того, – ты отнял у него жену». И вот когда пророк Нафан ему так сказал, то царь и пророк Давид тут только понял, что он натворил! И сказал он короткую фразу: «Согрешил я пред Господом!» И пророк Нафан радостно объявляет ему милость от лица Господа, говоря: «И Господь отъял согрешения твоя!» Как недавно мы говорили в этом святом храме – это пример исполнения того, о чем говорил когда-то великий старец Амвросий Оптинский, когда одному человеку сказал, что для истинного покаяния не нужны месяцы и годы, а НУЖНО МГНОВЕНЬЕ! И вот в это мгновение и принес Богу свое покаяние царь и пророк Давид, ибо понял глубину падения своего. Он с таким ужасом и отвращением отшатнулся от него в сторону, что Господь сразу увидал, что он порвал навсегда с этим грехом, и сразу через Своего слугителя изрекает ему милость прощения.

И вот, в результате этого тяжелого двойного падения, но и восстания через покаяние пророк Давид и написал тот псалом Пятидесятый, о котором когда-то сказал великий проповедник Русской Православной Церкви свт. Иннокентий Херсонский, который, объясняя этот псалом, говорил: «Я думаю, что сатана и сейчас содрогается от ужаса, когда слышит этот покаянный псалом». В этом псалме целая школа покаяния: и сокрушеннейшее признание своей вины, безответной вины, и, вместе с тем, какой громадный духовный опыт чувствуется у царя Давида, видимо, богата была его духовная жизнь.

Бывали, вероятно, такие тяжкие падения в грех и возстание. Наученный духовным опытом, он и здесь, так тяжело павший, не отчаялся, а только что согрешивший так тяжело, однако же дерзновенно молится не только о прощении, а молится, чтобы Господь не отвергнул его *от Лица Своего, и Духа Своего Святаго* не отнял от него. И Церковь часто, часто повторяет эти слова, ободряя всякую кающуюся душу.

И вот, когда мы проходим это время покаяния, подвиг покаяния, каждый человек должен постараться заглянуть в свою душу, как можно поглубже, в самую ее глубину. Где мы живем, где мы переживаем, где мы радуемся, где мы скорбим, где мы печалимся, где мы гневаемся, где мы раздражаемся – в самой глубине нашей души, в самом сердце нашем, потому что именно туда смотрит Всевидящий и Всеведущий Бог. Сумей же усмотреть свои грехи, душа человеческая, проходящая подвиг покаяния! Конечно, нам самим это тяжело, да и непосильно, но вот и Церковь идет нам навстречу, на помощь и учит нас молиться Господу Богу о помощи, чтобы Он Сам даровал нам *зрети наши прегрешения* и о них заботиться, о них печалиться и помнить свои грехи, никогда не осуждать брата своего. Аминь.

Песнопения 1-й седмицы Великого поста

Обратися, покайся, открий сокровенная, глаголи Богу всеведущему: Ты веси моя тайная, Едине Спасе: но Сам мя помилуй, якоже поет Давид, по милости Твоей.

«Изменись, покайся, открой сокровенное, говоря Всеведущему Богу: Ты знаешь все мои тайны, но помилуй меня Сам, как поет Давид, по милости Твоей».

Тропарь из Великого Канона Андрея Критского

Душе моя, душе моя, востани, что спиши? Конец приближается, и имаше смутитися: воспрями убо, да пощадит тя Христос Бог, везде сый, и вся исполняяй.

«Душа моя, душа моя, встань, что спишь? Приближается кончина, и ты смутишься: воспрянь же ото сна, чтобы пощадил тебя Христос Бог, Вездесущий и все Собою наполняющий».

Кондак из Великого Канона Андрея Критского

Пятница 1-й седмицы Великого поста

Прп. Феодор Студит. Поучение в пяток 1-й недели Великого Поста. О том, чтобы нам украшать вечную свою обитель божественною добродетелию

Братия и Отцы! Если кто из мирян хочет построить большой и великолепный дом, то он вовсе не имеет покоя ни днем, ни ночью, трудится, заботится и терпит нужды, пока не окончится постройка дома. Они имеют такое тщание и усердие к делу сему, что ум и мысли их, и днем и ночью, ничем иным не бывают заняты, как только тем, как бы кровля вышла красивее и изящнее, и как бы весь низ и все прочее так украсить и отделать, чтобы всякий, кто бы ни посмотрел, пожелал иметь этот дом. А если бы кто захотел удерживать их от сего дела, то это для них также было бы тяжело, как понести великую обиду.

Что я хочу этим сказать вашей любви, братие честнейшие? Так как и каждый из нас строит и созидает для своей души не дом чувственный и тленный, который бывает из камней и деревьев, но обитель Небесную, нетленную и вечную, которая созидается из добродетелей и даров Св. Духа, то скажите мне, ужели мы будем нерадивее и ленивее созидающих временные дома? Не тяжкую ли понесли бы мы потерю? Тем более, что дом тленный и временный принимает в себя плотских людей, и после того, когда переменится много владельцев дома, и сам ветшает, разоряется и падает, а духовный наш дом, который созидается из добродетелей, воспринимает Св. Духа, как и апостол говорит: *Вы есте храм Бога живаго, и Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3, 16). И когда наступит для нас время оставить мир сей, и Тот последует за нами на Небеса, и будем там вечно.

Начало созидания добродетели есть страх Божий, как и Божественное Писание говорит: *начало премудрости страх Господень* (Пс. 110, 10). А потом четыре великие добродетели, т. е. мудрость, мужество, целомудрие и правда, и прочие с ними, одна с другою совокупляемые и созидаемые союзом любви, возрастают в святой храм Господа. Будем же, братия, созидать эту обитель и украшать ее добродетелями, дабы нам сподобиться иметь в себе Духа Святого, и чтобы возвеселить святых Ангелов, и людям принести пользу чрез совершение добродетелей. А так как и воздержание есть одна из великих добродетелей, в которой мы ныне подвигаемся, то воздадим славу Богу, сподобившему нас совершить одно поприще Святой седмицы. Лица наши изменились и стали бледны, но сияют благодатию воздержания. От желчи, поднявшейся вследствие поста, в устах наших ощущается горечь, но души наши усладились упованием и благодатию спасения. Ибо сии два, т. е. душа и плоть, по природе ратуют одна против другой, и когда одна укрепляется, другая бывает слабее. Итак, будем, братия, радоваться, что мы лучшую сторону, т. е. душу, соделали более крепкою.

Может быть, кто скажет: есть каждый день, но однажды – не нарушит ли совершенства воздержания? Нет, сего не должно бояться, потому что если бы было так, то не повелел бы нам Христос в молитве «Отче наш» просить потребную пищу на всякий день, или не приносил бы ворон пророку Илии всякий день пищу, а также и божественному Павлу Фивейскому, и Антоний Великий не счел бы за лучшее есть понемногу всякий день, нежели пребывать в посте по три, по четыре и по семи дней. И думается мне, что причина этому следующая: так как тело наше от дневного труда изнемогает и ослабевает, то Бог, создавший нас, так его устроил, чтобы оно повседневною пищею подкреплялось, и мы могли бы исполнять заповеди Божии, а не был бы человек, как расслабленный, что бывает с теми, которые постятся по два и по три дня: они ни частых коленопреклонений совершать не могут, ни упражняться, как следует, в чтениях и

псалмопениях, ни исполнять исправно прочих служений, не говорим о том, что бывает сверхъестественно. Итак, повседневное употребление пищи по указанному нами правилу и чину есть дело не несовершенных, но и весьма совершенных, впрочем, все у нас установлено Божественными Отцами хорошо и боголюбезно. О если бы и еще более даровал нам Господь здравия и силы душевной и телесной, чтобы служить Богу Живому и Истинному и ожидать нам последнего дня воздаяния, в который о дабы вы со всеми от века святыми просияли подобно солнцу, получивши в наследие Небесное Царство, о Христе Иисусе Господе нашем, Которому подобает слава и держава со Отцем и Св. Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Лавсаик

Об Аммуне

Арсисий Великий сказывал мне, как жил Аммуно. Оставшись после родителей сиротою, он на двадцать втором году от роду принужден был своим дядею вступить в супружество. Не могли противиться настоятельному требованию дяди, он решился обвенчаться, сидеть при брачном торжестве и выполнить все брачные обряды. Но как скоро вышли все провожавшие их в брачный покой, блаженный Аммуно запирает дверь и, севши, начинает беседовать с блаженною своею супругою и говорит ей: «Приди сюда, госпожа и сестра моя, я поговорю с тобою. В браке нашем особенно хорошего ничего нет. Так, хорошо мы сделаем, ежели с нынешнего же дня станем спать порознь. Сохраняя таким образом девство свое неприкосновенным, мы угодим и Христу». Вынув потом из-за пазухи Библию, он как бы от лица апостолов и Самого Спасителя начал читать ее юной девице, незнакомой с Писанием, изъясняя ей большую часть прочитанных мест своим богопросвещенным умом, и наставлял ее в девственной и непорочной жизни, так что она, исполнившись благодатию Христовою, сказала: «И я, господин мой, решилась с радостию проводить святую жизнь и буду делать все, что повелишь мне». «Я повелеваю и прошу, – отвечал он, – чтобы каждый из нас отселе жил особо». Но это еще было тяжело для нее, и она сказала: «Останемся в одном доме, только ложе у нас будет раздельное». Так жил он с нею в одном доме лет восемнадцать.

День весь работал в саду и в бальзамовой роще (он занимался добыванием бальзама). Бальзамовый куст растет так же, как виноград, и для того, чтобы его возделывать и ходить за ним, требуется много трудов. Повечеру, пришедши домой и помолвившись, он вместе с супругою вкушал пищу, потом возносил ночные молитвы и совершал молитвословия, а весьма рано поутру уходил в свой сад. Когда таким образом оба они достигли бесстрастия – молитвы святого Аммуна воздействовали, – наконец блаженная и говорит ему: «Я имею нечто сказать тебе, господин мой; если ты меня слушаешь, я удостоверюсь, что ты меня истинно по Богу любишь». Он сказал ей: «Говори, что ты хочешь сказать». Она продолжала: «Ты муж благочестивый и подвигаешься в правде, и я ревную житию твоему; точно, нам лучше жить особо, многие получают от сего пользу. А теперь, когда ты непорочно живешь со мною о Господе, столь великое твое совершенство любомудрия от всех сокрыто из-за меня, это неблагоприятно». Поблагодарив ее и воздав хвалу Богу, Аммуно говорит ей: «Хорошо ты вздумала, госпожа и сестра моя, если тебе угодно, оставайся ты в этом доме, а я пойду построю себе другое жилище».

Разлучившись с нею, он пошел внутрь Нитрийской горы – на ней в то время не было так много монастырей, – построил себе двухэтажную келию, и, прожив еще двадцать два года в пустыне и достигши до высоты подвижнической добродетели, святой Аммуно скончался, или, лучше, почил в монашеской жизни шестидесяти двух лет от роду. Со своею супругою виделся он в год два раза.

Когда он жил уже один в Нитрийской горе, рассказывают, принесли к нему скованного цепями отрока, находившегося в бешенстве, которое открылось в нем от укушения бешеною собакою. От несносной боли отрок всего себя искушал до крови. Святой Аммуно, видя родителей его, пришедших просить о сыне, сказал им: «Что вы меня утруждаете, требуя того, что превышает мои силы? У вас в руках готова помощь! Вознаградите вдовицу, у которой вы тайно закололи вола, и отрок ваш будет здоров». Пораженные уликою, они с радостию исполнили, что было велено. И по молитве Аммуна отрок стал здоров.

Однажды несколько человек пришли к нему, чтобы его видеть. Святой муж, испытывая их, сказал: «Привезите мне одну бочку воды, чтобы у меня ее довольно было для принятия проходящих». Они обещали привезти бочку. Но, вышедши из келии, один из них стал жалеть, что дал обещание, и говорит другому: «Не хочу губить своего верблюда: он падет, если везти на нем бочку». Услышав это, другой запряг своих ослов и с большим трудом ввез бочку в гору. Аммуна шел навстречу и спрашивает его: «Отчего это пал верблюд твоего товарища в то самое время, как ты шел сюда?». Тот, возвратившись, действительно увидел, что верблюда растерзали гиены.

Много и других чудес совершил муж сей. О следующем чуде его рассказывает блаженный Афанасий Александрийский в описании жития Антониева. Однажды ему нужно было перейти через реку Ликон с Феодором, учеником своим, а раздеться он стыдился, чтобы не увидеть своей наготы. Находясь в таком раздумье, он вдруг явился на той стороне реки, как бы в исступлении перенесенный Ангелами. Братия же переплыли реку. Когда он пришел к Антонию, то Антоний первый ему стал говорить: «Бог открыл мне многое о тебе и о твоём преставлении возвестил мне. Потому я и приглашал тебя к себе так настоятельно, чтобы, видя друг друга, мы могли взаимно помочь один другому». Он указал ему жилище в одном самом уединенном месте и просил не уходить отсюда до преставления. И когда Аммуна скончался в своем уединении, блаженный Антоний видел, как Ангелы возносили душу его на небо. Таковы жизнь и кончина Аммуна. Та река Ликон есть не что иное, как глубокий рукав огромного Нила, и мне даже в лодке страшно было переправляться через нее.

Лествица

Слово 4. О блаженном и приснопамятном послушании (продолжение)

43. Будучи уязвляемы обличениями, будем вспоминать грехи свои, пока Господь, видя нужду нас, понуждающихся Его ради, не соблаговолит изгладить грехи наши и скорби, угрызающие сердце наше, претворит в радость, как говорит о том псалмопевец: *По множеству болезней моих в сердце моем, в такой же мере утешения Твоя возвеселиши душу мою* (Пс. 93, 19) в свое время. Не забудем и сих слов которыми он вопиет ко Господу: *Елики явил ми еси скорби многи и злы, и обращаеся оживотворил мя еси, и от бездн земли, по падении моем, паки возвел мя еси* (Пс. 70, 20).

44. Блажен, кто, будучи ежедневно укоряем и уничижаем Бога ради, понуждает себя к терпению; он будет ликовать с мучениками, дерзновенно беседовать и с Ангелами. Блажен монах, который каждочасно почитает себя достойным всякого бесчестия и уничижения. Блажен, кто волю свою умертвил совершенно и все попечение о себе предал своему учителю о Господу: он будет стоять одесную Иисуса Распятого. Если кто отвергает от себя праведное или неправедное обличение, тот отвергается своего спасения, а кто принимает оное со скорбию или без скорби, тот скоро получит прощение согрешений.

45. Веру и искреннюю любовь твою к отцу мысленно возвещай Богу, и Бог неведомым образом известит его о твоей к нему любви и равным образом расположит его к тебе и сделает благосклонным.

46. Объявляющий всякого змия своему наставнику показывает истинную к нему веру, а кто скрывает что-нибудь, тот еще блуждает по беспутиям.

47. Тогда всякий из нас познает, что в нем есть братолюбие и истинная к ближнему любовь, когда увидит, что плачет о согрешениях брата и радуется о его преуспевании и дарованиях.

48. Кто в беседе упорно желает настоять на своем мнении, хотя бы оно было и справедливо, тот да знает, что он одержим дьявольским недугом; и если он так поступает в беседе с равными, то, может быть, обличение старших и исцелит его, если же обращается так с большими себя и мудрейшими, тот этот недуг от людей не исцелим.

49. Неповинующийся словом, без сомнения, не повинуется и делом, ибо кто в слове не верен, тот непреклонен и в деле. Таковой напрасно трудится и от святого повиновения ничего не получает, кроме своего осуждения.

50. Кто в повиновении отцу своему приобрел совершенно чистую совесть, тот уже не боится смерти, но ожидает ее ежедневно, как сна или, лучше сказать, как жизни, достоверно зная, что во время исхода души не от него, но от наставника потребует ответ.

51. Если кто о Господе без убеждения отца своего принял какое-нибудь служение и нечаянно подвергся в нем преткновению, то должен в сем случае не тому приписывать вину, кто вручил ему оружие, но себе самому, принявшему оное, ибо он получил оружие для сражения с врагом, а вместо того обратил оное в свое сердце. Если же он понудил себя принять служение ради Господа и поручающему предварительно возвестил свою немощь, то пусть благодушествует, ибо хотя он и пал, но не умер.

52. Забыл я, возлюбленные, предложить вам еще один сладкий хлеб добродетели. Видел я в той обители послушников о Господе, которые сами себя укоряли и бесчестили по Богу для того, чтобы быть готовыми к принятию уничижений со стороны, заранее приучившись не бояться бесчестий.

53. Душа, помышляющая об исповеди, удерживается ею от согрешений, как бы уздою, ибо грехи, которых не исповедуем отцу, делаем уже как во тьме и без страха. Когда мы во время отсутствия наставника, воображая лицо его, думаем, что он перед нами стоит, и отвращаемся от всего того, что, по мнению нашему, было бы ему противно: разговора ли, или слова, или снеди, или сна, или чего бы то ни было, тогда мы истинно познали искреннее послушание, ибо неистинные ученики почитают отшествие учителя случаем радостным, а истинные сыны потерю.

54. Однажды просил я одного из искуснейших старцев вразумить меня, каким образом послушание имеет смирение? Он отвечал: «Благоразумный послушник, если и мертвых будет воскрешать, и дарование слез получит, и избавления от браней достигнет, всячески думает, что это совершает молитва отца его духовного, и пребывает чужд и далек от суетного возношения; да и сам может ли он превозноситься тем, что как сам сознает, сделал помощью другого, а не собственным старанием?»

55. Безмолвник же не имеет этой смиренной мысли в подобных случаях, потому что возношение имеет перед ним оправдание, внушая ему, будто он своим тщанием совершает сии исправления.

56. Находящийся в повиновении, когда победит следующие два обольщения врагов, пребывает уже рабом Христовым и вечным послушником.

О первом обольщении

57. Дьявол старается находящихся в повиновении иногда осквернять телесными нечистотами, делает их окаменелыми сердцем и сверх обычая тревожными; иногда наводит на них некоторую сухость и бесплодие, леность в молитве, сонливость и омрачение, чтобы внушить им, будто они не только никакой пользы не получили от своего повиновения, но еще и вспять идут, и таким образом отторгнуть от подвига послушания. Ибо он не попускает им разуместь, что часто промыслительное отнятие мнимых наших духовных благ бывает для нас причиною глубочайшего смиренномудрия.

58. Однако некоторые многократно отражали сего обольстителя терпением; но когда он еще не перестал говорить, другой вестник лжи, представ, другим образом покушается нас обольстить.

О втором обольщении

59. Видел я послушников, исполненных сердечного умиления, кротких, воздержанных, усердных, свободных от браней, страстей и ревностных к деланию, которые сделались такими через покров отца своего. Бесы, приступивши к ним, тайно вложили в них мысль, будто они уже сильны к безмолвию и могут достигнуть через него совершенства и бесстрастия. Обольщенные сим, они пустились из пристани в море, но, когда буря постигла их, они, не имея кормчего, потерпели бедственное крушение в этом скверном и соленом море.

60. Необходимо, чтобы море сие поколебалось, возмутилось и расสวิрепело, дабы посредством сего волнения извергнуть на землю хворост, сено и все гнилое, что только реки страстей внесли в него. Рассмотрим внимательно и мы найдем, что после бури на море бывает глубокая тишина.

61. Кто иногда слушается, а иногда не слушается отца, тот подобен человеку, который к больному своему глазу в одно время прикладывает целебную мазь, а в другое – известь. Ибо Писание говорит: *Един созидавая, а другой разоряя, что успеет более, токмо труд* (Сир. 34, 23).

62. О сын и послушник Господень! Не прельщайся духом возношения, и возвещай учителю твоему согрешения свои не так, как от иного лица, потому что без самопосрамления невозможно избавиться от вечного стыда. Обнажай струп твой врачу сему и не стыдись сказать ему: «Отче, моя язва сия, моя рана сия; она произошла не от иного кого-нибудь, но от моей собственной лени; никто не виноват в ней, ни человек, ни злой дух, ни плоть, ни другое что-либо, но только мое нерадение».

63. Во время исповеди будь как наружным видом, так и внутренним чувством и мыслию как осужденный преступник, поникши лицом на землю, и если можно, то омочай слезами ноги судии и врача твоего, как ноги Самого Христа.

64. Бесы имеют обычай часто внушать нам или совсем не исповедовать согрешений отцу, или исповедовать, но как бы от лица иного, или складывать вину своего греха на других.

65. Если все зависит от навыка и за оным следует, то тем более добродетель, как имеющая великого содейственника – Бога.

66. Не будешь, сын мой, много лет трудиться для приобретения блаженного покоя в душе, если сначала от всей души предашь себя терпению бесчестия.

67. Не думай, что неприлично исповедовать грехи твои отцу, споспешнику твоего спасения, как Богу, падши пред ним на землю. Видал я, что осужденные преступники жалобным и печальным видом своим, искренним признанием и убедительными просьбами смягчали жестокость судии и гнев его преклоняли на милосердие. Посему Иоанн Предтеча от приходивших к нему прежде крещения требовал исповеди, не сам нуждаясь в ней, но ища спасения приходивших.

68. Мы не должны удивляться, если и после исповеди бываем боримы, ибо лучше бороться с нечистотами²⁹, нежели с возношением.

69. Не восхищайся и не увлекайся повествованиями о безмолвствующих отцах и отшельниках и не увлекайся вслед их, ибо ты подвизаешься в воинстве первомученика Стефана. Даже падая, не отступай от сего поприща, ибо в то время наиболее нужен нам врач. Кто и с помощью путевода преткнул ногу, тот не только преткнулся бы, но, без сомнения, и до смерти разбился бы, если бы ходил без помощи.

70. Когда мы бываем низвержены искушением, тогда бесы немедленно приступают, воспользовавшись сим как благословным, или, лучше сказать, безрассудным предлогом, советуют нам идти на безмолвие; намерение же врагов наших состоит в том, чтобы к падению нашему прибавить еще рану.

71. Когда духовный врач наш признает себя недостаточным для исцеления нас, тогда должно идти к другому, ибо редкие исцеляются без врача. Кто будет противоречить нам, когда утверждаем, что если корабль, имея искусного кормчего, не избежал крушения, то без кормчего он должен был совершенно погибнуть?

72. От послушания рождается смирение, от смирения же – бесстрашие, ибо *во смирении нашем помяну ны Господь и избавил ны есть от врагов наших* (Пс. 135, 23–24), как говорит псалмопевец. Посему ничто не возбраняет сказать, что от послушания рождается бесстрашие, которым совершается смирение. Ибо начало бесстрастия есть смирение, как Моисей – начало Закона; а бесстрашие, которое есть дочь смирения, совершает мать свою, как Мария – сонм Иудейский.

73. Всякого наказания достойны перед Богом те больные, которые, испытавши искусство врача и получивши от него пользу, из предпочтения к другому оставляют его прежде совершенного исцеления. Не избегай из рук того, который привел тебя ко Господу, ибо во всю жизнь твою ни перед кем не должен ты иметь такого почтительного благоговения, как перед ним.

²⁹ Т.е. скверными помыслами и такими же сонными грехами.

74. Небезопасно для неопытного воина отделяться от полка своего и выходить на единоборство; опасно и для монаха прежде искуса и многого обучения в борьбе с душевными страстями отходить на безмолвие; ибо первый обыкновенно подвергается телесному бедствию, а последний – душевному. *Блази*, – говорит писание, – *два паче единого* (Еккл. 4, 9), т. е. благо сыну с духовным отцом, при содействии Св. Духа, бороться против прежних пристрастий. Кто отнимает путеводителя у слепца, пастыря у паствы, проводника у заблудившегося, отца у младенца, врача у больного, кормчего у корабля, тот всех их подвергает опасности погибнуть; а кто без помощи наставника вступает в борьбу с духами злобы, тот бывает ими умерщвлен.

75. Вновь пришедшие в больницу да объявляют свои болезни, а вступившие в повинование да показывают свое смирение. Для первых несомненный признак их оздоровления откроется в облегчении их болезней, а для вторых – в приумножении зазириания самих себя (т. е. сознании своей худости и немощи), как ни в чем ином.

76. Совесть да будет тебе зеркалом твоего повинования; и сего для тебя довольно.

77. Повинующиеся отцу в пустынном безмолвии имеют только бесов сопротивниками, а находящиеся в общежитии борются вместе и с бесами, и с людьми. Первые, будучи всегда пред глазами отца своего, с большою точностью сохраняют его заповеди; последние же по причине отсутствия учителя часто и нарушают оные несколько; впрочем, те из них, которые тщательны и трудолюбивы, с избытком пополняют этот недостаток терпением достаждений и получают сугубые венцы.

78. Живя в братстве, *всяцем хранением будем блюсти себя* (ср.: Притч. 4, 23), ибо в пристани, наполненной кораблями, сии последние легко могут сокрушаться друг о друга, в особености те из них, которые тайно проточены гневливостью, как бы червием.

79. В присутствии наставника будем обучать себя крайнему молчанию и неведению, ибо молчаливый муж есть сын любомудрия, который всегда приобретает многий разум.

80. Видел я одного послушника, который, прервав беседу наставника своего, сам продолжал оную, и я отчаялся пользы от его послушания, ибо видел, что он приобретает от него не смирение, но гордость.

81. Со всякою внимательностью, осторожностью и трезвенностью должны мы рассматривать, когда и как внешнее служение следует предпочитать молитве, ибо отнюдь не всегда должно это делать.

82. Находясь в общежитии, внимай себе и отнюдь не старайся в чем-нибудь показываться праведнее других братьев. Иначе ты сделаешь два зла: братию уязвишь своею ложною и притворною ревностью и себе дашь повод к высокоумию.

83. Будь ревностен, но в душе своей, нисколько не выказывая сего во внешнем обращении ни видом, ни словом каким-либо, ни гадательным знаком. И сокровенной даже ревности последуй не иначе, как если ты уже перестал уничижать ближнего. Если же ты на это не удержишь, то будь подобен братьям твоим и самомнением не отличайся от них.

84. Видел я неискусного ученика, который, в присутствии некоторых людей хвалился добродетелями своего учителя и, думая снискать себе славу от чужой пшеницы, приобрел вместо того одно бесчестие, когда все сказали ему: «Как же доброе дерево произвело бесплодную ветвь?»

85. Не тогда можем мы называться терпеливыми, когда мужественно переносим поругание от отца, но когда от всякого человека и презрения, и уязвления переносим с терпением, ибо от отца мы все сносим из почтения, стыдясь, и по долгу нашему.

86. Усердно пей поругание, как воду жизни, от всякого человека, желающего напоить тебя сим врачевством, очищающим от блудной похоти, ибо тогда глубокая чистота воссияет в душе твоей и свет Божий не оскудеет в сердце твоём.

87. Кто видит, что собор братии чрез него успокоиваем, тот пусть не хвалится этим в уме своем, ибо вору кругом. Начертай глубоко в памяти твоей сие слово Христово: *егда сотворите*

вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко еже должны бехом сотворити, сотворихом (Лк. 17, 10). Праведный суд о трудах наших познаем во время исхода из сей жизни.

88. Общежитие есть земное небо; итак, понудим себя иметь такое же сердечное расположение, как служащие Господу Ангелы. Пребывающие на сем земном небе иногда бывают как бы каменисты сердцем, а иногда, напротив, бывают утешаемы умилением, чтобы им и возношения избегать, и услаждать труды слезами.

89. Небольшой огонь смягчает много воска: часто и малое бесчестие, нанесенное нам, вдруг смягчает, услаждает и истребляет всю свирепость, бесчувствие и ожесточение сердца.

90. Видел я однажды двух человек, которые, скрывшись в тайном месте, наблюдали труды подвижников и подслушивали их воздыхания; но один делал это для того, чтобы подражать им, а другой для того, чтобы, при случае, объявить это с поношением и подвижника Божия отторгнуть от доброго делания.

91. Не будь безрассудно молчалив, что бы не причинить другим смущения и огорчения; и когда повелели тебе поспешать, не будь медлен в действии и в хождении, иначе ты будешь хуже мятежливых и бешеных. *Видех сицевая*, как говорит Иов (Иов. 16, 2), что некоторые души недуговали медлительностию по свойству нрава, а другие по ухищрению³⁰, и удивился, как разнообразна злоба страстей!

92. Пребывающий в общежитии не столько может получить пользы от псалмопения, сколько от молитвы, ибо смущением расстраивается псалмопение.

93. Непрестанно борись с парением твоих мыслей, и когда ум рассеялся, собирай его к себе, ибо от новоначальных послушников Бог не ищет молитвы без парения. Поэтому не скорби, будучи расхищаем мыслями, но благодушествуй и непрестанно воззывай ум ко вниманию, ибо никогда не быть расхищаему мыслями свойственно одному Ангелу.

94. Кто положил в тайне сердца своего завет с самим собою не оставлять спасительного подвига до последнего издыхания и до тысячи смертей тела и души не уступать врагу, тот не впадет легко ни в то, ни в другое из этих бедствий; преткновения и беды сии происходят всегда от сомнения сердца и от недоверия к местам. Удобопреклонные к переходу с места на место неискусны во всем, ибо ничто так не делает душу бесплодную, как нетерпеливость.

95. Если ты пришел к неизвестному врачу и в неведомую лечебницу, то будь в ней как бы мимоходом, а между тем тайно рассматривай жизнь и духовную опытность там живущих. Когда же от сих духовных художников и служителей почувствуешь пользу в твоих недугах, а наиболее если найдешь между ними то, чего и должно искать, т. е. врачевство против душевной надменности, тогда уже и приступи к ним и продайся на злате смирения, на хартии послушания, на рукописании служения и при свидетелях Ангелах раздери пред ними, раздери хартию своей воли. Ибо если будешь только скитаться туда и сюда, то потеряешь искупление, которым Христос тебя искупил. Место или обитель, в которую ты поступил, да будет тебе гробом прежде гроба: никто не исходит из гроба прежде Общего Воскресения, а если некоторые и вышли, то знай, что они умерли. Будем молиться Господу, чтоб и нам сего не пострадать.

96. Ленивые, когда видят, что им назначают тяжкие дела, тогда покушаются предпочитать им молитву, а если дела служения легки, то отбегают молитвы, как от огня.

³⁰ Т.е. упрямству.

Свт. Игнатий (Брянчанинов). Поучение в пяток 1-й недели Великого поста

*Телеса ваша храм живущаго в вас Святаго Духа суть.
1 Кор. 6, 19*

Возлюбленные братья! В настоящее время, когда мы приуготовляемся сделаться причастниками всесвятого Тела и всесвятой Крови Богочеловека, благоприлично нам войти в рассмотрение того, какое значение имеет наше собственное тело. Значение его необыкновенно важно. Значение это изобразил святой апостол Павел так: *Телеса ваша храм живущаго в вас Святаго Духа суть.*

Братья! обращали ли мы должное внимание на значение нашего тела? Не смотрели ли мы на этот предмет легко и поверхностно, как на предмет, не нуждающийся ни в каком рассматривании? Между тем Бог возвещает нам устами Апостола: *Телеса ваша храм живущаго в вас Святаго Духа суть.*

От земли было взято тело человеческое, но сотворено не для земли. Оно ниспало в тление, – сотворено было не для тления. Сотворенное, благоукрашенное Создателем для вечности и вечным, оно немедленно по сотворении оживлено бессмертною и святою душою, вместе с нею восхищено с земли в светлый Рай для пребывания в нем, для духовной деятельности, для духовного наслаждения; для плотских наслаждений оно было неспособно. Оно не могло выйти из рук Всесвятого Творца иначе, как вполне чистым и святым; впоследствии исказил, обезобразил его грех. Его око было так непорочно, что не видело наготы прочих членов, которые, в свою очередь, не представляли ничего, что бы нуждалось быть прикрытым. Душа не была обуеваема и волнуема страстями, не было волнуемо ими и тело. Не закипала кровь от гнева и не охлаждалась она от печали и уныния. Смерть была несвойственна этому телу, несвойственны ему были недуги, не имело оно нужды ограждаться от влияния стихий, оно не было узами и темницею для души – оно было для нее чудною, вечно новою одеждою.

Человек пал. Грех поразил смертью и душу его, и тело его. Область смерти над человечеством так всеобща и так могущественна, что ни один из многочисленной семьи человеческой не избег ее: каждый человек рождается уже с началом смерти в себе, может подвергнуться ей ежечасно во время земной жизни и непременно подвергается в свой известный час. Безошибочно можно признать всех странников земных движущимися мертвецами! Что наша жизнь на земле, как не непрестанная борьба со смертью? Из такого состояния мы никак не можем умозаключить о состоянии, которое было естественным человеку до его падения, по телу нашему никак не можем судить о теле первозданных. Первозданное блаженное и бессмертное состояние мы можем созерцать только в Божественном Откровении. Мы можем видеть опытное, полное доказательство его в Господе нашем Иисусе Христе и частью в тех избранниках Божиих, которые проявили не только в душах, но и в телах своих силу искупления, дарованного Богочеловеком человечеству.

Тело Адама не утопало в водах, не сторало от огня, было неприступно для смерти. Таким явилось тело нового Адама, Господа нашего Иисуса Христа: оно вкусило смерть, но вкусило единственно по благоволению Богочеловека, вкусивши смерть, оно не преставало быть живым, потому что, разлучившись с душою, не разлучалось с Божеством. Оно вознеслось на небо, повторяя с избытком восхищение тела Адамова в Рай. Туда оно привлечет тела истинных христиан: *идеже тело всесвятое, тамо соберутся* и духовные *орли* (Лк. 17, 37). Хотя и видим, что теперь тела усопших отцов и братьев спускаются в мрачную могилу и покрываются землею, хотя ожидаем, что та же участь постигнет и наши тела, но веруем и знаем, что эти тела не пребудут навсегда в земле. Они воскреснут. Мало того, воскресшие праведники и живущие праведники

– праведниками называю истинных христиан – не останутся на земле: они в последний день мира сего преходящего, в начале невечернего дня вечности будут восхищены с телами своими на воздух, в сретение Господа, *и тако всегда там, на неб, пребудут с Господом*. Посеянное в могилу тело *в тлении, восстанет в нетлении, восстанет в славе, восстанет в силе, тело земное соделается телом небесным, тело душевное – телом духовным*.

Таково назначение тела человеческого. Родится оно зараженным смертью и грехом, родится оно в смерть, по образу того тела, каким сделалось тело первого, сотворенного из персти и возвратившегося в персть, погибшего человека; но возрождается в купели крещения во спасение по образу тела, которое приял Небесный Человек, зачавшийся и родившийся от Духа Святого и Пречистой Девы: *елицы бо во Христа крестистесь, во Христа облекостесь* (Гал. 3, 27). Посредством чудного Таинства Евхаристии наше тело соединяется с телом Самого Христа: соединяется тело с Божественным телом, Кровь – с Божественною кровию. *Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь*, – сказал Господь, – *во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6, 56). Ядущий всесвятое тело Христово и пьющий всесвятую кровь Христову при посредстве такой полноты вкушения приходит в совершенное соединение с Богочеловеком: тело его делается телом Богочеловека, кровь его соделывается кровию Богочеловека. Истинный христианин почивает в Господе, и Господь почивает в нем; христианин облечен во Христа, и опять в христианине – Христос. Созерцая это величие христиан, Апостол взывает к нам: *Телеса ваша удове Христовы суть* (1 Кор. 6, 15). *Тело Господеву и Господь телу* (1 Кор. 6, 13). *Облецытесь Господем нашим Иисус Христом, и плоти угодия не творите в похоти* (Рим. 13, 14). «Дары Святого Духа, – сказал некоторый великий угодник Божий, – уже естественны естеству обновленному». Уже естественно телу, составляющему собою единое с телом Христовым, быть храмом Святого Духа: где Христос, там неслитно и неразлучно со Христом и Дух Святой.

Многие истинные служители Божии проявили во время земной жизни присутствие Святого Духа в телах их и тем опытно доказали, что тела христиан должны и могут быть храмом Святого Духа. Тень святого апостола Петра исцеляла больных; принадлежности из полотна, которые имел святой апостол Павел для своего употребления, были приносимы к больным – и больные от прикосновения к ним исцелялись, а нечистые духи оставляли мучимых ими. Ехидна, этот самый ядовитый змей, ужалила апостола, но он остался невредим, как бы вовсе не подвергшийся укушению змея. Некоторые святые ходили по водам, протекали, как крылатые, значительные пространства в самое короткое время, при молитвах возвышались телами своими от земли, как бы предначиная, по выражению некоторого святого писателя, будущее восхищение на воздухе и являя к такому восхищению способность. Не только в душах их – в самых телах воздействовал Святой Дух! Как в телах человеческих, низведенных к подобию скотов несмысленных, кипят различные страсти, так, напротив, в освященных телах кипит и преизливается Божественная благодать, услаждая тело небесною и духовною сладостию и вместе умерщвляя его для греха. По разлучении души с таким телом тление не дерзает прикасаться к нему, потому что, несмотря на отсутствие души, сопричастствует ему Дух Святой, обнаруживая присутствие Свое различными, достойными Духа и свойственными Духу знаменами.

Отчего тела наши чужды духовного освящения? Отчего тела наши способны только к ощущениям скотоподобным, между тем как Дух Святой засвидетельствовал, что *ина плоть человекам, ина же плоть скотом* (1 Кор. 15, 39)? Оттого что не внимаем предостережению Господа нашего, Который сказал: *Внемлите себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством и печальми житейскими* (Лк. 21, 34). Отяготели сердца наши, прилепились к земле души наши – такое положение духа низводит в дебелисть тело, и мы остаемся чуждыми опытного познания, что *плоть наша может возрадоваться о Боже живе* (Пс. 83, 3), *Горе имеем сердца* — и повлечется туда вслед за сердцем тело. Возлюбим Господа так, как Он повелел любить Себя, *всем сердцем, всею душою, всем умом, всею крепостию* (Мк. 12, 30), чего невозможно исполнить без участия тела. Соделаем тела наши духовными, небесными! Изба-

вим их от горестного перехода из темницы в темницу: из темницы могильной – в темницу ада. На нас лежит непрменная обязанность совершить это: мы первоначально сотворены для неба, впоследствии, по падении, мы искуплены для неба. Мы вполне принадлежим Богу, а не себе. *Несте свои*, – говорит нам Апостол, – *куплены есте ценою*, ценою бесценной крови Сына Божия. *Прославите убо Бога в телесех ваших, и в душах ваших, яже суть Божия: яко и телеса ваша, не только души, храм живущаго в вас Святаго Духа суть* (1 Кор. 6, 19–20). Аминь.

Песнопения 1-й седмицы Великого поста

Креста Твоего, Господи, сила великая: ибо образуяще сего в себе, абие демонов крепость отражаем.

«Велика сила Креста Твоего, Господи: ибо, им себя ограждая, тотчас демонскую силу побеждаем».

Из канона пятницы 1-й седмицы

Суббота 1-й седмицы Великого поста

В субботу 1-й седмицы Великого поста Православная Церковь празднует память св. вмч. Феодора Тирона в память следующего чудесного события. В 363 г. император Юлиан Отступник, желая осквернить христианский Великий пост, приказал Константинопольскому епарху (градоначальнику) каждый день в течение первой недели поста тайно кропить кровью идольских жертв съестные припасы, продаваемые на рынках. Святой Феодор в ночном видении явился Константинопольскому архиепископу Евдоксию и велел ему объявить христианам, чтобы они не покупали на рынках оскверненные припасы и употребляли в пищу коливо (кутью), т. е. вареную пшеницу с медом. В память этого события Православная церковь накануне в пятницу после заамвонной молитвы служится молебен святому Феодору Тирону, и благословляется кутья.

Житие мч. Феодора Тирона

Святой мученик Феодор Тирон (т. е. молодой воин) был воином в городе Аласии Понтийской области (северо-восточная область Малой Азии, тянувшаяся вдоль берега Понта Эвксинского, т. е. Черного моря), под начальством некоего Вринка. Его принуждали принести жертву идолам. Святой Феодор твердо, во всеуслышание исповедал свою веру во Христа Спасителя. Начальник дал ему несколько дней на размышление, во время которых святой Феодор усиленно молился. Его обвинили в поджоге языческого храма и бросили в темницу на голодную смерть. Там ему явился Господь Иисус Христос, утешил и подкрепил его. Приведенный вновь к правителю, святой Феодор еще раз смело и безбоязненно исповедал свою веру, за что был предан новым истязаниям и осужден на сожжение. Мученик Феодор без трепета взошел на костер и с молитвой и славословием предал свою святую душу Богу. Это произошло около 306 г. при римском императоре Галерии (305–311). Неповрежденное огнем тело св. Феодора было погребено в городе Евхаитах, недалеко от Амасии. Впоследствии мощи его были перенесены в Царьград, в храм, освященный во имя его. Глава же его находится в Италии, в городе Гаэте.

Тропарь святому Феодору Тирону

Велия веры исправления во источнице пламене, яко на воде упокоения святыи мученик Феодор радовашеся, огнем бо всеожжегся, яко хлеб сладкий Троице принесешя. Того молитвами, Христе Боже, спаси души наша.

«О великие успехи веры! Посреди пламени, как в прохладной воде, святой мученик Феодор радовался: ибо, сгорев в огне, стал подобным сладкому хлебу для Троицы. Его молитвами, Христе Боже, спаси души наши».

Кондак святому Феодору Тирону

Веру Христову яко щит внутрь приим в сердце твоем, противные силы попрал еси, многотрадальче: и венцем небесным венчался еси вечно, Феодоре, яко непобедимый.

«Приняв, как щит, в сердце твоем веру Христову, вражеские силы попрал, многотрадальный, и небесной вечной наградой увенчан был ты, Феодор, как непобедимый».

Свт. Филарет Московский (Дроздов). Слово в субботу 1-й недели Великого поста

*И рече к ним: желанием возжелех сию пасху ясти с вами.
Лк. 22, 15*

Одною из принадлежностей праздника обычай полагает праздничную трапезу. Празднику духовному духовная и трапеза, без сомнения, преимущественно приличествует. Но и телесной праздничной трапезы не отвергает праздник, даже духовный: потому что мы не бес-телесны, потому что нас учат *прославлять Бога не только в душах, но и в телесах наших, и, аще ямы, аще пием, и сие в славу Божию творити* (см.: 1 Кор. 6, 20; 10, 31). Была некогда, и ныне есть, торжественная трапеза телесная, только не просто телесная, которой желал вкусить и не стыдился изъявить сие желание даже Неимеющий нужды ни в какой трапезе, потому что Сам *даст пищу всякой плоти* (Пс. 135, 25). *Желанием, – говорит, – возжелех сию пасху ясти с вами.*

Ныне мы празднуем блаженную память святителя и чудотворца Алексия. Какую же трапезою почтим сей праздник? Попечению о трапезе телесной не противоречит ли постное время? Трапезе духовной не воспрепятствует ли наша духовная скудость? Затруднение прекращает сей же самый чин церковных времен, который ныне преимущественно вам открывает торжественную, не только духовную, но и Божественную трапезу, и, конечно, нет другого дня в году, в который бы столь многие присные Богу наслаждались Божественною трапезою, как в нынешний.

По увещанию Евангельскому не станем *пещися и молвити о мнозе* (см.: Лк. 10, 41): но, как добродушно угощенные весело беседуют, обращаясь наипаче к угостителю, так и мы со всеми приобщившимися ныне Трапезы Господней, и радостною мыслию, и благодарным сердцем, и прославляющим словом, да обращаемся к Великому Угостителю, Который воистинну *сотвори вечерю велию, и зва многи* (Лк. 14, 16). И те, которые не последовали еще сему зову, да слышат наше радостное исповедание и да поревнуют нашему благополучию: да приидут, и *вкусят, и видят, яко благ Господь* (Пс. 33, 9).

Если бы человек, высший тебя званием, тобою и всеми чтимый по достоинству и добродетели, к которому войти в близость и знакомство ты и сам себя не удостоил бы, сверх чаяния взыскал тебя, принял дружелюбно и пригласил к своему столу, как охотно ты поспешил бы на сей зов, с какою радостью возвратился бы, с каким удовольствием говорил бы в кругу искренних твоих о угостителе и угощении. Что сказать, если бы так поступил царь, и притом не с каким-нибудь избранным служителем своего царствия, но с рабом, и еще с виновным и достойным осуждения смертного? Но как еще малы сии примеры для уподобления тому, что происходит между Христом и христианином! Царь Небесный, Сын Божий и Бог не только посылает Своих рабов и служителей, но и Сам сходит на землю, для тебя и для меня, ибо как для всех человеков без изъятия, то, конечно, и для тебя, и для меня, и все равно, как если бы именно и единственно для тебя и для меня, – для нас, рабов низшей и малой области безмерного Царствия Его, и притом для рабов греха, для потомков преступника Адама, которые в беззакониях зачинаемся, во грехах рождаемся, живем, естественно, не лучше своего рождения, потому что жизнь наша еще в прародителях, не хотевших довольствоваться благословенною райскою пищею, отравлена хищным вкушением запрещенного плода, – для нас приходит Небесный Угоститель и не только питающую и услаждающую, но и врачующую и животворящую трапезу Сам учреждает, Сам призывает к ней, и Сам преподает нам то, что уготовал нам в пищу и питание. *Приимите, – глаголет, – ядите... Пийте от нея вси* (Мф. 26, 26–27). Глаголет и ныне, и для нас то, что некогда изрек апостолам: потому что слово Его бессмертно и всегда

действенно. Здесь можно спросить, что достойнее удивления: счастье ли тех, которые вняли сему гласу Его, или невнимание тех, которые сами себя лишают сего счастья?

И что предлагает нам на Своей трапезе Небесный Угоститель! Все, что нашли бы вы на самой великолепной трапезе царя земного, избранные произведения земной природы, многодельным искусством устроенные в пищу и питье, которые, однако, изящны только до употребления, а после употребления идут в тление, наравне с черствым хлебом нищего, – все сие было бы недостойно Царя веков нетленного (1 Тим. 1, 17), Который и трапезою Своею нетление распространять желает. Что ж? Не соберет ли Он всего, что еще прежде тления греховного Сам, как Творец, положил в природе вещей, способнейшего к питанию и услаждению? Не извлечет ли из глубины ее всех сокровищ благотворной и врачебной силы, которых так малые виды, веками, с трудом, наугад, отыскивают врачи земные? И сие было бы недостаточно и для щедрости Учредителя таинственной Трапезы, и для потребности причастников ее: потому что Божественная только пища может истинно питать, и только Божественное врачевство врачевать болящую душу человека, которая по началу своему есть дыхание жизни от уст Божиих. Но как Божественное по существу своему не может не быть сокровенным для человека, то надлежало еще изобрести средство соделать Божественную пищу и врачевство удобообъемными и удобоприемлемыми для человека в простоте веры. И таким образом Сын Божий предлагает нам в таинственную пищу и питье и во всецелое врачевство под видами хлеба и вина Свое Божественное Тело и Свою Божественную Кровь. *Ядите*, – глаголет, – *сие есть Тело Мое. Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя* (Мф. 26, 26–28).

Может быть, вам представится нечто подобное сей трапезе в том, когда мать питает младенца млеко своим, которое только на время сего питания отделяется из ее тела и крови. Но как мало и сие подобие пред великим Таинством! Мать преподает младенцу только избыток своего тела, приготовленный для сего природою, – преподает без труда, и даже к облегчению своему от избытка, который мог бы обременить ее. Наш Божественный Питатель преподает нам самое Тело Свое, – всецелое Тело Свое, – преподает со сладостию любви, без сравнения превышающей материнскую, но притом преподает нам Тело Свое, горьким и смертным страданием уготованное нам в пищу. *Сие есть*, – глаголет, – *Тело Мое, еже за вы ломимое. Сия есть Кровь Моя, яже за вы и за многия изливаемая*. Как пшеница страдает в жерновах, и под рукою хлебоделателя, и в разженной печи, да будет хлеб, укрепляющий сердце человека, как кровь гроздова страдает в утеснении точила, да будет вино, веселящее сердце человека, так благоволил воплощенный Сын Божий предать Тело Свое на разнообразные страдания Елеонские, Иерусалимские и Голгофские, допустил многострадально источить кровь Свою в предкрестных и крестных мучениях, дабы в них уготовать нам пищу и питье жизни и врачевания, бессмертия и блаженства.

Таинство Тела и Крови Христовы так дивно и непостижимо, что Богомудрые отцы наши, как бы опасаясь за простоту и твердость нашей веры, желают как бы некими подпорами подкрепить ее своими богомудрыми рассуждениями. «Понеже, – рассуждает св. Иоанн Дамаскин, – Адам сей – то есть второй Адам, Иисус Христос – духовен есть, подобаше и рождению быти духовному, и пищи таковой же: обаче, поелику сугуби и сложни есмы, то подобает и рождению быти сугубому, и пищи сложной. Сего ради рождение убо нам водою и духом, сиречь Святым Крещением, дадеся; пища же есть самый хлеб животный, Господь наш Иисус Христос, с небесе сщедый». И далее: «*Како будет Мне сие*, глаголет Святая Дева, *понеже мужа не знаю? И отвеща Ей Гавриил Архангел: Дух Святыи найдет на Тя, и сила Вышняго осенит Тя*. И ты также вопрошаеши ныне: како хлеб бывает тело Христово, и вино и вода – Кровь Христова? И аз же тебе глаголю: Дух Святыи снисходит и сия творит, паче слова и разума». Подобно и свт. Иоанн Златоуст увещевает: «Да повинемся во всем Богу и ничтоже вопреки да глаголем, аще и сопротивно быти видится нашим помыслом и зрением глаголемое, но да будет и помысла и зрения нашего истиннейшее Его слово. Тако и в Таинствах да творим, не на предлагаемое

только взирающе, но глаголы Его содержат: слово бо Его непогрешительно, чувство же наше удобо прельщаемо есть, слово Его никогда же изменяется, чувство же наше часто соблазняется. Егда убо слово рече: *сие есть Тело Мое*, – и да повинуемся, и да веруем, и мысленными то да зрим очима. Ничто же бо чувственно предаде нам Христос, но чувственными убо вещми вся же мысленная».

Поелику назначение настоящей жизни нашей таково, что мы должны, как изъяснился Апостол, *верою ходить, а не видением* (2 Кор. 5, 7), то и благодатные дары, подаваемые нам в приобщении Трапезы Господней, – благодатное питание, врачевание, укрепление, просвещение, отражение зла, нетление – также наиболее верою постигаются и упованием объемлются, превыше видения и ощущения, хотя, впрочем, по мере веры, по мере потребности, по мере внимания, достоинства, чистоты, и в ощущении опытном, и в явственном действии познаются многими многообразно. По многообразной силе Божественной пищи и питья, по многообразной премудрости и благодати Божественного Питателя ощутительный плод вкушения Трапезы Господней является верующим – то неизреченною радостью в сердце, то сладкою тишиною в душе, то светлостью в уме, то глубоким миром в совести, то утишением обуревавших искушений, то прекращением страданий душевных и телесных, а иногда и совершенным исцелением, то живейшим ощущением любви к Господу или умножением ревности и силы к духовным подвигам и добродетелям. Но каковы бы ни были наши собственные в сей тайне опыты, скажу паки со свт. Иоанном Златоустом: «Да будет и помысла, и зрения нашего истиннейшее слово Господа нашего». После того как Он рек: *ядый Мою Плоть, и пияй Мою Кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем; ядый Мою Плоть, и пияй Мою Кровь, иматъ живот вечный* (Ин. 6, 56 и 54), как дерзнем мы, хотя и недостойные причастники Его плоти и крови, как дерзнем отрицать то, что Он в нас и мы в Нем, и что мы в Нем имеем Живот Вечный, если только сами не удалимся от Него, если только сами не повергнем себя паки в смерть греховную?

Одно из приятнейших удостоверений как о необходимости для нас, так и о спасительной благотворности Трапезы Господней имеем мы в том, как сильно желал ее Сам Господь наш. Ибо что значат слова Его к апостолам: *желанием возжелех сию пасху ясти с вами?* Ветхозаветной ли пасхи так сильно желает Он? Но она до сих пор была обыкновенна, как совершаемая ежегодно, а отныне должна совершенно прекратиться, когда прообразование должно уступить место пришедшей истине. Итак, нет сомнения, что Он пламенно желает пасхи новозаветной, – той пасхи, в которой Сам Себя приносит в жертву, Сам Себя предлагает в пищу. *Желанием*, – говорит, – *возжелех сию пасху ясти с вами, прежде даже не прииму мук*, – после прообразовательной – истинную, не только осязаемую, но и созерцаемую, не только вещественную, но и духовную, и Божественную, не только закланную, но и живую, и животворящую, начинаемую прежде мук, дабы она была всегдашнею свидетельницею предуведения и свободного приятия мук, но уже заключающую в себе спасительное действие креста для всех времен, как свойственно действовать вечному началу. *Желанием* любви и милосердия *возжелех сию пасху ясти с вами*: потому что в ней запечатлевается вся Моя к вам любовь и вся ваша истинная жизнь и блаженство.

Братия, сопричастники Трапезы Господней! Если Господь по Своей неизреченной любви так пламенно желал ее не ради Себя, но ради нас, как пламенно должны желать ее мы, по любви и благодарности к Нему и для нашего собственного блага и блаженства! Да согреваем нашу хладность пламенем любви Христовой. «Да не разленимся, – возбуждает свт. Иоанн Златоуст, – толикия сподоблени бывше любве и чести. Не зрите ли отрочат, с коликим усердием емлются сосцу, с коликим устремлением водружают тамо уста? С толиким и мы да приступаем к трапезе сей и к сосцу чаши духовныя, паче же и со множайшим желанием, да привлечем, яко ссущие младенцы, Духа благодать». Аминь.

Песнопения 1-й седмицы Великого поста

Тело Христово примите. Источника безсмертного вкусите.

Причастен

Душею и телом да освящуся, Владыко, да просвещуся, да спасуся, да буду дом Твой причащением священных Таин, Живущего Тя имея в себе со Отцем и Духом, Благодетелю Многомилостиве.

«Благодаря причащению Святых Таин, Владыка, да освящусь душой и телом, да просвещусь, да спасусь, да буду Твоим домом, в котором живешь Ты, многомилостивый Благодетель, со Отцом и Духом».

Из последования ко Святому Причащению

Владыко Христе Боже, Царю веков и Содетелю всех, благодарю Тя о всех, яже ми еси подал благих, и о причащении пречистых и животворящих Твоих Таинств. Молю убо Тя, Блаже и Человеколюбче: сохрани мя под кровом Твоим, и в сени крилу Твоею; и даруй ми чистою совестью, даже до последнего моего издыхания, достойно причащаться святынь Твоих, во оставление грехов и в жизнь вечную. Ты бо еси хлеб животный, источник святыни, Податель благих, и Тебе славу возсылаем, со Отцем и Сыном и Святым Духом, ныне и присно и вот веки веков. Аминь.

Молитва святителя Василия Великого

Неделя 1-я Великого поста. Торжество Православия

В первое воскресение («неделю») Великого поста Православная Церковь празднует Торжество Православия в память об окончательной победе над ересью иконоборчества. Седьмой Вселенский Собор в 787 г. утвердил иконопочитание, не смог полностью победить иконоборчество. С этим было связано много трагедий. При императоре Феофиле – это был последний император-иконоборец – была совершена победа над иконоборчеством, и сам царь в конце жизни раскаялся в своей приверженности этой ереси. Это произошло в первую Неделю Великого поста в 843 г. Императрица Феодора, жена Феофила, будучи православной и почитающей иконы, торжественно вынесла иконы в воскресный день, на Литургии, и утвердила подлинное их почитание.

Из Последования в Неделю Православия

«Пленяющих разум свой в послушание Божественному Откровению и подвизавшихся за него ублажаем и восхваляем; противящихся истине, если они не покаются пред Господом, ожидавшим их обращения и раскаяния, если они не восхотели последовать Священному Писанию и Преданию первенствующей Церкви, отлучаем и анафематствуем.

Отрицающим бытие Божие и утверждающим, что этот мир самобытен, что все совершается в нем без Промысла Божия, по случаю: анафема.

Говорящим, что Бог – не дух, а вещество, также не признающим Его Праведным, Милосердным, Премудрым, Всеведущим и произносящим подобные сему хуления: анафема.

Дерзающим утверждать, что Сын Божий не единосущен и не равночестен Отцу, также и Дух Святой, не исповедующим, что Отец, Сын и Дух Святой – един Бог: анафема.

Позволяющим себе говорить, что к нашему спасению и очищению от грехов не нужны пришествие в мир Сына Божия по плоти, Его вольные страдания, смерть и воскресение: анафема.

Неприемлющим благодати искупления, проповедуемого Евангелием, как единственного средства к оправданию нашему пред Богом, анафема.

Дерзающим говорить, что Пречистая Дева Мария не была прежде рожества, в рожестве и по рожестве Девою: анафема.

Неверующим, что Святой Дух умудрил Пророков и Апостолов, чрез них возвестил нам истинный путь ко спасению, засвидетельствовал его чудесами, что Он и ныне обитает в сердцах верных и истинных христиан, наставляя их на всякую истину: анафема.

Отвергающим бессмертие души, кончину века, Будущий Суд и вечное воздаяние за добродетели на небесах, а за грехи осуждение: анафема.

Отвергающим Таинства Святой Христовой Церкви: анафема.

Отвергающим Соборы святых Отцов и их предания, согласные Божественному Откровению, благочестно хранимые Православно-Кафолическою Церковью: анафема»

Прп. Феодор Студит. Поучение в Неделю Православия. О том, чтобы сверх силы не подвизаться в божественных подвигах, и чтобы питать душу духовными созерцаниями.

Братия и Отцы! Как всякое доброе дело сначала бывает тяжело, так и начало Св. Четырехдесятницы принесло нам некоторое отягощение, по причине перемены пищи и церковных служб. Но с течением времени, от навыка это дело, при помощи Божией, делается для нас легким, как и Божественное Писание говорит: *всяко наказание в настоящее время приносит печаль, последи же воздаст и плод правды и мира* (Евр. 12, 11). Так и теперь труд кажется для нас тяжелым, но труд идет и проходит; после же, когда узнаем, какую пользу душе нашей доставило воздержание, мы исполнимся великой радости. И так как мы, при помощи и благодати Божией, сподобились провести одну неделю поста, то приложим еще больше усердия и тщательности и об остальном времени Четырехдесятницы, зная, что усердие подает силу душе и телу, тяжелое делает легким и неудобное удобным; как, напротив, леность и нерадение легкое делает тяжелым и удобное неудобным. Впрочем, в деле подвижничества и трудах будем иметь меру и рассуждение, чтобы сохранять и телесное здоровье. Ибо какая польза сначала подвизаться выше своих сил, потом, понемногу утомляясь, оставлять свой подвиг? Посему и отцы сказали, что лучше малое и всегдашнее, нежели многое и маловременное. Таковы должны быть и наши по Богу труды и подвиги. Но так как день долгою своею наводит на человека тягость и малодушие, то будем проводить дневное время, содержа в уме и мыслях помышления и размышления духовные, чем питается и утешается душа, и не дадим уму нашему заниматься мирскими делами, которые все исполнены смущения и горечи, но будем размышлять о Божественном, в котором заключается сладость и веселие.

Пусть ум наш, братия, всегда пребывает в Боге, в небесных созерцаниях, в райских красотах, в вечных обителях, в Ангельских чинах, в оном пребывании. Будем размышлять о том, где теперь находятся души праведников, и где грешников; каков будет страх и трепет, когда настанет оное Второе Пришествие Христово, в которое, по словам Божественного Писания, небеса сии с шумом и воплем великим мимо идут, четыре стихии разорятся, земля же, и яже на ней дела сгорят (см.: 2 Пет. 3, 10), и море сие иссохнет от великого и страшного одного пламени; как потом каждая душа опять соединится с своим телом, с которым жила в мире сем, и какое множество тогда будет людей, бывших от Адама до конца мира. И еще, как страшно будет прославленное лице Господа, и просияет как семь солнц, и прольет лучи обильнее солнечных; и какой услышим от Него глас, кроткий, сладчайший оный и радостный: *приидите благословеннии Отца Моего*, или страшный оный: *отъидите от Мене проклятии* (Мф. 25, 34, 41). После же всего каков будет оный конец, когда праведники с великою честью и славою будут призваны в Небесное Царство, а грешники окающиеся с великим бесчестьем и горестию будут посланы в вечную казнь и муку.

Вот о чем, братия, нам должно иметь заботу и попечение, и вот о чем должно размышлять нам как странникам в мире сем, – ибо жительство наше на небеси, – и удаленным от плотских и миролюбивых людей. От этих благих размышлений происходят слезы и просвещение души, и с того времени человек проводит жизнь в мире и без смущения, имея духовную радость и упование на получение будущих и небесных благ, о Христе Иисусе Господе нашем, Которому подобает слава и держава с Отцем и Св. Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Свт. Игнатий (Брянчанинов). О Православии

Возлюбленные братия! Началом слова нашего в Неделю Православия весьма естественно быть вопросу: что есть православие?

Православие есть истинное Богопознание и Богопочитание; православие есть поклонение Богу Духом и Истиною; православие есть прославление Бога истинным познанием Его и поклонением Ему; православие есть прославление Богом человека, истинного служителя Божия, дарованием ему благодати Всесвятого Духа. Дух есть слава христиан (см.: Ин. 7, 38–39). Где нет Духа, там нет православия.

Нет Православия в учениях и умствованиях человеческих: в них господствует лжеименный разум – плод падения. Православие – учение Святого Духа, данное Богом человекам во спасение. Где нет православия, там нет спасения. «Иже хочет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическую веру, ея же аще кто целы и непорочны не соблюдет, кроме всякаго недоумения, во веки погибнет»³¹.

Драгоценное сокровище – учение Святого Духа! Оно преподано в Священном Писании и в Священном Предании Православной Церкви. Драгоценное сокровище – учение Святого Духа! В нем – залог нашего спасения. Драгоценна, ничем не заменима, ни с чем не сравнима для каждого из нас наша блаженная участь в вечности, столько же драгоценен, столько же превыше всякой цены и залог нашего блаженства – учение Святого Духа.

Чтоб сохранить для нас этот залог, Святая Церковь исчисляет сегодня во всеуслышание те учения, которые порождены и изданы сатанюю, которые – выражение вражды к Богу, которые наветуют нашему спасению, похищают его у нас. Как волков хищных, как змей смертоносных, как татей и убийц, Церковь обличает эти учения, охраняя нас от них и возывая из погибели обольщенных ими, она предаёт анафеме эти учения и тех, кто упорно держатся их.

Словом «анафема» означает отлучение, отвержение. Когда Церковью предается анафеме какое-либо учение, это значит, что учение содержит в себе хулу на Святого Духа и для спасения должно быть отвергнуто и устранено, как яд устраняется от пищи. Когда предается анафеме человек – это значит, что человек тот усвоил себе богохульное учение безвозвратно, лишает им спасения себя и тех ближних, которым сообщает свой образ мыслей. Когда человек вознамерится оставить богохульное учение и принять учение, содержимое Православною Церковью, то он обязан, по правилам Православной Церкви, предать анафеме лжеучение, которое он доселе содержал и которое его губило, отчуждая от Бога, содержа во вражде к Богу, в хуле на Святого Духа, в общении с сатанюю.

Значение анафемы есть значение духовного церковного врачевства против недуга в духе человеческом, причиняющего вечную смерть. Причиняют вечную смерть все учения человеческие, вводящие свое умствование, почерпаемое из лжеименного разума, из плотского мудрования, этого общего достояния падших духов и человеков, в Богом открытое учение о Боге. Человеческое умствование, введенное в учение веры христианской, называется ересью, а последование этому учению – зловерием.

Апостол к числу дел плотских причисляет и ереси (см.: Гал. 5, 20). Они принадлежат к делам плотским по источнику своему, *плотскому мудрованию*, которое – смерть, которое – вражда на Бога, которое *закону Божию не покоряется, ниже бо может* (Рим. 8, 6–7). Они принадлежат к делам плотским по последствиям своим. Отчуждив дух человеческий от Бога, соединив его с духом сатаны по главному греху его – богохульству, они подвергают его порабощению страстей, как оставленного Богом, как преданного собственному своему падшему естеству. *Омрачися неразумное сердце их*, – говорит Апостол о мудрецах, уклонившихся от

³¹ Символ св. Афанасия Великого, патриарха Александрийского. Псалтырь с последованием.

истинного Богопознания, – *глаголющися быти мудри, обьяородеша, премениша истину Божию во лжу: сего ради предаде их Бог в страсти безчестия* (Рим. 1, 21–22, 25–26). Страстями безчестия называются разнообразные блудные страсти. Поведение ересиархов было развратное: Аполлинарий имел прелюбодейную связь, Евтихий был особенно поработен страсти сребролюбия, Арий был развратен до невероятности. Когда его песнопение, «Талию», начали читать на первом Никейском Соборе, Отцы Собора заткнули уши, отказались слышать срамословие, не могущее никогда придти на ум человеку благочестивому. «Талия» была сожжена. К счастью христианства, все экземпляры ее истреблены: осталось нам историческое сведение, что это сочинение дышало неистовым развратом. Подобны «Талии» многие сочинения новейших ересиархов: в них страшное богохульство соединено и перемешано с выражениями страшного, нечеловеческого разврата и кощунства. Блаженны те, которые никогда не слышали и не читали этих извержений ада. При чтении их соединение духа ересиархов с духом сатаны делается очевидным.

Ереси, будучи делом плотским, плодом плотского мудрования, изобретены падшими духами. «Бегайте безбожных ересей, – говорит св. Игнатий Богоносец, – суть бо диавольскаго изобретения начало злобнаго онаго змия». Этому не должно удивляться: падшие духи низошли с высоты духовного достоинства, они ниспали в плотское мудрование более, нежели человеки. Человеки имеют возможность переходить от плотского мудрования к духовному; падшие духи лишены этой возможности. Человеки не подвержены столько сильному влиянию плотского мудрования, потому что в них естественное добро не уничтожено, как в духах, падением. В человеках добро смешано со злом, и потому непотребно; в падших духах господствует и действует одно зло. Плотское мудрование в области духов получило обширнейшее, полное развитие, какого оно только может достигнуть. Главнейший грех их – иступленная ненависть к Богу, выражающаяся страшным, непрерывным богохульством. Они возгордились над Самим Богом; покорность Богу, естественную тварям, они превратили в непрерывающееся противодействие, в непримиримую вражду. От того падение их глубоко, и язва вечной смерти, которою они поражены, неисцелима. Существенная страсть их – гордость; они преобладаются чудовищным и глупым тщеславием; находят наслаждение во всех видах греха, вращаются постоянно в них, переходя от одного греха к другому. Они пресмыкаются и в сребролюбии, и в чревоугодии, и в прелюбодейнии. Не имея возможности совершать плотские грехи телесно, они совершают их в мечтании и ощущении; они усвоили безплотному естеству пороки, свойственные плоти; они развили в себе эти неестественные им пороки несравненно более, нежели сколько они могут быть развитыми между человеками³². *Спаде с небесе, – говорит Пророк о падшем херувиме, – денница восходящая заутра, сокрушиши на земли. Ты рекл еси во уме твоём: на небо взыду, выше звезд поставлю престол мой... буду подобен Вышнему. Ныне же во ад снидеши и во основания земли... повержен будеши на горах, яко мертвец* (Ис. 14, 12–15, 19).

Падшие духи, содержа в себе начало всех грехов, стараются вовлечь во все грехи человек с целью и жаждою погубления их. Они вовлекают нас в разнообразное угождение плоти, в корыстолюбие, в славолубие, живописуя пред нами предметы этих страстей обольстительнейшею живописью. В особенности они стараются вовлечь в гордость, от которой прозябают, как от семян растения, вражда к Богу и богохульство. Грех богохульства, составляющий суть всякой ереси, есть самый тяжкий грех, как грех, принадлежащий собственно духам отверженным и составляющий их отличительнейшее свойство. Падшие духи стараются прикрыть все грехи благовидною личиною, называемую в аскетических Отеческих писаниях оправданиями³³. Делают они это с тою целию, чтобы человеки удобнее были обольщены, легче согласились на принятие греха. Точно так они поступают и с богохульством: стараются его прикрыть

³² Свт. Василий Великий называет падшего духа родителем страстных плотских слабостей.

³³ Прп. Авва Дорофей. Поучение о еже не составлять свой разум.

великолепным наименованием, пышным красноречием, возвышенною философиею. Страшное орудие в руках духов – ересь! Они погубили посредством ереси целые народы, похитив у них, незаметно для них, христианство, заменив христианство богохульным учением, украсив смертоносное учение наименованием очищенного, истинного, восстановленного христианства. Ересь есть грех, совершаемый преимущественно в уме. Грех этот, будучи принят умом, сообщается духу, разливается на тело, оскверняет самое тело наше, имеющее способность принимать освящение от общения с Божественною благодатию и способность оскверняться и заражаться общением с падшими духами. Грех этот малоприметен и малопонятен для незнающих с определенностию христианства, и потому легко уловляет в свои сети простоту, неведение, равнодушное и поверхностное исповедание христианства. Уловлены были на время ересью преподобные Иоанникий Великий, Герасим Иорданский и некоторые другие угодники Божии. Если святые мужи, проводившие жизнь в исключительной заботе о спасении, не могли вдруг понять богохульства, прикрытого личиною, что сказать о тех, которые проводят жизнь в житейских попечениях, имеют о вере понятие недостаточное, самое недостаточное? Как узнать им смертоносную ересь, когда она предстанет им разукрашенной в личину мудрости, праведности и святости? Вот причина, по которой целые общества человеческие и целые народы легко склонились под иго ереси. По этой причине очень затруднительно обращение из ереси к Православию, гораздо затруднительнее, нежели из неверия и идолопоклонства. Ереси, подходящие ближе к безбожию, удобнее познаются и оставляются, нежели ереси, менее удалившиеся от православной веры, и потому более прикрытые. Римский император, равноапостольный, великий Константин писал письмо свт. Александру, патриарху Александрийскому, обличителю ересиарха Ария, увещевая его прекратить прения, нарушающие мир из-за пустых слов. Этими словами, которые названы пустыми, отвергалось Божество Господа Иисуса Христа, уничтожалось христианство. Так неведение и в святом муже, ревнителе благочестия, было обмануто недоступною для постижения его кознию ереси.

Ересь, будучи грехом тяжким, грехом смертным, врачуетса быстро и решительно, как грех ума, искренним, от всего сердца преданием ее анафеме. Прп. Иоанн Лествичник сказал: «Святая Соборная Церковь принимает еретиков, когда они искренно предадут анафеме свою ересь, и немедленно удостоивает их Святых Таин, а впавших в блуд, хотя бы они исповедили и оставили свой грех, повелевает по апостольским правилам на многие годы отлучать от Святых Таин». Впечатление, произведенное плотским грехом, остается в человеке и по исповеди греха, и по оставлении его; впечатление, произведенное ересью, немедленно уничтожается по отвержении ее. Искреннее и решительное предание ереси анафеме есть врачевство, окончательно и вполне освобождающее душу от ереси. Без этого врачевства яд богохульства остается в духе человеческом и не престанет колебать его недоумениями и сомнениями, производимыми неистребленным сочувствием к ереси; остаются помыслы, взимающиеся на разум Христов (см.: 2 Кор. 10, 5), соделывающие неудобным спасение для одержимого ими, одержимого непокорством и противлением Христу, пребывшего в общении с сатаною. Врачевство анафемою всегда признавалось необходимым Святою Церковию от страшного недуга ереси. Когда блаженный Феодорит, епископ Кирский, предстал на четвертом Вселенском Соборе пред Отцами Собора, желая оправдаться во взведенных на него обвинениях, то Отцы потребовали от него прежде всего, чтобы он предал анафеме ересиарха Нестория. Феодорит, отвергавший Нестория, но не так решительно, как отвергала его Церковь, хотел объясниться. Отцы снова потребовали от него, чтоб он решительно, без оговорок, предал анафеме Нестория и его учение. Феодорит опять выразил желание объясниться, но Отцы опять потребовали от него анафемы Несторию, угрожая в противном случае признать еретиком самого Феодорита. Феодорит произнес анафему Несторию и всем еретическим учениям того времени. Тогда Отцы прославили Бога, провозгласили Феодорита пастырем православным, а Феодорит уже не требовал объяснения,

извергши из души своей причины, возбуждавшие нужду в объяснении. Таково отношение духа человеческого к страшному недугу ереси.

Услышав сегодня грозное провозглашение врачевства духовного, примем его при истинном понимании его, и, приложив к душам нашим, отвергнем искренно и решительно те гибельные учения, которые Церковь будет поражать анафемою во спасение наше. Если мы и всегда отвергали их, то утвердимся голосом Церкви в отвержении их. Духовная свобода, легкость, сила, которые мы непременно ощутим в себе, засвидетельствуют пред нами правильность церковного действия и истину возвещаемого ею учения.

Провозглашает Церковь: «Пленяющим разум свой в послушание Божественному Откровению и подвизавшихся за него убожаем и восхваляем; противящихся истине, если они не покаются пред Господом, ожидавшим их обращения и раскаяния, если они не восхотели последовать Священному Писанию и Преданию первенствующей Церкви, отлучаем и анафематствуем».

«Отрицающим бытие Божие и утверждающим, что этот мир самобытен, что все совершается в нем без промысла Божия, по случаю: анафема».

«Говорящим, что Бог – не дух, а вещество, также непризнающим Его праведным, милосердным, премудрым, всеведущим, и произносящим подобные сему хуления: анафема».

«Дерзающим утверждать, что Сын Божий не единосущен и не равночестен Отцу, также и Дух Святой, не исповедующим, что Отец, Сын и Святой Дух – един Бог: анафема».

«Неприемлющим благодати искупления, проповедуемого Евангелием, как единственного средства к оправданию нашему пред Богом: анафема».

«Дерзающим говорить, что Пречистая Дева Мария не была прежде рождества, в рождестве и по рождестве Девою: анафема».

«Неверующим, что Святой Дух умудрил Пророков и Апостолов, чрез них возвестил нам истинный путь ко спасению, засвидетельствовав его чудесами, что Он и ныне обитает в сердцах верных и истинных христиан, наставляя их на всякую истину: анафема».

«Отвергающим бессмертие души, кончину века, Будущий Суд и вечное воздаяние за добродетели на небесах, а за грехи осуждение: анафема».

«Отвергающим Таинства Святой Христовой Церкви: анафема».

«Отвергающим Соборы святых Отцов и их предания, согласные Божественному Откровению, благочестно хранимые православно-кафолическою Церковию: анафема».

Божественная Истина вочеловечилась, чтоб спасти Собою нас, погибших от принятия и усвоения убийственной лжи. *Аще вы пребудете в словеси Моем, – вещает Она, – если вы примите Мое учение, и пребудете верными ему, воистину ученицы Мои будете и уразумеете Истину, и Истина свободит вы* (Ин. 8, 31–32). Пребыть верными учению Христову может только тот, кто с решительностью отвергнет, постоянно будет отвергать все учения, придуманные и придумываемые отверженными духами и человеками, враждебные учению Христову, учению Божию, наветующими целость и неприкосновенность его. В неприкосновенной целости хранится откровенное учение Божие единственно и исключительно в лоне Православной Восточной Церкви. Аминь.

Свт. Мефодий Константинопольский. Слово в Неделю Православия. О святых иконах

Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимого и невидимого. И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, рожденного от Отца прежде всех веков. И во Всесвятого Духа, наравне с Отцем и Сыном покланяемого и славимого, – Которым все освящается. Во Святую Троицу Нераздельную, неизреченную, неопишную: покланяюсь и славлю Единое Божество в трех ипостасях. Подобно исповедую и Святую Богородицу, святейшую Херувимов и Серафимов, как родившую по плоти единого от Троицы Христа Бога. Вместе с сим чту и славлю и святых Его подвижников и покланяюсь им. Покланяюсь святому Иоанну Предтече и бывшим до него пророкам и после него всехвальным апостолам, добропобедным мученикам и всем святым, почитаю их и прошу молитв их, поелику чрез них все мы спасаемся, поелику Господь *волю боящихся Его сотворит* (см.: Пс. 144, 19). Покланяюсь и честным останкам их и почитаю их: ибо многие тела святых мучеников источали миро и цельбы, и многие болезни у врачевались чрез них. Почитаю и лобызаю и честные и священные иконы их: не как богов, но как сокращенное описание, уяснение и напоминание страданий их (за страдания, которые святые претерпели ради Христа Бога нашего, они убажуются и чествуются поклонением; а если бы они не потерпели сего за Христа, то мы не имели бы надобности изображать их в книгах и церквах).

Многие в домах своих имеют изображения человеческие: родители – детей своих, дети – родителей своих, во имя любви и взаимной между собою связи и для незабвенной памяти о них, так что и лобызают их, впрочем, не как богов, а ради памяти и любви к ним. Так же надлежит разуметь и о святых иконах, что для напоминания нам и для любви нашей, для исправления жизни нашей, а вместе и приступающих к вере во Христа, для показания доброго их свидетельства, они (иконы) написаны в книгах и церквах. И если по причине плотской любви к детям своим те (родители) начертывают изображения для напоминания о них, то тем более мы должны писать иконы святых с страданиями их, должны изображать проливших кровь свою из любви ко Христу... Божественные Писания выставляют домостроительное Воплощение Христа, Сошествие Его к нам, вертеп, звезду и волхвов, Иоанна, касающегося главы Христа, и Духа Святого, сходящего с неба в виде голубя. Обращаясь к страданиям Господа, мы видим детей с ваиями, умывальницу и лентион, лобзание Иуды, суд иудеев, приговор Пилата и прочее. Мы видим и чудеса Господа: прозрение слепого, исцеление расслабленного, прикосновение страдавшей кровотечением (которая впервые и сделала образ Христа из меди). Подобно сему мы встречаем и иконы святых с мучительными орудиями и судилищами, которые они претерпели за Христа Бога нашего. Такое изъяснение и начертание можно ли назвать идолослужением? Ибо это есть сокращенное и прекрасное писание, как и отец наш свт. Иоанн Златоуст сказал: «Я люблю и живопись на воске, как исполненную благочестия». И свт. Василий Великий, восхваляя сорок мучеников, говорит: «Историописатели и живописцы – одни, украшая словом, а другие, начертывая на картинах, – сим (те и другие) возбудили многих к мужеству». Так, писатель начертал Евангелие и описанное в Евангелии все домостроительство Воплощения, и мучения святых предал Церкви; подобно этому и живописец начертал домостроительство Господа нашего Иисуса Христа и истязания святых и предал Церкви, – так что оба преподают нам одно наставление. Почему же книгу уважать, а картину порицать? Какое различие между ними, когда обе вещают об одном действии, между тем одна считается достойною поклонения, а другая унижается?.. Кто же не осмеет такого суждения? Кто не возмущается таким учением, что в то время как оба представляют одно писание, одно уважается, а другое попирается?.. На самом деле, хорошее изображение само есть истолкование и уяснение Евангелия: поелику что Евангелие излагает словесно, то икона показывает предметно. Почему же то уважается, а

это отвергается? Чем отличается бумага от камня? Не оба ли как материал приспособляются к одному производству? Чем отличаются чернила от красок? Не приготовляются ли те и другие из многих составов и таким образом служат на пользу пишущим? Скажи же мне, пред чем ты благоговеешь в книге Евангелия: пред веществом или изложением домостроительства Христова чрез Воплощение? Так и я чту не доску, не вещество, а очертание домостроительства Христова, как и отец наш свт. Иоанн Златоуст говорит: «Когда изображения и отличия царские вносятся в город, то на встречу им выходят сановники и толпы народа с приветствием и благоговением, воздавая честь и поклонение изображению царскому, и ради изображения полагается воздавать такую честь и поклонение, когда там нет царя». О несчастье! Изображение земного царя со страхом чествовать и прославлять, а изображение Христово унижать, – кто не осмеет сего нечестивого мнения? Если найдется человек, бесчестящий изображение царя, то он подлежит уголовному наказанию, ибо бесчестящий изображение царское бесчестит самого царя, так как «честь от образа, – по выражению свт. Василия Великого, – переходит на первообразное», – подобно и бесчестие. Так же надлежит понимать и относительно Царя Небесного, именно что бесчестящий икону Его наносит поругание первообразу Христову.

Ты скажешь мне, что «Бог неопишем и недомыслим, бесстрастен и непостижим?» Но описуема плоть, которую Он принял и по которой Он виден был на земле. Или ты отделяешь плоть от Божества? Да не будет сего, поелику они никогда не отделялись друг от друга: ни во чреве Матери, ни при Крещении, ни на Кресте, ни во аде. Но возразишь: «Если они никогда не отделялись, то как ты описываешь только плоть?» Скажи же мне и ты: кто питался млеко из сосцев Матери – не плоть ли? Конечно, этим питалась плоть, а Божества не касалась сия потребность. Или кто, опять, может описать человека, сотворенного по образу Божию? Никто, потому что мы постигаем не мысленное в человеке по образу Божию, а являемое. Являемое же сложно и описуемо, а Бог не сложен и не описуем. И плоть, которую Христос облекся от Непорочной Матери Своей, описывается, как видима была на земле. И это не есть идолослужение, так как Христос упразднил идолов на земле: как же снова Он оставил идолов нам? Скажешь ли, что «Бог не заповедал нам творить изображения и поклоняться им?» Но Сам Христос оставил образ, так называемый «Нерукотворенный», который и доднесь существует и почитается, а никто не назвал его идолом. Скажешь ли, что «не написано поклоняться иконам?» Но от апостолов и отцов мы приняли много других преданий, которых Христос не высказал. На самом деле, где Христос заповедал кланяться на восток, или поклоняться Кресту, Евангелию, или принимать Тело Его натошак, или венчать брачующихся? Есть и много другого, что мы совершаем, хотя Христос не заповедал нам того; но как мы приняли от апостолов и отцов, так и веруем, зная, что они научены тому от Бога, ибо от святых Своих Бог не скрыл ничего, как вредного, так и спасительного для людей, – и почему бы Он скрыл это от них? Если же почитание икон есть идолослужение и от снисшествия Христова столько лет погибал народ, кланяясь идолам, то для чего сходил к нам Христос?.. Но не может быть, чтобы почитание икон было идолослужением: если бы оно было идолослужением, то, несомненно, хотя один Собор отринул бы иконы. Если не отринул их Первый Собор, почему не отринул Второй? Опять: почему не отверг их Третий? Как не отринул их Четвертый, Пятый, Шестой? Напротив, Шестой Собор и уяснил употребление икон. Посмотри в определение сего Собора, в главу восемьдесят вторую, и ты найдешь там доказательство, ибо так изрекли богоносные отцы: «На некоторых живописях честных икон изображается агнец (указуемый перстом Предтечи), который был принят за образ благодати, потому что посредством закона преуказал нам истинного Агнца, Христа, Бога нашего. Мы же, почитая древние образы и сени, преданные Церкви в качестве символов и предначертаний истины, отдаем предпочтение благодати и истине, принявши ее как исполнение закона. Посему, чтобы и в живописных произведениях представлялось взорам всех совершенное, определяем, чтобы на будущее время и на иконах начертывали, вместо ветхого агнца, образ Агнца, вземлющего грехи мира, Христа Бога нашего в человеческом образе, усматривая

чрез этот образ высоту смирения Бога Слова и приведя себе на память Его житие во плоти, страдание, спасительную смерть и происшедшее отсюда искупление мира». Если же так определили отцы, то какую нужду имеем мы преступать определения их и производить раздор в Церкви Божией? Разве ты не знаешь, что нарушающий постановления отцов подлежит отлучению?.. Если бы ты сказал мне, что иконы появились с Шестого Собора, то сказал бы нечто, хотя и так оно не имело бы смысла; а если они начались с Пришествия Христова, то ты ничего не можешь сказать против икон. Скажешь ли мне, что отцы шести Соборов были озабочены ниспровержением иных богохулений и ересей? Но что, скажи мне, хуже идолослужения? И почему они упразднили менее опасное, а тягчайшее всех оставили народу?

Ты скажешь, что «отцы не покланялись иконам и не имели их в виду». Почему же свт. Иоанн Златоуст сказал: «Я и слитое из воска изображение люблю?» Как свт. Григорий Нисский сказал, что он «никогда не мог взирать на икону (жертвоприношения Авраамова) без слез?» Для чего свт. Василий Великий должен был приложить столько усилий в Кесарии к тому, чтобы написать икону Христа? А ты говоришь: «Отцы не покланялись им». Какой же человек, видя на иконе Господа распятого, не поклонится? Ты <видишь> с пророком Давидом, что идолы язычников, как серебро и золото, как произведения рук человеческих, *имеют уста и не говорят* (см.: Пс. 113, 12–13) и пр. Подлинно, они были таковы, как сказал пророк. Но язычники считали те изображения за богов, а Бога совсем не знали; мы же не так, да не будет! Но, как уже сказано, чту Святую Троицу Нераздельную, Святую Богородицу и всех святых по усердию и великой любви к ним; покланяюсь и лобызаю и честные и священные иконы их не как богов, но как начертание краткое и удобовразумительное, как приняла их Церковь; посему иконы и не немотствуют, подобно идолам языческим, а говорят, подобно всяким читаемым письменам. Посему-то свт. Иоанн Златоуст говорит: «Я люблю и слитое из воска изображение». Ты скажешь: «Я не кланяюсь предметам рукотворенным». Но и храм создан руками, и крест, и Евангелие, и алтарь, и разные сосуды церковные. Скажешь ли: «Никто не видел Ангелов, как же живописуют их»? Но на самом деле святые часто видали Ангелов. Пресвятая Богородица видела Архангела Гавриила (см.: Лк. 1, 28); мироносицы видели Ангелов, когда пришли ко Гробу (см.: Лк. 24, 4–5); апостол Петр – в темнице и под стражею (см.: Деян. 12, 7); пророки Исаия, Иезекииль, Даниил и вообще многие святые видели Ангелов, поскольку могли видеть. Посему и сщмч. Дионисий образно представляет чиновначалия Вышних Сил и изъясняет, по какой причине четырехликие животные представляются в образах птиц и зверей. В сущности, ты не имеешь никакого повода говорить против икон. Скажешь ли, что «настоящее поколение обоготворило их»? Но если селянин и простец, встретив слугу царского, поклонится ему как царю, то людям сведущим следует вразумить простеца, что это не царь, потому что царь пребывает во дворце, и никто не видит его, разве когда он явится со славою. Так надлежит учить и тех, кои по невежеству боготворят икону Христову, что это не Христос во плоти, а икона Его: поелику Христос пребывает на Небесах, и никто не видит Его, разве когда Он явится во Второе Пришествие Свое. И, конечно, те простецы вразумились и покланялись бы как следует. На то есть пастыри, чтобы учить народ как нужно веровать и как молиться; и истинные пастыри и учителя, вожди ко спасению, ни о чем другом не заботились, как именно поучать народ спасительным истинам, как воистину *обязанные дать* Богу *отчет* о народе (см.: Евр. 13, 17). Теперь скажи мне, наконец, кому мы будем следовать: свт. Василию, свт. Иоанну Златоусту или учителям нестроения и пагубы (преимуществим из иконоборцев)? Кого станем слушать: святых шести Вселенских Соборов или сего безглавого и отверженного Богом и святыми Его Собора? (Сей Собор действительно безглавен; скажи мне, находился ли там какой патриарх: Александрийский, Римский, Антиохийский, Иерусалимский? А какой же это Собор, не имеющий патриарха?) Кто не осмеет этого Собора? Итак, знайте, что он не подлинный и не приеется Богом и святыми Его, и его пристойнее назвать не Собором, а сонмищем иудейским, так как, подобно последнему, он состоялся против Спасителя. Злоначальный враг наш диавол,

издревле воюющий на род человеческий, видя, что евреи были любимы Богом, позавидовал им и вложил в них мысль лукавую, будто Христос не есть Сын Божий, а враг, желающий погубить род еврейский; и священники иудейские, составив сонмище и приняв от диавола умысел против Спасителя (чтобы схватить и умертвить Его), распяли Его и предали себя диаволу. Подобно тому, враг наш диавол, видя род христианский богоугодным, вельми позавидовал ему и, желая погубить его, вложил в тех (иконоборцев) лукавую мысль: «Поклонение иконам есть идолослужение; оставьте его, так как иначе погибнете». И вот, составивши сонмище и приняв от диавола умысел против иконы Христовой, они (иконоборцы) присудили, вместо телесного распятия, попать ее ногами своими и таким образом исполнили деяние иудеев и сами продали себя диаволу.

Умоляю вас: воспряньте от сего мрака и ослепления, поелику диавол, когда хочет погубить человека, ослепляет ум его, дабы он не познавал добра (см.: 2 Кор. 4, 4). Внемлем писаниям и преданиям отцов и станем подражать отцам, и как застали Церковь, так и пребудем в ней, такую и передадим ее (родам последующим). Не будем отлучать себя от отцов наших, чтобы грядущие поколения не анафематствовали нас и не отлучили нас. Бог же мира и убеждения (см.: Рим. 15, 5; Евр. 13, 20), по Своей милости, да избавит нас от настоящей и всякой ереси и да сподобит нас неуклонно пребывать в Православной вере, во Христе Иисусе Господе нашем, Ему же слава и держава во веки веков. Аминь.

Свт. Лука Крымский (Войно-Ясенецкий)

Слово в Неделю Торжества Православия о ересь

В первое воскресенье Великого поста Святая Церковь празднует Торжество Православия, и надо разъяснить вам, что это значит. Необходимо вам знать, в чем состоит основная, важнейшая сущность нашей Православной веры. Она состоит прежде всего в том, что мы всем сердцем веруем в Господа Иисуса Христа как нашего Спасителя от власти диавола и от греха первородного. Эта вера совершенно отлична, в корне отлична от всех других вер: только в нашей христианской вере сущность ее составляет вера в искупление рода человеческого Крестной смертью Господа и Бога нашего Иисуса Христа.

Для того, чтобы понять и подлинно знать, как мог искупить Господь Иисус Христос, истинный Сын Божий, род человеческий, надо глубоко, всем сердцем веровать, что был Он истинным и совершенным Богочеловеком, что в Нем совмещались и полнота Божества, и полнота человеческой природы – совмещались нераздельно. Только при условии этой веры будем мы подлинно и истинно христианами.

Почему это так? Потому что искупить Своею Кровью первородный грех, тяготевший над родом человеческим, искупить нас всех, погибающих от власти диавола, возможно было только Богочеловеку. И это искупление совершено Крестом Христовым. Если бы Господь наш Иисус Христос не совмещал в Себе полноту Божества с истинной человеческой природой, то не мог бы Он пострадать за нас на Кресте, не мог бы Своей Плотью и Кровью сделать нас причастниками Жизни Вечной. Ибо если бы Он не обладал совершенным человеческим естеством, если бы Он был прежде всего и больше всего совершенным Богом, то не мог бы Он страдать на Кресте, ибо Бог бесстрастен.

А если бы был Он прежде всего человеком – человеком, с которым только соединилась благодать Святого Духа, – то Его крестная смерть имела бы не больше ценности в глазах Божиих, чем смерть святых мучеников Христовых. Итак, сущность Православия в том, чтобы веровать всем сердцем в Богочеловечество Господа Иисуса Христа, в то, что был Он истинным Богом и истинным человеком.

Сатана, враг рода человеческого, знал это, и он приложил все усилия к тому, чтобы разрушить в людях веру в Господа Иисуса как Богочеловека. Чтобы достичь этой окаянной цели, он воздвигал одну за другой тяжкие ереси. Первой воздвиг он ересь Ария, пресвитера Церкви Александрийской, который учил, что Господь Иисус Христос был сотворен во времени и притом из ничего, что было время, когда Он не существовал, что не был Он единосущен Отцу, но был только первым Божиим творением и через Него сотворена вся вселенная. Таким образом, Арий отверг Божественность Господа Иисуса Христа. Много лет эта ересь смущала Церковь Восточную, много страданий претерпели отвергающие эту ересь. На Первом Вселенском Соборе в 325 году в Никее ересь Ария была посрамлена и установлен Символ веры, в котором утверждалась Божественность Господа Иисуса Христа.

Вслед за ересью Ария воздвиг сатана другую ересь – ересь Македония, отвергавшего Божественность Духа Святого и разрушавшего этим веру во Святую Троицу. Его ересь была осуждена на Втором Вселенском Соборе.

А потом воздвиг сатана ересь патриарха Константинопольского Нестория, который, подобно Арию, отрицал Божественное вечное рождение Господа Иисуса Христа от Бога Отца. Он учил, что родился не Сын Божий, а человек, в котором обитал Бог. Пресвятую Богородицу учил он называть не Богородицей, а Христородицей. И эта тяжелая и многих увлекшая ересь была разоблачена на Третьем Вселенском Соборе: был осужден Несторий, предан анафеме.

Но сатана не складывал рук: он придумал новую ересь, тонкую – ересь для многих приемлемую. Устами еретиков Евтихия и Диоскора учил, что в Господе Иисусе Христе не было действительной Богочеловеческой природы, а природа Божественная всецело преобладала над природой человеческой. И эта ересь ниспровергала веру в Богочеловечество Господа Иисуса Христа.

Пала и эта ересь, и воздвиг сатана еще более тонкую ересь – ересь монофелитскую. Она состояла в том, что у Господа Иисуса Христа отрицалась воля человеческая. Еретики учили, что была у Него одна воля, не две воли – Божеская и человеческая, – а только одна Божеская. И эта ересь тоже совершенно лишала силы и ценности Крестную смерть Господа нашего Иисуса Христа.

Бесконечна была изобретательность сатаны, и после падения монофелитской ереси воздвиг сатана новую и последнюю ересь, ересь иконоборческую. Император византийский Лев Исавр воздвиг жестокое гонение на поклонение святым иконам. Он объявил почитание святых икон ересью и идолопоклонством, он ставил почитающих святые иконы наравне с идолопоклонниками. Гонение, от него воздвигнутое, было жестоким. Из всех церквей и даже из домов и дворцов царских по повелению императора Льва выбрасывали все иконы, их уничтожали и подвергали надругательствам. Было приказано стенную живопись храмов и дворцов, в которой изображались сцены Священной Истории, уничтожить, замазать известью. А поверх извести поведено было написать нелепое – цветы, фрукты, ландшафты, т. е. то, что не имело никакого отношения к Церкви, к вере святой. Эта ересь вызвала сильное сопротивление прежде всего со стороны монахов, а потом против нее восстало и большинство мирян. Сопротивлявшиеся иконоборческой ереси претерпели жестокое гонение от императора Льва Исавра, претерпели мучения и казни, которые по жестокости можно даже сравнить с гонениями на христиан римских императоров Диоклетиана, Декия, Ликийя. Монахам – сильным, горячим защитникам почитания икон – отрезали уши, носы, выкалывали глаза, бросали их в тюрьмы; тем, которые занимались иконописанием, глубоко сжигали пальцы на руках и даже отрубали кисти рук. Особой силы иконоборчество достигло при сыне и преемнике Льва – Константине Копрониме. В его царствование в 754 году был созван еретический собор, которому император велел обосновать отмену иконопочитания. Этот собор присвоил себе незаконно имя «Седьмого Вселенского», на что не имел никакого права, ибо на нем не присутствовал ни один из восточных патриархов, не было даже их представителей, а был только один патриарх-иконоборец Константинопольский. В этом соборе не принимала участия и Западная Церковь. Этот собор, не имевший никакого права именоваться «Вселенским» – «Седьмым Вселенским», – издал целый ряд постановлений в оправдание иконоборчества. Но сила Божия хранила истинное Православие. После Копронима, при Льве IV, наступило значительное облегчение гонения на почитателей икон, длившееся до регентства императрицы Ирины, которая в 787 году созвала новый Собор – подлинно Седьмой Вселенский Собор, который отверг все постановления разбойничьего иконоборческого собора и восстановил иконопочитание. Но окончательно избавилась Церковь от гонения на иконопочитание от императоров-иконоборцев только тогда, когда империей правила на правах регента, за малолетством своего сына Михаила, императрица Феодора. Она объявила полное прекращение гонения на почитателей икон и установила великий праздник Торжества Православия.

Чтобы представить себе, как тонка и опасна была ересь иконоборческая, надо понять, что, запрещая изображать Господа Иисуса Христа на иконах, иконоборцы отрицали то же, что и все другие еретики, – Его Богочеловечество. Они основывали свое осуждение иконопочитания на том, что Бог неизобразим, следовательно, не должно быть никаких изображений и икон. Но неизобразимо чистое Божество, изобразимо же Божество, связанное с человеческой природой. А Господь Иисус был истинным Богом и истинным человеком – был подлинным Богочеловеком, и на иконах изображается не Божество отдельно, не человек отдельно, а под-

линный Богочеловек. Утверждать безусловную неизобразимость всего Божественного, как это делали иконоборцы, – значит отвергать нераздельное соединение Божества с человечеством, ибо это последнее, без сомнения, изобразимо. Осуждать иконопочитание, называть его идолопоклонством – значит отрицать действительность Богочеловека, в котором обитает полнота Божества телесно. Не Божество изображается на иконе, а Богочеловечество. Не иконам воздаем мы почитание, а Тому, Который изображен на иконе: не иконе, а Самому Господу Иисусу Христу, Предвечному Сыну Божию. Изображаем на иконах и Ангелов святых, как повелено было Богом Моисею изобразить их в скинии в виде золотых изваяний, осеняющих Ковчег Завета.

Грубо и дерзко поступают наши сектанты, обвиняя нас в идолопоклонстве. Да знают они, да запомнят навсегда, что Седьмой Вселенский Собор утвердил иконопочитание, осудил всех называющих иконы идолами. А сектанты поносят святые иконы, называя их идолами, и нелегко им понять, о чем говорил я ныне. А вы, малое стадо Христово, не полагайтесь на свой разум, не рассуждайте сами дерзко и неверно о том, о чем рассудил Седьмой Вселенский Собор. А вы будьте послушными чадами Церкви и с радостным сердцем празднуйте нынешний праздник Православия.

Торжество Православия

На другой день Иисус восхотел идти в Галилею, и находит Филиппа и говорит ему: иди за Мною. Филипп же был из Вифсаиды, из одного города с Андреем и Петром. Филипп находит Нафанаила и говорит ему: мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета. Но Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: поиди и посмотри. Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства. Нафанаил говорит Ему: почему Ты знаешь меня? Иисус сказал ему в ответ: прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя. Нафанаил отвечал Ему: Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев. Иисус сказал ему в ответ: ты веришь, потому что Я тебе сказал: Я видел тебя под смоковницею; увидишь больше сего. И говорит ему: истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому. (Ин. 1, 43–51)

В первое воскресение Великого Поста, которое называется Неделей Православия, Святая Церковь торжествует утверждение и упрочение Православной веры, победу над многочисленными еретиками, осужденными семью Вселенскими Соборами. Надо вам знать, что еще во времена апостольские появилось много лжеучителей, и число их все умножалось и умножалось с течением веков.

Восстали еретики, искажавшие святую веру Православную, вносявшие в Символ веры свои нечестивые исправления, ложно учившие о Божестве Господа нашего Иисуса Христа. Так было во времена древние. Это было предсказано святыми апостолами. Ибо вот что говорит апостол Петр во Втором своем Соборном послании: *Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые ведут к пагубной ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель. И многие последуют их разврату, и через них путь истины будет в поношении* (2 Пет. 2, 1–2).

Также и апостол Павел предупреждал христиан ефесских: *Я знаю, что, по отшествии моем, войдут в вас лютые волки, не щадящие стада, и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою* (Деян. 20, 29–30).

Уже тогда, в эти древние времена апостольские начались разделения в Церкви Христовой. Появились, по словам свв. апостолов, лжепророки и лжеучители. И многие последовали за их нечестием. Многие погибли смертью вечной. А ведь Сам Господь наш Иисус Христос

говорил и молился о том, чтобы Церковь Его Святая была единой. Вы много раз слушали то Евангельское чтение, в котором Господь говорит о Себе: *Аз есть пастырь добрый, и знаю Моя и знают Мя Моя*. Эту речь свою он закончил словами: *И будет едино стадо и един пастырь*. (Ин. 10, 14–16). Он хотел, чтобы было едино стадо под Его единым пастырским руководством. Он молился и в Своей первосвященнической молитве Отцу Своему: *Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе. Так и они да будут в Нас едино* (Ин. 17, 21).

А где же теперь это единство Церкви? Церковь терзают еретики и лжеучители. Церковь единая разделилась еще в древние времена. В 1054 году на Церковь Западную, Католическую, и Церковь Восточную, Греческую, Православную, к которой мы принадлежим. Это разделение Церкви было вызвано больше всего гордостью и притязанием Пап Римских на нераздельное господство в Церкви, которой они хотели управлять единолично. А святыми апостолами заповедано, чтобы не было единоначалия в Церкви, чтобы Церковь управлялась Соборами, а не одним лицом, именующим себя наместником Христа на Земле. Мы не виновны в этом разделении Церкви. Мы сделали все, чтобы предотвратить разделение ее, но Господь попустил быть этому.

В XV веке восстал новый расколочитель – Лютер, который подверг дерзкой, своевольной критике все учение Церкви – Католической и Православной. И переделал его совершенно так, как казалось ему нужным. И возникла новая, уже порвавшая преемственность с апостолами, Церковь Лютеранская. А затем началось постоянное и безостановочное деление этой Лютеранской Церкви на множество сект, на множество толков, ибо Лютер оставил всем своим последователям полное право толковать Библию так, как они сами находили нужным. И началось это толкование без руководства Богом поставленных пастырей Церкви. И толкование стало неизбежным кривотолкованием. Всякий понимал Библию так, как хотел, так, как подсказывал ему необразованный слабый ум его. Стали возникать одна за другой секты, которых имеется огромное количество в Церкви Протестантской.

Но к великому горю нашему, и в нашу Церковь проникло влияние этих лютеранских ересей и сект. Нашлось в нашем народе немало таких, которые оставили свою веру отцов и пошли за протестантскими сектантами. Так возникли штундизм, баптизм и многие другие секты. Так без конца идет дробление Церкви Христовой, так уходят из нее люди, не утвержденные в истине, люди дерзкие, люди гордые. В секты уходят люди невежественные. И учение свое создают, проникнутое самым тяжким пороком, тяжким грехом – сатанинским грехом гордости. Они смеют критиковать то, что установлено Вселенскими Соборами, что предписано святыми апостолами, то, чему учит Церковь Православная. Они своим невежественным и дерзким умом подвергают уничтожающей критике всю Библию, весь Новый Завет и берут из Библии только то, что нравится, что льстит их самолюбию, их гордости, их предвзятым мыслям.

Основатели русских сект почти сплошь были людьми совершенно невежественными. Это были крестьяне, ремесленники, дворники. И не имеющие никакого образования, своим темным умом они сочиняли новые учения, подвергали критике все то, чему учит Церковь Православная, совращали в свои секты многих и многих православных людей. Гордость и глубокое невежество лежат в основе сектантства. Это надо всем твердо запомнить. Надо вам знать, что сектантство выродилось у нас в дикие, нелепые формы, возмутительные по своей глупости и по своему дерзкому отрицанию всего христианского учения.

Есть немало сектантов, которые отвергают Божество Иисуса Христа. К стыду русского народа, нашлись в нем люди, которые, забыв свою русскую родную старину, все вековые устои своей русской национальности, свою Православную веру, стали исповедовать еврейскую веру. Ибо есть целый ряд жидовствующих сект, которые соблюдают Закон Моисея, чтут все иудейские праздники, обрезанию подвергают себя и детей своих и становятся из русских евреями. Вот до каких нелепых форм доходят некоторые сектанты!

Сейчас вы видели, как трудно было вывести из храма хлыстовку. Если бы вы знали, какие безобразия творятся на их «радениях хлыстовских»! Но они настолько постыдны и возмутительны, что я не хочу говорить о них в этом святом месте. То, что я говорю о невежестве и дерзости сектантов, говорю не от себя, об этом говорил св. апостол Петр в своем Втором Соборном послании. Нелепо и невежественно извращают Священное Писание сектанты. Они выхватывают из него отдельные тексты, которые им удобны, и отбрасывают все то, что в Священном Писании противоречит их толкованию.

Святой апостол Павел в своем Послании к Римлянам сказал: *Как проповедовать, если не будут посланы?* Нас, служителей Церкви, архиереев и священников посылают на проповедь. Священников посылают архиереи. А архиереи получили эту власть от апостолов. Они продолжатели святого дела апостольского, они являются заместителями апостолов. Нас посылает Бог на проповедь. А кто посылает сектантских проповедников? Они отвергают Таинства, иные даже Таинство Крещения. Они отвергают и Таинство священства. У них нет рукоположенных епископов и священников. Сектанты выбирают тех, кто им нравится, и называют их пресвитерами. Они попрали слова Павловы. Сами себе присвоили право проповедовать, а Господь Иисус Христос своим апостолам поручил право пасти стадо Свое. Ибо много раз вы слышали то Евангельское чтение, в котором Он говорил апостолу Петру: *Паси овцы Моя, паси агнцы моя.* Сам Господь повелел апостолам пасти стадо Свое, а апостолы повелели это нам. А кто сектантам повелел пасти? Господь Иисус Христос сказал Своим ученикам: *Слушающий вас, Меня слушает. И отвергающий вас, Меня отвергается. А отвергающий Меня, отвергается Пославшего Меня* (Лк. 10, 16).

Сектанты отвергаются тех, которым апостолы доверили святое дело. Они не слушают нас и, по слову Божию, и не нас отвергаются, а Самого Господа Иисуса Христа. А кто отвергается Его Самого, тот отвергается Пославшего Его.

Нет более тяжкого греха, чем расколы и разделение Церкви Христовой. Так говорили все великие Святители. Так говорил Иоанн Златоуст, Василий Великий. Почти теми же словами, которыми сказал сщмч. Киприан: «Люди, не хранящие союза и приискренного общения с Церковью, хотя бы предали себя смерти за исповедование имени Христовой, грех их не омоется и самую кровью». Неизгладимая и тяжкая вина разделения не очищается даже кровью. Видите, какой ужасный грех раскол и сектантство! Как страшно уклоняться от Церкви Христовой и идти за еретиками! Святые апостолы многократно предупреждали нас об этом. В Послании к Римлянам апостол Павел говорил: *Умоляю вас, братия, остерегайтесь производящих разделение и соблазны, вопреки учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них* (Рим. 16, 17).

Господь Иисус Христос сказал: *берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные* (Мф. 7, 15). Знайте, люди Божии, что сектанты вкрадчивы, что они приходят под личиной любви и смирения. Они хитры чрезвычайно. Особенно хитры и особенно тонко льстят слуху вашему баптисты. Они прикидываются святыми. Пленяют любовью, вниманием к вам. Завлекают в сети, и в этих сетях вы погибаете. Святой апостол Павел в Послании к Фессалоникийцам и Галатам говорит: *Стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим* (2 Фес. 2, 15). *Кто благовестует вам не то, что вы приняли, да будет анафема!* (Гал. 1, 9). Всех тех, кто состоит в сектах, тех, кто соблазняет людей своими лжеучениями, апостол Павел предает анафеме. И следуя словам его, Святая Церковь в этот день анафематствует всех еретиков. Всех, не признающих Вселенских Соборов, Священного Предания. Помните и знайте, что если кто вас соблазнит в сектантство, то вы подлежите анафеме, вечному проклятию. Что может быть более страшным? Я не знаю. Я только могу вас умолять, как умолял святой апостол Павел, беречься этих хищников. Беречься производящих расколы. Никогда не ходить на их собрания, иначе будете отравлены ядом их. Бойтесь как огня общения с еретиками, общения с сектантами. Держитесь той веры,

которой научает нас Святая Церковь, веры Евангельской, веры Христовой, веры апостольской.
И спасет вас Господь Иисус Христос. Аминь.

Понедельник 2-й седмицы Великого поста

Лавсаик

Об Оре

В сей же горе Нитрийской был чудный подвижник по имени Ор. В его монастырях было до тысячи братий. Вид имел он ангельский. Ему было девяносто лет от роду, но тело его ничего не потеряло: лицо у него было светлое и бодрое, и с первого взгляда оно внушало почтение к себе. Сначала долгое время подвизался он в дальней пустыне, но впоследствии основал монастыри в ближней и на месте болота развел деревья, тогда как тут их совсем не было, так что в пустыне разросся густой лес. Жившие с ним отцы сказывали нам, что там даже и куста не было, когда этот муж пришел сюда из пустыни. Развел он этот лес для того, чтобы братиям, собиравшимся к нему, не было нужды ходить по сторонам за необходимыми припасами: о них он прилагал всякое попечение, молился Богу и сам трудился ради их спасения, дабы у них не было недостатка ни в чем необходимом и чтобы никакого предлога не имели они к нерадению.

Сначала, живя в пустыне, он питался травами и сладкими кореньями, воду пил, когда находил, и все время проводил в молитвах и пении. Когда же достиг глубокой старости, явился ему в пустыне Ангел во сне и сказал: «Ты будешь в язык великий, и великое множество людей будет вверено руководству твоему. Спасется чрез тебя десять тысяч, и все, сколько ты приобретешь здесь, будут повиноваться тебе в Будущем Веке. Оставь всякое сомнение, – продолжал Ангел, – в необходимых потребностях не будет у тебя недостатка до самой смерти твоей, когда только ни призовешь Бога». Выслушав слова сии, он пошел в ближнюю пустыню и, выстроив себе небольшую хижинку, жил в ней сначала один, довольствовался одними овощами, да и тех вкушал в неделю часто только по однажды.

Он был совсем неученый, но по выходе из пустыни в населенное место ему дана была от Бога такая благодать, что он наизусть знал Священное Писание. Когда братия подавали ему Библию, он тотчас начинал читать, как грамотный. Получил он и другую благодать: именно власть изгонять бесов, так что многие из одержимых ими громко проповедовали о его житии, хотя он и не хотел того. Совершил он много и других исцелений. Поэтому стеклись к нему три тысячи монахов. Видев их, он радостно приветствовал и лобызал их. Сам, своими руками умывал им ноги и потом предлагал поучение.

В Писании он был весьма сведущ, так как получил сию благодать от Бога. Изъяснив многие главы из Священного Писания и преподав православное учение о вере, он приглашал их к молитвословию, ибо великим мужам обычно не прежде приступать к плотской трапезе, как уже напитав свои души духовною пищею – эта пища есть принятие Тела Христова. По Приобщении и по принесении Богу славословия Ор приглашал братий к трапезе, а сам во время стола предлагал добрые и полезные наставления и беседовал с ними о спасении.

Он славился и своею распорядительностию. Так, множеству монахов, которые собирались к нему, он в один день выстраивал келии. Для этого он созывал всю наличную братию, и один готовил у него глину, другой – кирпичи, иной черпал воду. Когда келии были готовы, приходящие получали от него все нужные вещи. Пришел к нему один лжебрат со своим собственным платьем, которое было у него спрятано, и Ор пред всеми обличил его. Оттого никто не смел лгать пред ним, ибо все знали, какую благодать приобрел он себе своею святою жизнью. Сонм монахов, когда они были с ним в церкви, подобились ликам Ангелов, хвлящих Бога.

Вся братия свидетельствует о его великих добродетелях, а особенно раба Божия Мелания, прежде меня приходившая в сию Гору. Сам я не застал его в живых. Рассказывая о великих совершенствах сего мужа, она говорила, что он не лгал и не божился, никого не злословил и без нужды никогда не говорил.

О Памво

В Нитрийской же горе жил блаженный Памво, учитель епископа Диоскора, Аммония и братьев Евсевия и Евфимия, также Оригена, племянника Драконтія, славного и дивного мужа. Множеством великих совершенств и доблестей украшался этот Памво. Но венцом великих совершенств его было такое презрение к золоту и серебру, какого требует слово Господне. Блаженная Мелания рассказывала мне, что она вскоре по прибытии из Рима в Александрию, услышав от блаженного пресвитера Исидора-странноприимца о добродетельном житии Памво, в сопутствии самого Исидора отправилась к нему в пустыню. «Принесла я с собой, – говорила она, – ящичек с тремястами литр³⁴ серебра и просила его принять это приношение от моих стяжаний. Он сидел и плел ветви и, не оставляя своей работы, дал мне только словесное благословение, сказав: «Бог наградит тебя». Потом сказал эконому Оригену: “Возьми это и употреби на нужды братии, живущей в Ливии и по островам: сии монастыри скуднее прочих”. А из живущих в Египте братий никому не велел давать из этих денег, потому что страна сия, говорил он, плодороднее других».

«Я стояла, – говорит Мелания, – и ждала, что он почтит меня благословением или хотя слово скажет в похвалу за такое приношение, но, ничего не слыша от него, сама сказала ему: “Господин мой, да будет тебе известно, что серебра здесь триста литр”. Он и при этом не показал никакого внимания и отвечал мне, даже не взглянув на ящичек: “Дочь моя! Кому ты принесла это, Тому не нужно сказывать, сколько тут весу: Он взвесил горы, и холмы поставил весом, тем паче знает вес твоего серебра. Если бы ты отдала его мне, то хорошо было бы сказать и о его количестве, но если ты принесла его Богу, Который не отвергнул и двух лепт, но еще оценил их дороже всех других приношений, то молчи и будь спокойна”».

«Так домостроительствовала благодать Господня, – говорила блаженная, – когда пришла я в Гору! По малом времени раб Божий почил без болезни и без всякого страдания телесного. Он плел корзину и послал за мною. Когда вплетен был уже последний прут, он сказал мне: “Возьми эту корзину из моих рук на память обо мне – другого ничего не могу оставить тебе”. Он отошел, предав дух свой Господу, без болезни, семидесяти лет от роду. Обвив тело святого тонким полотном и положив его во гроб, я оставила пустыню, а корзину ту буду беречь у себя до самой смерти».

Говорят также, что Памво пред своею смертию, в самый час преставления, сказал стоявшим при одре его пресвитеру и эконому, Оригену и Аммонию, мужам известным по жизни: «С того времени, как, пришедши в эту пустыню, построил я себе келию и стал жить в ней, не провел я ни одного дня без рукоделия; не помню, чтобы когда-нибудь съел кусок хлеба, данный кем-нибудь даром; до сего часа не раскаиваюсь ни в одном слове, которое сказал я, и теперь отхожу к Богу так, как бы еще не начинал служить Ему». Рабы Христовы Ориген и Аммоний точно подтверждали это и сказывали нам еще, что, когда спрашивали Памво о чем-либо из Писания или касательно жизни, он никогда не отвечал на вопрос тотчас, но говорил, что еще не нашел ответа. Часто проходило месяца три, а он не давал ответа, говоря, что еще не знает, что отвечать. Памво из страха Божия был весьма осмотрителен в своих ответах, так что их принимали с благоговением, как бы изречения Самого Бога. Этою добродетелию, т. е. осмотрительностию в слове, говорят, он превосходил даже Антония Великого и всех святых.

³⁴ Литра – старинная мера веса, равная 327 г.

Лествица

Слово 4. О блаженном и приснопамятном послушании (окончание)

97. Бывает, что проходящий некоторое служение по просьбе другого брата предоставляет оное ему с тем, чтобы его успокоить; другой оставляет свое служение по лености. Иной опять не оставляет его по тщеславию, другой же – по усердию.

98. Если ты дал обещание жить в какой-нибудь обители или вместе с некоторыми братьями и видишь, что в этой жизни не получаешь душевной пользы, то не отрекайся разлучиться. Впрочем, искусный везде искусен, и наоборот. Укоризны производят многие несогласия и разлучения в мире, а чревообъядение есть причина всех падений и отвержений своих обетов в иноческих общежитиях. Если ты победишь сию госпожу, то всякое место будет тебе способствовать к приобретению бесстрастия; если же она тобою будет обладать, то до самого гроба везде будешь бедствовать.

99. Господь, умудряющий слепцов, просвещает очи послушников видеть добродетели их учителя и отемняет их не видеть недостатков его, а ненавистник добра делает противное сему.

100. Ртуть может служить для нас, о други, превосходным образцом повиновения: она спускается ниже всякой жидкости и никогда не смешивается ни с какою нечистотою.

101. Ревностные наиболее должны внимать себе, чтобы за осуждение ленивых не подвергнуться самим еще большему осуждению. И Лот, как я думаю, потому оправдался, что, живя среди таких людей, никогда их не осуждал.

102. Всегда, а наиболее при соборном псалмопении, должно соблюдать безмолвность и безмятежность; ибо то и намерение у бесов, чтобы смущением и развлечением губить молитву.

103. Послушник есть тот, кто телом предстоит людям, а умом ударяет в небеса молитвою.

104. Досады, унижения и все подобные случаи в душе послушника уподобляются полынной горечи, а похвалы, честь и одобрения, как мед, рождают в сладострастных всякую сладость. Но рассмотрим, какое свойство того и другого: полынь очищает всякую внутреннюю нечистоту, а мед обыкновенно умножает желчь.

105. Тем, которые взяли на себя о Господе попечение о нас, должны мы верить без всякого собственного попечения, хотя бы повеления их и не согласны были с нашим мнением и казались противными нашему спасению, ибо тогда-то вера наша к ним искушается как бы в горниле смирения. Признак истинной веры в том и состоит, чтобы без сомнения покоряться повелевающим даже тогда, когда мы видим, что повеления их противны нашим ожиданиям.

106. От послушания рождается смирение, как мы и выше сказали, от смирения же – рассуждение, как и великий Кассиан прекрасно и весьма высоко любомудрствует о сем в своем слове о рассуждении; от рассуждения – рассмотрение, а от сего – прозрение. Кто же не пожелает идти добрым путем послушания, видя, что от него истекают такие блага? О сей-то великой добродетели и добрый певец сказал: *уготовал еси благостию Твоею, Боже, нищему, послушнику, пришествие Твое в сердце его* (Пс. 67, 11).

107. Во всю жизнь твою не забывай того великого подвижника, который в продолжении целых восемнадцати лет телесными ушами не слышал от наставника своего сего привета: «Спасайся», но внутренними ежедневно слышал от Самого Господа не слово «спасайся», которое выражает одно желание и еще неизвестность, но «ты спасен», что уже определительно и несомненно.

108. Не знают себя и своей пользы те послушники, которые, заметив благосклонность и снисходительность своего наставника, просят его назначить им служения по их желаниям.

Пусть они знают, что, получивши их, они совершенно лишаются исповеднического венца, потому что послушание есть отвержение лицемерия и собственного желания.

109. Иной, получив повеление и понимая притом мысль повелевшего, что исполнение приказания не будет ему угодно, оставил оное, а другой хотя и понимал это, но исполнил приказание без сомнения. Должно испытать, кто из них благочестивее поступил?

110. Невозможное дело, чтобы диавол стал сопротивляться своей воле; да уверят тебя в этом те, которые живут в нерадении, но постоянно пребывают в одном безмолвном месте или в одном и том же общежитии. Когда мы, живя в каком-нибудь месте, бываем боримы к переходу на другое, то брань эта да будет для нас указанием нашего благоугождения Богу на том месте; ибо когда бываем боримы, то это значит, что мы противоборствуем.

О преподобном Акакии

111. Не хочу неправедно скрывать и лихоимствовать бесчеловечно, не хочу умолчать пред вами о том, о чем молчать не должно. Великий Иоанн Савваит сообщил мне вещи, достойные слышания, а ты сам, преподобный отче, по опыту знаешь, что сей муж бесстрастен и чист от всякой лжи, от всякого лукавого дела и слова. Он рассказал мне следующее. «В обители моей в Азии (ибо оттуда пришел сей преподобный), в которой я находился, прежде нежели пришел сюда, был один старец весьма нерадивой жизни и дерзкого нрава; говорю сие не судя его, а дабы показать, что я говорю правду. Не знаю, каким образом приобрел он себе ученика, юношу именем Акакия, простого нравом, но мудрого смыслом, который столько жестокостей перенес от сего старца, что для многих это покажется невероятным, ибо старец мучил его ежедневно не только укоризнами и ругательствами, но и побоями; терпение же послушника было не безрассудное. Видя, что он, как купленный раб, ежедневно крайне страдает, я часто говаривал ему при встрече с ним: “Что, брат Акакий, каково сегодня?” В ответ на это он тотчас показывал мне иногда синее пятно под глазом, иногда уязвленную шею или голову; а как я знал, что он делатель, то говаривал ему: “Хорошо, хорошо, потерпи и получишь пользу”. Прожив у своего немилосердного старца девять лет, Акакий отошел ко Господу и погребен в усыпальнице отцов. Спустя пять дней после этого наставник его пошел к одному пребывавшему там великому старцу и говорит ему: “Отче, брат Акакий умер”. Но старец, услышав это, сказал ему: “Поверь мне, старче, я сомневаюсь в этом”. “Поди и посмотри”, – отвечал тот. Немедленно встав, старец приходит в усыпальницу с наставником блаженного одного подвижника и взывает к нему, как бы к живому (ибо поистине он был жив и после смерти), и говорит: “Брат Акакий, умер ли ты?” Сей же благоразумный послушник, оказывая послушание и после смерти, отвечал великому: “Отче, как можно умереть делателю послушания?” Тогда старец, который был прежде наставником Акакия, пораженный страхом, пал со слезами на землю; и потом, испросив у игумена лавры келию близ гроба Акакиева, провел там остаток жизни уже добродетельно, говоря всегда прочим отцам: “Я сделал убийство”». Мне кажется, отче Иоанне, что великий старец, говоривший с умершим, был сам сей Иоанн Савваит, ибо он рассказывал мне еще одну повесть, как бы о другом подвижнике, а я после достоверно узнал, что этот подвижник был он сам.

Об Иоанне Савваите или Антиохе

112. «В той же, говорил он, азиатской обители был некто послушником у одного кроткого, тихого и безмолвного монаха, но видя, что старец как бы почитает и покоит его, он рассудил, что такое обхождение для многих бывает бедственно, потому и упросил старца отпустить его, а как старец тот имел еще другого ученика, то удаление первого не слишком было ему тягостно. Отшедши таким образом, послушник этот при помощи письма от своего насто-

ятеля поместился в одном из общежитий, находящихся в Понте. В первую ночь по вступлении своем в сию обитель он видит во сне, что некоторые истязают его за долг, и будто по окончании сего страшного истязания он остался должен сто литр золота. Пробудившись от сна, он рассуждал о виденном и говорил сам себе: “Смиранный Антиох, (это было имя его), поистине еще много остается на тебе долгу”. Прожил я, говорил он, в этом общежитии три года, беспрекословно исполняя всякие послушания и будучи всеми унижаем и оскорбляем как пришлец (ибо кроме меня там не было другого чужестранного монаха). Тогда опять вижу во сне, будто некто дал мне свидетельство в уплате десяти литр моего долга. Пробудившись, я понял видение, и сказал себе: “Еще десять только? Когда же я все выплачу? Бедный Антиох! Тебе нужен больший труд и большее бесчестие!” С того времени начал я притворяться лишенным рассудка, впрочем, не оставляя служения; немилостивые же тамошние отцы, видя меня в таком положении и в прежнем усердии, возлагали на меня все тяжкие дела в обители. Прожив тринадцать лет в таком подвиге, я снова увидел во сне являвшихся мне прежде, будто они пришли и дали мне рукописание, которое совершенно освобождало меня от попечения о моем долге. Итак, когда отцы той обители в чем-нибудь меня оскорбляли, я вспоминал мой долг и терпел мужественно». Премудрый Иоанн рассказывал мне это, отче Иоанне, как о другом человеке, для того и Антиохом себя назвал; а в самом деле он был тот подвижник, который терпением разодрал рукописание своих согрешений.

113. Но услышим, какой дар рассуждения преподобный сей приобрел крайним своим послушанием. Во время его пребывания в обители св. Саввы пришли к нему три юных инока, желая быть его учениками. Приняв их с радостью, он тотчас угостил их и старался упокоить после трудов путешествия. По прошествии трех дней сей старец сказал им: «Братия, я блудник по естеству, и не могу кого-либо из вас принять к себе». Но они сим не соблазнились, потому что знали высокую жизнь старца. Когда же, всячески умоляя его, не могли его убедить, тогда поверглись к ногам его и просили, чтобы он, по крайней мере, дал им наставление, как и где им проходить монашескую жизнь. Старец согласился на это и, видя, что они со смирением и послушанием примут слова его, сказал одному из них: «Господь хочет, сын мой, чтобы ты пребывал в безмолвном месте в повиновении у духовного отца». Второму сказал: «Иди, продай волю твою и предай ее Богу, возьми крест твой и терпи в общежитии братий – поистине будешь иметь сокровище на небесах». Наконец говорит и третьему: «Непрестанно помни сие слово Господа: *претерпевый до конца, той спасется* (Мф. 10, 22). Иди и, если возможно, избери себе наставника о Господе из всех людей суровейшего и строжайшего и, укрепившись терпением, ежедневно пей от него поругание и унижение, как мед и молоко». Брат же сей сказал великому Иоанну: «Отче, а если он пребывает в нерадении, то что мне делать?» Старец отвечал: «Если бы ты даже увидел, что он блуд творит, не оставляй его, но говори сам себе: “Друже, зачем ты сюда пришел?” Тогда увидишь, что возношение истребится в тебе, и похоть плотская в тебе увянет».

114. Все, желающие стяжать страх Божий, должны всю силу подвизаться, чтобы в сем училище добродетели вместо добродетели не приобрести лукавства и злобы, хитрости и коварства, пронырливости и гнева; ибо это случается, и не должно этому удивляться. Пока человек остается простолюдином, работником на корабле или земледельцем, против него не столь сильно и враги царя вооружаются. Когда же видят, что он взял печать царскую и щит, меч, оружие и лук и оделся в воинскую одежду, тогда скрежещут на него зубами и всячески покушаются убить его. Итак, дремать не должно.

115. Видел я, что незлобивые и прекрасные отроки пришли в училище для научения премудрости, для образования и получения пользы, но по причине сообщества с другими ничему там не выучились, кроме грубости и порока. Кто имеет разум, тот может понять сказанное.

116. Невозможно, чтобы прилежно обучающиеся какому-либо художеству ежедневно не успевали в нем, но одни познают это преуспеяние, а другие не примечают его по особенному

распоряжению Промысла Божия. Хороший купец на всякий вечер непременно считает дневную прибыль или убыток, но сего он не может ясно узнать, если ежечасно не будет всего записывать в счетную книгу, потому что ежечасное самоиспытание ежедневно просвещает душу.

117. Безрассудный, когда его укоряют или осуждают, оскорбляется и старается противоречить или немедленно просит прощения у своего обличителя, не по смирению, но только чтобы прекратить выговор. Когда бьют тебя выговорами и укоризнами, молчи и принимай душевные прижигания или, лучше сказать, светильники чистоты. Когда же духовный врач твой перестанет тебя обличать, тогда кайся пред ним, ибо в самом действии гнева он, может быть, и не примет твоего покаяния.

118. Пребывающие в общежитии хотя и против всех страстей на всякий час должны подвизаться, но в особенности против двух: против чревонеистовства и вспыльчивости, потому что во множестве братий бывает и много поводов для сих страстей.

119. Пребывающим в послушании диавол влагает желание добродетелей невозможных для них; подобным образом и живущим в безмолвии он советует несвойственное им. Раскрой ум неискусных послушников, и найдешь там погрешительную мысль: желание безмолвия, крайнейшего поста, неразвлекаемой молитвы, совершенного нетщеславия, незабвенного памятования смерти, всегдашнего умиления, всесовершенного безгневия, глубокого молчания, чистоты превосходной. По особенному Промыслу Божию, не имея сих добродетелей в начале, они безрассудно перескакивают чрез предлежащие им степени, будучи обольщены врагом, который побуждает их искать сих совершенств прежде времени, с тем, чтобы они, не устояв в терпении, не получили их и в свое время. Напротив того, сей обольститель ублажает перед безмолвниками страннолюбие послушников, их служения, братолюбие и утешительное сопребывание в обществе, их служения больным. Намерение же льстеца сего состоит в том, чтобы и сих, подобно первым, сделать нетерпеливыми.

120. Поистине немногие могут с разумом проходить безмолвие, но те только, которые стяжали божественное утешение к поощрению в трудах и помощь в бранях.

121. По качествам страстей наших должно рассуждать, какому руководителю отдаться нам в повиновение, и сообразно с тем такого и избирать. Если ты невоздержен и удобопреклонен на плотскую похоть, то да будет твоим учителем подвижник и в отношении к пище неумолимый, а не чудотворец и который готов всех принимать и угощать трапезою. Если ты высокомерен, то да будет твоим руководителем человек суровый и неуступчивый, а не кроткий и человеколюбивый. Не должно искать таких руководителей, которые бы имели дар пророчества или прозрения, но прежде всего истинно смиренномудрых и по нраву и местопребыванию своему приличных нашим недугам. По примеру вышепомянутого праведника Аввакума имей и сие пособие к послушанию: помышляй всегда, что наставник тебя искушает, и ты никогда не погресишь. Когда, будучи непрестанно обличаем от своего наставника, ты почувствуешь, что вера и любовь твоя к нему возрастают, то знай, что Дух Святой невидимо вселился в твою душу и сила Вышнего осенила тебя.

122. Впрочем, не радуйся и не хвались, когда ты мужественно терпишь досады и бесчестия, напротив, плачь о том, что ты сделал нечто достойное выговора и возмутил против себя душу наставника. Не ужасайся и не дивись, когда скажу тебе, (ибо Моисей мне в том свидетель), что лучше согрешить перед Богом, нежели перед отцом своим: потому что если мы прогневили Бога, то наставник наш может Его с нами примирить, а когда мы наставника ввели в смущение, тогда уже никого не имеем, кто бы за нас ходатайствовал. Впрочем, я думаю, что оба эти согрешения имеют одно значение.

123. Рассмотрим и рассудим со вниманием, когда должно нам благодарно и безмолвно терпеть обвинения от пастыря и когда объясняться перед ним. Мне кажется, что во всех случаях, когда бесчестие падает на одних нас, должно молчать (ибо это время духовного приобре-

тения), а когда обвинение касается другого лица, тогда должно говорить в защиту ради союза любви и ненарушимого мира.

124. Пользу послушания возвестят тебе те, которые отпали от него, ибо они тогда только узнали, на каком стояли небе.

125. Кто стремится к бесстрастию и к Богу, тот считает потерянным всякий день, в который его никто не укорял. Как деревья, колеблемые ветрами, глубоко в землю пускают корни, так и пребывающие в послушании стяжут крепкие и непоколебимые души.

126. Кто, живя в безмолвии, познал свою немощь и, пришедши, продал себя послушанию, тот, бывши слеп, без труда ко Христу прозрел.

127. Мужайтесь, братия подвижники, мужайтесь, и еще скажу: мужайтесь и не переставайте стремиться вперед, внимая к Премудрому, который говорит о вас: *Господь, яко золото в горниле, паче же в общежитии, искуси их, и яко всеплодие жертвенное прият я* (Прем. 3, 6) в недра Своя. Ему же слава и держава вечная с Отцом Безначальным и Духом Святым и поклоняемым. Аминь.

Сия степень равночислена Евангелистам. Мужайся, подвижник, стремись вперед без страха. Некогда Иоанн опередил Петра, а здесь послушание положено прежде покаяния, ибо предваривший ученик представлял образ послушания, а другой – покаяния.

Архиеп. Аверкий (Таушев). Почему должны мы поститься?

*Постное время светло начнем!..
Стихира на вечерне*

Многие в наше время задают этот вопрос: «Почему Церковь требует, чтобы мы постились?» Одни – вообще не зная и не понимая, для чего установлен пост, и пренебрегая им совсем, другие – свысока и высокомерно отвергая его и смотря на постящихся, как на каких-то «отсталых людей», чуть ли не изуверов.

Между тем, пост – чрезвычайно важное установление нашей Св. Церкви, нужное и высокополезное и для души, и для тела.

И всегда это так было, а в наше нездоровое время особенно – нет людей вполне здоровых и душою, и телом. Мы все – люди больные, в большей или меньшей степени, а пост – это курс лечения для наших больных душ, а в то же время – и для тела. Нужно только правильно понимать его смысл и значение и разумно пользоваться им.

Мы все унаследовали больную природу от наших прародителей, осмелившихся дерзко нарушить данную им заповедь Божию и впавших в двойной грех – непослушания и невоздержания чрез вкушение запрещенного плода, и сами продолжаем так же грешить, омрачая свою душу и расстраивая одновременно здоровье тела, тесно связанного с душою.

Величайшая ошибка и заблуждение – считать себя вполне нормальными и идеально здоровыми людьми!

Мы – больны, и больны при том самым злейшим недугом – грехом, происходящим от гордости и самолюбия, который поражает и душу, и тело. Надо понять это и глубоко сознать всю бедственность такого нашего состояния, ибо ведь от греха и первоисточника его – бесовской гордости – все зло на земле, а в будущей жизни он уготовляет нам вечные, нескончаемые муки.

Как же не желать нам вылечиться?

Да и какой больной хотел бы постоянно болеть без всякой надежды когда-либо выздороветь?

Вот попечительная мать наша – Св. Церковь – и предлагает нам необходимый курс лечения – Великий пост, как своего рода «духовную санаторию». И всякий, кто проходит этот курс лечения, добросовестно исполняя предписания Церкви и советы своих духовных врачей не может не почувствовать, сколь великую пользу и облегчение он приносит – вплоть до полного выздоровления.

Через непослушание и невоздержание в лице наших прародителей мы пали и лишились райского блаженства – через добровольно принимаемый на себя подвиг послушания и воздержания, с отвержением своей гордыни и самолюбия, мы можем снова восстать и возвратить себе утраченное райское блаженство.

Надо только помнить, что истинный пост, как учит Церковь, состоит не только в одном телесном воздержании от известных родов пищи, как мяса, молока, сыра и яиц, но и в воздержании от всякого зла, – что истинный и разумный пост есть двоякий: телесный и духовный.

«Постящися, братие, телесне, постимся и духовне», – поет Церковь, причем один телесный пост без духовного не имеет никакой цены: «ничтоже есть», по выражению нашего великого русского святителя Тихона Задонского, но и духовный пост без телесного не может быть успешным. Телесное воздержание необходимо для того, чтобы ослабить слишком сильную плоть, освободить дух от власти плоти, ибо, по учению Слова Божия, – а каждый сам может проверить это на собственном опыте, – плоть всегда желает противного духу. *Мудрова-*

ние плотское есть смерть, говорит апостол Павел, оно есть *вражда на Бога, закону бо Божию не покаряется* (Рим. 8, 6–7).

Поэтому, чтобы поститься «*постом приятным, благоугодным Господеви*» и достичь должного успеха в этом пощении, необходимо разумно сочетать пост духовный с постом телесным, памятуя, что как человек состоит из души и тела, так и совершенный пост должен быть двоякий: духовный и телесный.

В чем же состоит пост духовный?

Это ясно выражено в церковной стихире, которая поется в первый же день Великого поста на вечерне: «*Истинный пост есть злых отчуждение*», т. е.: отчуждение себя от всякого зла, «*воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголения, лжи и клятвопреступления. Сих оскудение, пост истинный есть и благоприятный*».

Отсюда ясно, что если кто-нибудь воздерживается от ядения мяса, молока, сыра и яиц, но не воздерживается от делания зла ближним, не удерживает своего языка от злословия и празднословия, не обуздывает своей ярости (раздражительности и злобы на ближнего), не пресекает своих похотей, не отказывается от наговоров (сплетен), лжи и клятвопреступства, – пост такого человека не может почитаться постом истинным и угодным Богу. «Что толку, – говорит один из наставников христианского благочестия, – что толку, если ты не ешь мяса, а ближних твоих угрызаешь?»

Вот как учит Церковь о посте, и совершенно напрасно неверующие и враги Церкви приписывают ей, будто она требует только одного телесного поста и в нем видит весь смысл пощения!

Наоборот: Церковь никогда не требовала и не требует строгого телесного воздержания от больных и немощных, считая, как выражается один из великих подвижников прп. Варсануфий, что «*болящему Бог вменяет его болезнь вместо поста – тому, кто переносит ее с терпением и благодарит Бога. Если и десять раз в день будешь есть, не печалься, ты не будешь осужден за это*», ибо «*не от немощных телом требует Бог поста, но от сильных и здоровых*».

Само собой разумеется, если болезнь есть действительная болезнь, а не мнимая и воображаемая, почему в таких случаях надо испрашивать совета и благословения своего духовника.

Правило Апостольское 69-е, требующее от всех соблюдения установленных Церковью постов, освобождает, однако, от необходимости поститься тех, у кого есть препятствие со стороны «*немощи телесной*». Повторяем еще раз, что никаких льгот православный христианин не должен допускать себе сам, самовольно, а всегда обращаться за всеми советами, касающимися духовной жизни, к своему духовнику.

Замечательно сильно и вразумительно говорят многие святые Отцы о значении поста.

«Пост – колесница, возносящая на небо, – учит прп. Ефрем Сирийский. – Пост – доброе предохранение для души, надежный сожитель телу. Пост – оружие доблестным, училище подвижников. Пост – путь к покаянию».

«Пост – отвержение всего, что услаждает вкус, – учит сам величайший постник прп. Иоанн Лествичник. – Погашение телесного разжжения, истребление лукавых помышлений, чистота молитвы, светило души, хранение ума, истребление сердечной бесчувственности, дверь умиления, радостное сокрушение, удержание многословия, причина безмолвия, страж послушания, облегчение сна, здравие тела, виновник бесстрастия, врата рая и небесное наслаждение».

«Пост – время небесного врачевания, – говорит свт. Амвросий Медиоланский, – время пробуждения души от греховного сна и преступной беспечности о своем спасении. В это время душа каждого из нас, человека грешного, как бы пробуждается от дремоты, находясь в которой она забыла о своем спасении, была более чем равнодушна к нему... Всматриваясь, она видит вокруг себя мглу, застилающую от нее лучи божественной благодати. Св. Церковь приходит на помощь к смущенной душе: “*Прииде пост, мати целомудрия, обличитель грехов, проповедник*

покаяния!..” Пост есть время, в которое мы можем очистить всю скверну пороков и уврачевать все язвы беззаконий, усердно прося Врача душ наших, чтобы Он помог нам соблюсти заповеди, трудные для соблюдения...»

«Примите пост, бедные, – так взывал свт. Василий Великий. – Он разделит с вами и обитель, и трапезу. Примите его, богатые: он уврачит вас от вреда, причиняемого пресыщением. Примите его, больные: это – мать здоровья. Примите его здоровые: это – хранитель вашей телесной крепости. Польза поста открыта всякому роду жизни, всякому состоянию тела. Радостно примем пост!»

«Постящийся, – говорит свт. Иоанн Златоуст, – легок, глубоковнимателен, молится трезвенно, лукавые вожделения погашает, умилоствивляет Бога, душу смиряет...» «Молящийся и постящийся имеет два крыла, легчайшие самых ветров; молящийся с постом не зевает, не потягивается, не бывает неповоротен, как многие этим страдают, но бывает подвижнее и сильнее огня, выше земли, а таковой, по преимуществу, бывает врагом и ратником бесов...»

Интересно, как говорит свт. Иоанн Златоуст о тех, которые по немощи не могут поститься: «Если не можешь поститься, то можешь не наслаждаться, – а это уже немалое любознание, недалеко от поста отстоящее...»

«Видишь ли, что делает пост, – говорит свт. Афанасий Великий, – болезни врачует, мокроты иссушает, лукавые помыслы удаляет, бесов прогоняет, сердце делает чистым. Если бы кто даже одержим был нечистым духом, да будет ему известно, что сей род, по слову Господа, изгоняется только молитвою и постом».

«Каждый должен поститься столько, – говорит прп. Иоанн Кассиан, – сколько нужно для укрощения плотской брани. Полезно и непременно должно соблюдать канонические правила касательно постов, но если после поста не будет сохранена умеренность в употреблении пищи, то соблюдение их (т. е. правил) не доведет до чистоты. Сущность же воздержания состоит не в том только, чтобы соблюдать время употребления пищи, и не в качестве только пищи, но прежде всего – в рассудительном употреблении оной».

«Будем держать воздержание, – наставляет нас великий подвижник прп. Феодор Студит, – не только в еде и питье: это недостаточно, но будем воздерживаться от сластолюбия в сердце, от срамных воображений, от зависти, гнева и неудовольствия на ближнего, от необузданности языка, от блудных воззрений ока, от слушания дурных речей. Пост требует смирения нелицемерного, благоговеинства сокрушенного, молитвы непрестанной, стенания глубокого, веры непреткновенной, надежды непостыждающей, безропотности благодушной и воздержания всестороннего: и от слова сопротивительного, и от речений оскорбительных, от задорности, брани и самочиния». Вот что такое пост!

Мы могли бы без конца продолжать эти высокоавторитетные свидетельства Свв. Отцов о важности и значении поста, но и этого достаточно³⁵.

³⁵ Окончание см. вторник 2-й седмицы Великого поста.

Вторник 2-й седмицы Великого поста

Лавсаик

О Пиоре

Между прочими деяниями святого Памво рассказывают еще следующее. Однажды блаженный Пиор, подвижник, пришел в его келию со своим хлебом. Когда Памво упрекнул его, для чего он так сделал, Пиор отвечал ему: «Для того, чтобы тебе не быть в тягость». Памво молча отпустил его. Спустя несколько времени приходит Великий Памво в келию Пиора также со своим хлебом, который был уже и размочен у него. На вопрос Пиора, зачем он принес хлеб размоченный, Памво отвечал: «Чтобы и мне не быть тебе в тягость, я сам размочил хлеб».

Об Аммонии

Аммоний, бывший учеником Великого Памво, вместе с тремя другими братьями и двумя сестрами, достигши самой высокой степени боголюбия, поселились в пустыне и построили два особых монастыря: братья – мужской, а сестры – женский, на довольном расстоянии один от другого. Между тем Аммония в одном городе пожелали иметь епископом, ибо великий сей муж обладал ученостию необыкновенною. Посланные от города пришли к блаженному епископу Тимофею и просили его рукоположить им Аммония во епископа. «Приведите его ко мне, – отвечал епископ, – и я рукоположу вам его». Взяв с собою довольно людей, они пошли за ним. Но Аммоний бежал. Видя наконец, что его догоняют, он остановился и стал их упрашивать. Когда же те не слушали, он поклялся им, что не примет сана и не может оставить пустыню. Когда и это не подействовало, он при всех взял ножницы и совсем отрезал у себя левое ухо до корня, сказав: «Теперь вы должны увериться, что мне нельзя принять сана, к которому меня принуждаете, ибо закон повелевает не допускать того к священству, у кого отрезано ухо». После сего они, оставив его, ушли и, пришедши к епископу, рассказали об этом. Тот им говорит: «Закон этот пусть наблюдают иудеи, а ко мне ежели приведете хотя и безносого, только достойного по жизни, я рукоположу его». Граждане пошли опять упрашивать Аммония. Когда святой муж стал отказываться, они хотели было вести его насильно. Но он поклялся отрезать и язык у себя, если станут принуждать его. После этого его отпустили и ушли.

Пищу Аммония с молодых лет до самой кончины составляли сырые овощи: он не ел ничего приготовленного на огне, кроме хлеба. Знал он все книги Ветхого и Нового Завета наизусть и многократно перечитал писания знаменитых мужей – Оригена, Дидима, Пиерия и Стефана. Об этом свидетельствуют и великие отцы пустыни. Рассказывают и о его пророчествах. Назидательнее его никто другой не был для братьев, живших в пустыне. Блаженный Евагрий, муж духоносный и строгий в суждении, так отзывался о нем: «Не видывал я человека бесстрашнее его». Во время отбытия Великого Аммония в Константинополь по нуждам пустынножителей сей блаженный (Евагрий) по убеждению святых епископов, пришедших из разных областей, и здешних пустынников восприял от купели Святого Крещения Руфина – тогдашнего преторианского префекта, который сам много раз просил его об этом. Крещение совершено было в присутствии сих епископов в той церкви, которую построил сам Руфин для положения в ней святых, на самых гробницах. Во всем послушный преподобному Аммонию,

Руфин почтил Евагрия достойно его святой жизни. Аммоний спустя немного времени почил и положен в храме, называемом Руфиновым. Его гробница, говорят, исцеляет от простуды.

О Вениамине

В той же горе Нитрийской был один чудный муж, по имени Вениамин. Его добродетельная жизнь продолжалась восемьдесят лет. За высокие подвиги в добродетели он удостоился дара исцелений, так что только возлагал на болящего руки или давал ему еля, им благословенного, и тот выздоравливал совершенно. И несмотря на такой дар, за восемь месяцев до успеха своего он сделался болен водянкою. Тело его так распухло, что по страданиям он был другим Иовом в наши времена. Епископ Диоскор, бывший тогда пресвитером горы Нитрийской, взявши нас, меня и блаженного Евагрия, сказал нам: «Подите посмотрите на нового Иова, который при такой болезни неисцельной сохраняет необыкновенное благодушие». Пришедши, мы взглянули на его тело: оно так опухло, что кистями обеих рук нельзя было охватить его мизинца. Не в силах будучи смотреть на такую страшную болезнь, мы отвратили от него глаза свои. Тогда блаженный Вениамин сказал нам: «Помолитесь, чада, чтобы не сделался болен мой внутренний человек. А от тела этого, и когда был я здоров, не видел пользы, и, когда болен, не вижу вреда». В те восемь месяцев он постоянно сидел в стуле огромной широты, потому что лечь в постель не мог. И в таком неисцелимом недуге он еще врачевал других от различных болезней.

Я нарочно рассказал о болезни сего святого, чтобы нам не казалось странным, если видим, что и праведных мужей постигает иногда бедствие. Когда сей великий муж скончался, то вынули порог и косяки у дверей, чтобы можно было вынести тело из келии – так опухло тело блаженного и досточтимого отца Вениамина.

Об Аполлони

Некто именем Аполлоний, из купцов, отрекшись мира, поселился в горе Нитрийской. Так как по преклонности лет он уже не мог выучиться ни ремеслу, ни чтению, то в продолжение двадцатипятилетнего пребывания в горе подвизался таким образом: покупая в Александрии на свои деньги, приобретенные собственными трудами, всякие врачебные и келейные потребности, он снабжал ими всю братию во время болезни. Бывало, с раннего утра до девятого часа дня ходит около обителей и монастырей по всем кущам, отворяет двери и смотрит, не лежит ли кто. С собою он носил изюм, гранатовые яблоки, яйца, пшеничный хлеб – все, что бывает нужно больному. Такой полезный образ жизни вел раб Христов до глубокой старости. Перед смертью он передал все свои вещи другому, подобному себе, упросив его проходить это служение. Так как в горе той живет до пяти тысяч монахов, то подобный присмотр и нужен в такой пустыне.

Лествица

Слово 5. О попечительном и действительном покаянии и также о житии святых осужденников и о Темнице

1. Покаяние есть возобновление крещения. Покаяние есть завет с Богом об исправлении жизни. Покаяние есть купля смирения. Покаяние есть всегдашнее отвержение телесного утешения. Покаяние есть помысл самоосуждения и попечения о себе, свободное от внешних попечений. Покаяние есть дочь надежды и отвержение отчаяния. Покаяние есть примирение с Господом чрез совершение благих дел, противных прежним грехам. Покаяние есть очищение совести. Покаяние есть добровольное терпение всего скорбного. Кающийся есть изобретатель наказаний для себя самого. Покаяние есть крепкое утеснение чрева, уязвление души в глубоком чувстве.

2. Стекитесь, все прогневавшие Господа, и приступите, приидите и услышьте, что я поведаю вам, соберитесь и увидите, что Господь показал мне в назидание души моей. Почтим и поместим в этом Слове прежде всего повесть об уничиженных, но достойных уважения делаателях. Все, впадшие в какое-либо нечаянное согрешение, услышим, сохраним и сотворим то, что узнаем. Восстаньте и стойте, низверженные падениями. Внимайте, братия мои, сему слову моему; приклоните ухо ваше все, хотящие истинным обращением примирить Бога с собою.

3. Слышал я, немощный, о чудном некотором и необычайном состоянии и смирении осужденников, заключенных в особенной обители, называемой Темницею, которая состояла под властью помянутого светила светил. Потому, находясь еще в обители сего преподобного, я просил его, чтобы он позволил мне посетить это место; и великий муж уступил моему прошению, не хотя чем-либо опечалить мою душу.

4. Итак, пришедши в сию обитель кающихся, в сию, поистине, страну плачущих, увидел я то, чего поистине, если не дерзко так сказать, око нерадивого человека не видело и ухо унылого не слышало, что и на сердце ленивого не всходило, т. е. такие дела и слова, которые сильны убедить Бога, такие упражнения и подвиги, которые скоро преклоняют Его человеколюбие.

5. Видел я, что одни из сих неповинных осужденников всю ночь до самого утра стояли на открытом воздухе не передвигая ног и жалким образом колебались, одолеваемые сном по нужде естества; но они не давали себе ни мало покоя, а укоряли сами себя и бесчестиями и поношениями возбуждали себя.

6. Другие умиленно взирали на небо и с рыданием и воплем призывали оттуда помощь.

7. Иные стояли на молитве, связавши себе руки назад, как преступники; печальные лица их были преклонены к земле; они считали себя недостойными взирать на небо; от недостойности помыслов и от угрызения совести не знали, что сказать и как проговорить, какие молитвы вознести к Богу, как и откуда начать моление, но только душу немолствующую и ум безгласный представляли Богу и были исполнены мрака и как бы тонкого отчаяния.

8. Другие сидели на земле во вретисе и пепле, лицо скрывали между коленями и челом ударяли о землю.

9. Иные непрестанно били себя в грудь, возывая прежнее состояние души своей и невинность своей жизни. Иные из них омочали землю слезами, а другие, не имея слез, били сами себя. Иные рыдали о душах своих, как о мертвецах, будучи не в силах переносить сердечной туги; другие же, рыдая в сердце, глас рыдания удерживали в устах, а иногда, когда уже не могли терпеть, внезапно вопияли.

10. Видел я там, что некоторые от сильной печали находились как бы в иступлении, от многого сетования были безгласны, совершенно погружены во мрак и как бы нечувствительны

ко всему, касающемуся земной жизни, умом сошли в бездну смирения и огнем печали иссушили слезы в очах своих.

11. Другие сидели в задумчивости, поникши к земле и непрестанно колебля главами, подобно львам, рыкали и стонали из глубины сердца и утробы. Одни из них благонадежно просили совершенного прощения грехов и молились о сем; а иные, по несказанному смирению, почитали себя недостойными прощения и взывали, что они не имеют перед Богом никакого оправдания. Другие молили Господа, чтобы им здесь потерпеть мучения, а там быть помилованными; иные же, угнетаемые тяготою совести, чистосердечно просили ни подвергать их мучению, ни удостаивать Царствия: «Сего было бы для нас довольно», – говорили они.

12. Я видел там души столь уничиженные, сокрушенные и так угнетаемые тяготою греховного бремени, что они могли бы и самые камни привести в умиление своими словами и воплями к Богу. «Знаем, – говорили они, поникши к земле, – знаем, что мы по правде достойны всякого мучения и томления, ибо не можем удовлетворить за множество долгов наших, хотя бы мы и всю вселенную воззвали плакать за нас. Но о том только просим, о том умоляем и той милости ищем, *да не яростию Твоею обличиши нас, ниже гневом Твоим накажешши нас* (Пс. 6, 2), ни праведным судом Твоим мучиши нас, но с пощадением. Для нас довольно, Господи, освободиться от страшного прещения Твоего и мук безвестных и тайных, совершенного же прощения мы не смеем просить. Да и как осмелимся, когда мы обета своего не сохранили в непорочности, но осквернили его, испытавши уже Твое человеколюбие и получивши прощение согрешений?»

13. Там можно было видеть действительное исполнение слов Давидовых, видеть страждущих, *сляченных до конца* жизни своей; *весь день сетуя ходящих; смердящих согнившими ранами* тела своего (ср.: Пс. 37, 6–7) и небрегущих о врачевании оных; *забывающих снести хлеб свой, и питье воды с плачем растворяющих*; прах и пепел *вместо хлеба ядущих; имеющих кости прильпленные к плоти и самих, яко сено изсохших* (ср.: Пс. 101, 5–12). Ничего другого не слышно было у них, кроме сих слов: «Увы, увy! горе мне, горе мне! праведно, праведно! пощади, пощади, Владыко!» Некоторые говорили: «Помилуй, помилуй»; а другие еще жалостнее взывали: «Прости, Владыко, прости, если возможно!».

14. У иных видны были языки воспаленные и выпущенные из уст, как у псов. Иные томили себя зноем, иные мучили себя холодом. Некоторые, вкусивши немного воды, переставали пить, только чтобы не умереть от жажды. Другие, вкусив немного хлеба, далеко отвергали его от себя рукою, говоря, что они недостойны человеческой пищи, потому что делали свойственное скотам.

15. Где был у них какой-либо вид смеха? Где празднословие? Где раздражительность или гнев? Они даже не знали, существует ли гнев у людей, потому что плач совершенно угасил в них всякую гневливость. Где было у них прекословие, или праздник, или дерзость, или какое-нибудь угождение телу, или след тщеславия? Где надежда какого-либо наслаждения, или помышление о вине, или вкушение осенних плодов, или варение пищи, или услаждение гортани? Надежда всего этого в нынешнем веке уже угасла для них. Где было у них попечение о чем-нибудь земном? Где осуждение кого-либо из человеков? Вовсе и не было.

16. Таковы были всегдашние их вещания и взывания ко Господу. Одни, ударяя себя в грудь, как бы стоя пред вратами небесными, говорили Богу: «Отверзи нам, о Судия, отверзи нам!» Другие говорили: *Просвети токмо лице Твое, и спасемся* (Пс. 79, 4). Иной говорил: *Просвети в тме и сени смертной сидящая* (Лк. 1, 79), *уничиженных*; а иной: *Скоро да предварят ны щедроты Твоя, Господи*, ибо мы погibli, мы отчаялись, *яко обнищавом зело* (Пс. 78, 8). Одни говорили: Просветит ли Господь на нас лице Свое? (Пс. 66, 2). А другие: *Убо преиде ли душа наша воду грехов непостоянную* (Пс. 123, 5). Иной говорил: «Умилостивится ли наконец Господь над нами? Услышим ли когда-либо глас Его к нам, *сущим во узах нерешимых*, изыдите (см.: Ис. 49, 9), и сущим во аде покаяния: вы прощены? Вошел ли вопль наш во уши Господа?»

17. Все они непрестанно имели пред очами смерть и говорили: «Что будет с нами? Какой приговор о нас последует? Каков будет конец наш? Есть ли воззвание, есть ли прощение темным, уничиженным осужденникам? Возмогло ли моление наше взойти ко Господу? Или оно по правосудию Его отвернуто с уничижением и посрамлением? Если же вошло, то сколько умилило оно Господа? Какой успех получило? Какую пользу принесло? Сколько подействовало? Ибо оно от нечистых уст и тел было воссылаемо и не имеет много крепости. Совершенно ли оно примирило Судию или только отчасти? Исцелило ли половину язв наших душевных? Ибо поистине велики сии язвы и требуют многих трудов и потов? Приблизились ли к нам хранители наши, Ангелы, или они еще далече от нас? Доколе они к нам не приблизятся, доколе и весь труд наш бесполезен и безуспешен; ибо молитва наша не имеет ни силы дерзновения, ни крил чистоты и не может вознестись ко Господу, если Ангелы наши не приблизятся к нам и, взявши ее, не принесут ко Господу».

18. Часто повторяя сии слова, они в недоумении говорили друг другу: «Итак, братия, успеваем ли? Получаем ли просимое? Принимает ли нас Господь опять? Отверзает ли двери милосердия?» Другие отвечали на это: «Кто весть, как говорили братия наши ниневитяне, *аще раскается Господь* (Иона 3, 9) и хотя от великой оной муки не избавит ли нас? Впрочем, мы сделаем, что зависит от нашего произволения, и если Он отверзет двери Царства Небесного, то хорошо и благо, а если нет, то и тогда благословен Господь Бог, праведно затворивший их для нас. Однако будем стучаться до конца жизни нашей: может быть, по mnogой нашей неотступности Он и отверзет нам». Посему они возбуждали друг друга, говоря: «Потщимся, братия, потщимся, нам нужно тщание, и тщание сильное, потому что мы отстали от нашей доброй дружины. Потщимся, не щадя сей скверной, злострадательной плоти нашей, но умертвим ее, как и она нас умертвила».

19. Так и делали сии блаженные осужденники. У них видимы были колена, оцепеневшие от множества поклонов; глаза, померкшие и глубоко впадшие; вежди, лишённые ресниц; ланиты, уязвленные и опаленные горячестью многих слез; лица, увядшие и бледные, ничем не отличавшиеся от мертвых; перси, болящие от ударов, и кровавые мокроты, извергаемые от ударений в грудь. Где там было приготовление постели? Где одежды чистые или крепкие? У всех они были разорванные, смердящие и покрытие насекомыми. Что в сравнении с ними злострадания беснующихся, или плачущих над мертвецами, или пребывающих в заточении, или осужденных за убийства? Поистине невольное мучение и томление оных ничто в сравнении с произвольным страданием сих. И молю вас, братия, не подумайте, что повествуемое мною – басни.

20. Часто они умоляли этого великого судию, т. е. пастыря своего, сего ангела между человеками, и убеждали его наложить железа и оковы на руки и на шею их, а ноги их, как ноги преступников, заключить в колоды и не освобождать от них, пока не примет их гроб. Но иногда они сами себя лишали и гроба. Ибо никак не могу утаить и сего истинно умиленного смирения сих блаженных и сокрушенной их любви к Богу и покаяния.

21. Когда сии добрые граждане страны покаяния отходили ко Господу, чтобы стать перед нелицеприятным судилищем, тогда видевший себя при конце жизни посредством своего предстоятеля умолял и заклинал великого авву, чтобы он не сподоблял его человеческого погребения, но, как скота, повелел бы предать тело его речным струям или выбросить в поле на съедение зверям, что нередко и исполнял сей светильник рассуждения, повелевая, чтобы их выносили без чести и лишали всякого псалмопения.

22. Но какое страшное и умиленное зрелище было при последнем их часе! Осужденники сии, видя, что кто-нибудь из них приближался к кончине, окружали его, когда он еще был в полной памяти, и с жаждою, с плачем и желанием, с весьма жалостным видом и печальным голосом, качая главами своими, спрашивали умирающего и, горя милосердием к нему, говорили: «Что, брат и осужденник? Каково тебе? Что скажешь? Достиг ли ты, чего искал с

таким трудом, или нет? Отверз ли ты себе дверь милосердия или еще повинен суду? Достиг ли своей цели или нет? Получил ли какое-нибудь извещение о спасении твоём или еще нетвердую имеешь надежду? Получил ли ты свободу или еще колеблется и сомневается твой помысл? Ошутил ли ты некоторое просвещение в сердце своём или оно покрыто мраком и стыдом? Был ли внутри тебя глас глаголющий: *се здрав еси* (Ин. 5, 14), или: *отпущаются тебе греси твои* (Мф. 9, 2)? Или слышишь такой глас: *да возвратятся грешницы во ад* (Пс. 9, 18); еще: *свяжите ему рuce и нозе* (ср.: Мф. 22, 13); еще: *да возмется нечестивый, да не видит славы Господни* (Ис. 26, 10)? Что скажешь нам, брат наш? Скажи нам кратко, умоляем тебя, чтобы и мы узнали, в каком будем состоянии. Ибо твоё время уже окончилось, и другого уже не обрящешь вовеки». На сие некоторые из умирающих отвечали: *Благословен Господь, Иже не остави молитву мою и милость Свою от мене* (Пс. 65, 20). Другие говорили: *Благословен Господь, Иже не даде нас в ловитву их* (Пс. 123, 6). А иные с болезнию произносили: *убо преиде ли душа наша воду непостоянную духов воздушных* (Пс. 123, 3)? Говорили же так потому, что еще не имели дерзновения, но издали усматривали то, что бывает на оном истязании. Иные же еще болезненнее отвечали и говорили: «Горе душе, несохранившей обета своего в непорочности; в сей только час она познает, что ей уготовано».

23. Я же, видя и слыша у них все это, едва не пришел в отчаяние, зная своё нерадение и сравнивая оное с их злостраданием. И каково еще было устройство того места и жилища их! Все темно, все зловонно, все нечисто и смрадно. Оно справедливо называлось Темницею и затвором осужденных; самое видение сего места располагает к плачу и наставляет на всякий подвиг покаяния. Но что для иных неудобно и неприятно, то любезно и приятно для тех, которые ниспали из состояния добродетели и лишились духовного богатства. Ибо когда душа лишилась первого дерзновения перед Богом, потеряла надежду бесстрастия и сокрушила печать чистоты, когда она позволила похитить у себя сокровища дарований, сделалась чуждою Божественного утешения, завет Господень отвергла и угасила добрый огонь душевных слез, тогда, пронзаемая и уязвляемая воспоминанием об этом, она не только вышеописанные труды возложит на себя со всяким усердием, но и тщится благочестиво умерщвлять себя подвигами покаяния, если только в ней осталась хоть искра любви или страха Господня. Поистине таковы были сии блаженные, ибо, размышляя об этом и вспоминая высоту, с которой ниспали, они говорили: «*Помянухом дни древния, оный огонь нашей ревности*»; а иные взывали к Богу: *Где суть милости Твоя древния, Господи, которые Ты показал душе нашей во истине Твоей?* (Пс. 88, 51). Другой говорил: *Кто мя устроит по месяцам прежних дней, в нихже мя храняше Бог, егда светяшеся светильник света Его над главою сердца моего* (Иов. 29, 2–3)?

24. Так вспоминали они свои прежние добродетели, рыдали о них, как об умерших младенцах, и говорили: «Где чистота молитвы? Где её дерзновение? Где сладкие слезы, вместо горьких? Где надежда всесовершенной чистоты и очищения? Где ожидание блаженного бесстрастия? Где вера к пастырю? где благое действие молитвы его в нас? Все это погибло, как неявлявшееся исчезло и как никогда не бывшее миновалось и прошло».

25. Произнося сии слова и проливая слезы, одни из них молились о том, чтобы спастись в беснование; другие просили Господа наказать их проказою; иные желали лишиться зрения и быть предметом всеобщей жалости; а иные просили себе расслабления, только бы не подвергнуться будущим мучениям. Я же, о друзья мои, наблюдая плач их, забывал себя самого, и весь восхитился умом, не в силах будучи удерживать себя. Но обратимся к предмету слова.

26. Пробывши в темнице тридцать дней, я, нетерпеливый, возвратился в великое общежитие к великому отцу, который, видя, что я весь изменился и как бы вне себя, узнал по своей мудрости причину моего изменения. И сказал: «Что, отче Иоанне, видел ли ты подвиги труждающихся?» Я отвечал: «Видел, отче, и удивился, и ублажил падших и плачущих паче непадших и неплачущих о себе, потому что те чрез падение восстали восстанием благонадежным». «Подлинно так», – сказал он. Потом, чуждые лжи, уста его сообщили следующее. «Назад тому

десять лет, – говорил он, – я имел здесь брата весьма ревностного и такого подвижника, что, видя его горящего духом, трепетал и боялся за него диавольской зависти, чтобы он в быстром течении как-нибудь не преткнул о камень ногу свою, что часто бывает с поспешно ходящими. Так и случилось. В глубокий вечер он приходит ко мне, показывает обнаженную язву, требует пластыря, просит прижигания и изъявляет великое смущение духа. Но видя, что врач хочет употребить не весьма жестокое резание (потому что он достоин был милосердия), повергает себя на землю, хватается за ноги врача, орошает их обильными слезами, просит заключения в Темницу, которую ты видел: “Невозможно мне, – взывал он, – не пойти туда”. Наконец он убеждает врача изменить милосердие на жестокость, что в недугующих редко и удивительно. Немедленно поспешает он к тем кающимся и делается сообщником и сострадальцем их. От любви Божией уязвленный в сердце печалью, как мечом, он в восьмой день отошел к Господу и просил, чтобы ему не делали погребения; но я вынес его сюда и положил с отцами как достойного, потому что он после семи дней рабства в восьмой разрешился и получил свободу. Некто же достоверно узнал, что он не прежде встал от худых и скверных ног моих, как умилившись Богом. И неудивительно, потому что, восприяв в сердце веру евангельской блудницы, с таким же упованием, как и она, омочил слезами он смиренные мои ноги, а Господь сказал, что *верующему все возможно* (Мк. 9, 23). Видел я нечистые души, которые до неистовства пылали плотскою любовью, но потом обратились к покаянию и, вкусивши вожделения, обратили вожделение свое ко Господу, и, миновавши всякий страх, ненасытною любовью прилепились к Богу. Посему и Господь о целомудренной оной блуднице не сказал, что она убоилась, но что *возлюбила много* (Лк. 7, 47), и удобно возмогла любовью отразить любовь».

27. Знаю, досточудные, что рассказанные мною подвиги блаженных оных страдальцев для одних покажутся невероятными, для других – превосходящими надежду, а для иных – приводящими в отчаяние. Но мужественный муж, от сего уязвленный, как острием отходит с огненною стрелою и ревностью в сердце. Низший же сего познает свою немощь и, чрез самоукорение удобно стяжав смиренномудрие, устремится вслед за первым, но не знаю, достигнет ли его. Нерадивый же пусть и не касается того, что здесь описано, чтобы ему, отчаявшись, не расточить и того, что делает, и тогда сбудется на нем евангельское слово: *от немощаго же усердия, и еже мнится имея возмется от него* (Мф. 25, 29).

28. Когда мы впали в ров беззаконий, то не можем выйти из него, если не погрузимся в бездну смирения кающихся.

29. Иное есть смирение кающихся, исполненное сетования, иное – зазрение совести еще согрешающих и иное – блаженное и богатое смирение, которое особенным Божиим действием вселяется в совершенных. Не станем усиливать объяснять словами сие третье смирение, ибо труд наш будет суетен. Признак же второго состоит в совершенном терпении бесчестий. Часто старые привычки мучительным образом обладают и теми, которые оплакивают грехи свои, и сие неудивительно. Слово о судьбах и падениях темно для нас, и никакой ум не постигает, какие – попущением Промысла, и какие – по оставлению Божию. Впрочем, некто сказал мне, что если мы падаем в грех по попущению Божию, то вскоре и восстаем, и отвращаемся от греха, ибо Попустивший не дозволяет, чтобы мы долго были одержимы бесом печали. Если мы пали, то прежде всего против этого беса да ополчимся, ибо он, представ во время молитвы нашей и вспоминая нам прежнее наше дерзновение к Богу, хочет отторгнуть нас от молитвы.

30. Не ужасайся, если и каждый день падаешь, и не отступай от пути Божия, но стой мужественно, и, без сомнения, Ангел, который хранит тебя, почтит твоё терпение. Когда язва еще нова и горяча, тогда удобно исцеляется; но застарелые, оставленные в небрежении и запущенные раны неудобно исцеляются, ибо для врачевания своего требуют уже многого труда, резания и прижигания. Многие раны от закоснения делаются неисцелимыми, но *у Бога вся возможна* (Мф. 19, 26).

31. Прежде падения нашего бесы представляют нам Бога человеколюбивым, а после падения – жестоким.

32. В падении твоём не покоряйся говорящему о малых согрешениях: «О дабы тебе того не делать, а сие – ничто». Часто и малые дары великую ярость судии утоляли.

33. Кто истинно подвизается о своём спасении, тот всякий день, в который не оплакивает грехов своих, почитает потерянным, хотя бы и совершил в оный какие-нибудь добрые дела.

34. Никто из плачущих о грехах своих не должен ожидать, что при исходе из сей жизни получит извещение о прощении. Неизвестное недостоверно. *Ослаби ми извещением, да почию, прежде даже не отъиду* (Пс. 38, 14) отсюда без извещения. *Где Дух Господень, там разрешаются узы* (ср.: 2 Кор. 3, 17), где смирение глубочайшее, и там разрешаются узы, а не имеющий ни того, ни другого пусть не обольщает себя, ибо он связан.

35. В мире (и по духу мира) живущие чужды сих извещений, и наипаче первого. Некоторые, впрочем, творящие милостыни, познают своё приобретение при исходе из сего мира.

36. Кто плачет о себе, тот не видит, плачет ли другой и пал ли он, и не станет судить других. Пес, угрызенный зверем, ещё более на него разъяряется и от боли, которую чувствует в ране, неотступно на него лает.

37. Должно внимать себе, не перестала ли совесть наша обличать нас, не ради чистоты нашей, но как бы утомившись. Признак разрешения от грехов состоит в том, что человек всегда почитает себя должником перед Богом.

38. Нет ничего равного милости Божией, нет ничего больше её. Посему отчаивающийся сам себя губит. Признак прилежного покаяния заключается в том, что человек почитает себя достойным всех случающихся ему видимых и невидимых скорбей, и ещё больших. Моисей, после того как видел Бога в купине, снова возвратился в Египет, или в омрачение к деланию кирпичей, может быть, мысленного фараона; но потом он опять восшел к купине, и не только к купине, но и на гору Боговидения. Кто понимает сию притчу, тот никогда не отчаётся. В нищету пришел великий Иов, но потом опять вдвойне обогатился.

39. Тяжки бывают падения для ленивых по вступлении их в иночество: они отнимают у них всякую надежду бесстрастия и заставляют их думать, что и одно восстание из пропасти довольно к блаженству. Помни, что отнюдь не тем путем, которым заблудились, возвращаемся, но другим – кратчайшим.

40. Я видел двух одинаким образом и в одно и то же время идущих ко Господу: один из них был стар и превосходил трудами, а другой ученик, но *тече скорее* старца, и *прежде прииде ко гробу* смирения (ср.: Ин. 20, 4).

41. Все, а в особенности падшие, должны беречься, чтобы не допустить в сердце своё недуг безбожного Оригена; ибо скверное его учение, внушая о Божием человеколюбии, весьма приятно людям сластолюбивым.

42. В поучении моем, паче же в покаянии моем *разгорится огонь* (Пс. 38, 9) молитвы, пожигающий вещество (греха). Образом, примером, правилом и образцом покаяния да будут тебе прежде помянутые святые осужденники, и ты во всю жизнь не будешь иметь нужды ни в какой книге, доколе не воссияет тебе Христос, Сын Божий и Бог, в воскресении истинного покаяния. Аминь.

На пятую степень восшел ты, покаявшийся, покаянием пять чувств очистил и произвольным томлением и мучением ты избежал невольного.

Архиеп. Аверкий (Таушев). Почему должны мы поститься? (окончание)

К сожалению, в последнее время у нас широко распространились протестантские и сектантские воззрения на пост, как на что-то совсем ненужное и бесполезное. За это, понятно, с удовольствием хватаются все плотоугодники, оправдывая такими воззрениями свое нежелание поститься.

Чаще всего любят ссылаться на слова Христа-Спасителя, сказанные книжникам и фарисеям: *Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека* (Мф. 15, 11). Но ведь это было сказано совсем не о посте, а по поводу фарисейского обычая умывать руки перед принятием пищи. Мы постимся вовсе не потому, что боимся оскверниться пищей, а для того, чтобы подвигом воздержания обуздать свои греховные страсти и послужить Богу, оказав послушание Церкви, установившей пост. Грех нарушения поста – не в осквернении пищей, а в непослушании Церкви.

Протестанты и сектанты, якобы признающие только одно Священное Писание, уверяют, что Священное Писание ничего не говорит о необходимости поста.

Какая это неправда!

«Соблюдайте заповедь о посте, – говорит свт. Василий Великий, – почтите седины поста, ибо он так же стар, как род человеческий».

И действительно, мы видим, что пост установил Сам Господь Бог еще в Раю, когда дал нашим прародителям Адаму и Еве заповедь о невкушении ими плодов от дерева познания добра и зла (см.: Быт. 2, 16–17). И за нарушение ими этой заповеди, т. е. за нарушение поста, они были изгнаны из Рая, и этот их первородный грех повлек неисчислимы бедствия для всего человечества. После потопа Нюю тоже Самим Богом была дана заповедь о посте: *Только плоти с душою ее, с кровью ее не ешьте* (Быт. 9, 3–4).

Через весь Ветхий Завет проходит подвиг пощения, – как же можно отвергать пост?

Св. пророк и Боговидец Моисей на Синае не ел хлеба и не пил воды сорок дней и сорок ночей, после чего лишь удостоился предстать пред Богом и получить скрижали с десятью заповедями Закона Божия (см.: Исх. 24, 18). Испрашивая у Господа Бога прощения грехов народу еврейскому, Моисей, *повергшись пред Господом, молился и, как прежде, сорок дней и сорок ночей хлеба не ел и воды не пил за все грехи* (Втор. 9, 18). Великий ревнитель славы Божией св. пророк Илия сорок дней и сорок ночей оставался без пищи и питья во время своего путешествия к горе Хорив, после чего Господь удостоил Илию явить ему Свое присутствие (3 Цар. 19, 8, 11–12). Израильтяне, страшась нашествия ассирийцев с Олоферном во главе, испросили милость и помощь от Господа, молясь и постясь *много дней пред святилищем Господа Вседержителя* (Иудифь 4, 13). Перед нашествием моавитян, аммонитян и других народов иудейский царь Иосафат объявил пост по всей Иудее (2 Пар. 20, 3). Неемия, услышав о бедствии иудеев и разрушении иерусалимской стены, заплакал, постился и молился несколько дней (Неем. 1, 4). По возвращении из Вавилонского плена израильтяне, давая обет Господу поступать впредь по Закону, данному чрез Моисея, постились, читали священные книги и исповедовались во грехах своих (Неем. 9, 1–3). Великий город Ниневия избежал кары Божией, изреченной ему св. пророком Ионою, наложив на всех жителей его, по повелению самого царя, строгий пост: за покаяние, соединенное с постом, Господь пощадил этот великий город. Ездра, молясь за беззакония иудеев, кроме скорби и сетования, проводил время в посте (1 Езд. 10, 6). Иудифь, удостоенная Богом спасти израильтян от грозного Олоферна, постилась все дни вдовства своего, кроме дней пред субботами и суббот (Иудифь 8, 6).

Но самым выдающимся примером строгого воздержания в пище от животных, запрещенных Законом Моисея, служит мученическая кончина Елеазара и семи братьев Маккавеев

с матерью их Соломонию, от царя Антиоха, незадолго до Пришествия Христа Спасителя (2 Мак. 6, 18–31 и 7, 1–42).

Важность и необходимость святых постов утверждается и на основании книг Священного Писания Нового Завета.

Великий угодник Божий, Пророк и Предтеча Господень Иоанн, по свидетельству Самого Христа-Спасителя, *величайший из рожденных женами*, вел жизнь, исполненную строгого воздержания в жилище, одежде и пище: жил в пустыне, одевался в жесткую одежду из верблюжьего волоса, питался акридами и диким медом, не пил ни вина, ни сикера (см.: Мф. 3, 1–4).

Сам Господь Иисус Христос, пред Своим выходом на великое дело служения роду человеческому сорок дней и сорок ночей провел в пустыне в строгом посте.

В Нагорной проповеди Он дал наставление, как нужно поститься: *А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не перед людьми, но пред Отцем твоим, Который в тайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно* (Мф. 6, 17–18). Разрешая недоумение апостолов, почему они не могли изгнать беса из приведенного к ним отрока, Господь сказал: *Сей же род изгоняется только молитвою и постом* (Мф. 17, 21). Возражая книжникам и фарисеям на их укор, почему ученики Его не постятся, Христос Спаситель сказал, что они *не постятся, как сыны чертога брачного, когда с ними жених. Но придут дни, когда отнимется от них Жених, и тогда будут поститься в те дни* (см.: Мк. 2, 19–20). Очевидно, что под днями, когда «отнимется Жених» надо понимать время страданий и Крестной смерти Господа и затем Вознесения Его на небо. И действительно, в книге Деяний свв. апостолов мы находим немало указаний, что ученики Христовы неоднократно постились и во время поста удостаивались особенных даров Святого Духа. Так было, например, пред избранием и возложением рук на Варнаву и Савла: *Когда они служили Господу и постились, Дух Святой сказал: отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их. Тогда они, совершивши пост и возложивши на них руки, отпустили их* (Деян. 13, 2–3).

Вообще, при рукоположениях как сами апостолы, так и рукополагаемые постились. *Рукоположившие же им пресвитеров к каждой церкви, они помолились с постом и предали их Господу, в Которого уверовали* (Деян. 14, 23). Обращенный св. апостолом Петром ко Христу Корнилий-сотник о видении им Ангела говорит так: *Четвертого дня я постился до теперешнего часа и в девятом часу молился в своем доме, и вот стал предо мною муж в светлой одежде и говорит: Корнилий, услышана молитва твоя* (Деян. 10, 30–31).

Полагаем, что и этих немногих мест достаточно для утверждения нас в той истине, что святые посты вполне согласны с учением Слова Божия, душеспасительны и Богу приятны.

Как же можно после этого отвергать посты?

Но вот что замечательно, так это данные современной медицины, свидетельствующей, насколько посты полезны не только для души, но и для тела. В современной медицине может считаться вполне установленным фактом, что большинство наших телесных болезней происходит от невоздержания – от того, что мы злоупотребляем пищей и питием: едим и пьем гораздо больше, чем это нужно для подкрепления нашего тела и его сил, а часто едим и пьем то, что приносит нашему телу несомненный вред, едим для услаждения вкуса (грех гортанобесия) или для наполнения нашего чрева (греха чревообесия, или чревоугодия), а не для утоления естественного чувства голода и для укрепления сил. Вся эта излишняя потребляемая нами пища и питье служит причиной самых разнообразных болезней нашего тела, вызывает преждевременное одряхление и приводит к смерти. Не говорим уже о пище и питии, которые кажутся нам приятными на вкус, но приносят явный вред, служат как бы отравой для нашего телесного организма и медленно, но верно нас убивают.

Весьма интересна ставшая в последнее время модной система лечения голоданием, причем голодание продолжается 40 дней, как наши многодневные посты.

Один из выдающихся русских врачей засвидетельствовал, что гигиена и медицина вместе с медицинской статистикой не только не относятся отрицательно к христианскому посту, но напротив того – вполне подтверждают его величайшую пользу в отношении телесного здоровья человека. Статистика показывала, что в прежней дореволюционной России наибольшим здоровьем и наибольшей продолжительностью жизни отличалось именно духовенство и монашество, как наиболее строго выполнявшие все посты, установленные Церковью. Обо всем этом мы пишем только потому, что современные безбожники любят кричать о вреде поста для телесного здоровья человека. Честная современная медицина опровергает это утверждение. Но для нас, христиан, решающее значение имеет, конечно, учение о посте нашей Св. Церкви. Повторяем, что пост должен представлять собой разумное сочетание поста духовного и поста телесного, без всяких чрезмерных крайностей и перегибов в одну или другую сторону.

Милостью Божиею, мы и в нынешнем году дожили до Великого поста, когда все так располагает нас к покаянию и обновлению жизни. Не будем же пренебрегать этим временем, столь благоприятным для нашего вечного спасения. Кто знает, сподобит ли нас Господь дожить до следующего Поста? Отложим же всякие сомнения и колебания, которые навевают на нас враг нашего спасения, лишь бы отвлечь нас от покаянного постного подвига, и последуем призыву Св. Церкви: «Постное время светло начнем!..»

Среда 2-й седмицы Великого поста

Прп. Феодор Студит. Поучение в среду второй недели Великого Поста. О том, чтобы блюсти душу от смертоносных страстей

Братия и Отцы! Проведши первую седмицу в посте, мы теперь видим друг в друге перемену против того, как были пред тем: лица наши измождены и стали бледны и желты. *Но аще внешний наш человек тлеет и умаляется*, как говорит Апостол, *обаже внутренний*, т. е. душа, *растет и обновляется день от дне* (2 Кор. 4, 16). Ибо как от довольства в жизни тело тучнеет и становится цветущим, так и душа от воздержания делается светлейшею и мужественнейшею. И этим-то злостраданием тела нашего мы возрастили в себе душевную красоту и благолепие, т. е. ту красоту, которой желал св. пророк Давид и молил Бога даровать ему благодать, говоря: *Господи, волею твоею подаждь доброте моей силу* (Пс. 29, 8). Чрез это благолепие воздержания обручаются души наши мысленному Жениху Христу, как говорит об этом блаженный Павел: *Обручих вас единому мужу деу чисту представити Христови. Боюся же, да не како, яко же змий Еву прельсти лукавством своим, тако истлеют и разумы ваша от простоты, яже о Христе* (2 Кор. 11, 2–3) Видишь ли величие дара? Мы сподобились иметь женихом Христа. Видишь ли, как я и великий апостол Павел боится и трепещет за нас, дабы не прельстил нас враг наш диавол и не низверг нас с такого великого достоинства? Душа наша подобна некоторой отроковице деве, которая обручена, и скрывается, и хранится от очей юношей, чтобы не видали ее, и бдительно оберегает себя, дабы соблюсти девство свое чистым и неоскверненным, пока не наступит время брака и сочетания. Так и душа должна соблюдать себя чистою от греха до самого смертного часа. И тогда по выходе из тела, как бы из некоторой царской палаты, если она благообразна и сияет добродетелями девства, сохраненного ею в мире сем, то возрадуются о ней святые Ангелы, видя ея красоту и благолепие; если же будет безобразна и очернена грехами, то доставит радость бесам к поношению Христа. А это такая вещь, что страшно говорить и слушать.

Посему мы и подвергаем ныне тело злостраданию и проводим суровую жизнь, чтобы смирить плотские страсти и бесчинные движения, и чтобы господствовал в нас душевный ум, а не плотская злая воля; и не ныне только, но и всегда желаем иметь то же охранение и тот же подвиг воздержания. И что иное жизнь инока, как не обуздание страстей, бдительность над помыслами и всегдашняя брань с невидимыми и укрывающимися бесами? Хотя это кажется тяжелым и трудным для тела, но приносит великую пользу душе, притом труд сей временный, а воздаяние вечное. Посему и Апостол говорит: *Легкое печали наша, тяготу вечныя славы соделывает нам; да не смотрим видимых, но невидимых, видимая бо временна, невидимая же вечна* (2 Кор. 4, 17–18). Ради вечных благ, в которые желают приникнути самые Ангелы, и ради Господа нашего Иисуса Христа, Которому обручены души наши, прошу и умоляю любовь вашу, братия, будем хранить души наши чистыми от худых дел и от нечистых помыслов, которые, по словам Господа, сквернят (см.: Мф. 15, 18) душу нашу, отнюдь не будем воспринимать греховного помысла; ибо от такого помысла и размышления в нас возжигается похоть, подобно великому пламени, которая попадает и пожигает души наши и часто соделывает их безобразными и черными. Посему, сколько возможно, будем удаляться от страстей, отражая первый прилог врага, и с великою тщательностью будем убегать от худых помыслов, дабы нам просветить души свои добрыми делами, усердно подвизаясь в настоящем воздержании и посте; дабы, когда настанет час разлучения души с телом, явиться нам готовыми и чистыми и спо-

добиться оной небесной радости и наслаждения и причастия вечных благ, о Христе Иисусе Господе нашем, Которому подобает слава и держава со Отцом и Св. Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Лавсаик

О Паисии и Исаии

Были два брата по имени Паисий и Исаия. Отец у них был испанский купец. Разделив по смерти своего родителя оставшееся движимое имущество, которое заключалось в деньгах (пяти тысячах золотых монет), в одеждах и рабах, они стали рассуждать между собою и советовать, какую избрать им жизнь. «Если станем продолжать торговлю, – говорили они, – которую вел отец наш, то и наши труды после нас останутся другим, не говоря уже об опасностях, которые можем встретить: нападут разбойники, поднимется на море буря. Пойдем лучше в монахи – тогда мы и от отцовского имения получим пользу, и душ своих не погубим». Наме­рение идти в монахи обоим понравилось, но в исполнении его они поступили неодинаково. Они разделили деньги и все прочее имущество – оба с тем намерением, чтобы угодить Богу, но различным образом жизни. Один все раздал на монастыри, церкви и темницы и, выучившись ремеслу для своего пропитания, посвятил себя подвижничеству и молитве, а другой, не истратив ничего на это, построил себе монастырь для небольшого числа братий, принимал странных, лечил больных, покоил престарелых, всякому бедному подавал милостыню, а по субботам и воскресеньям устраивал три или четыре трапезы и угощал неимущих – вот на что иждивал он свое имущество!

Когда они оба скончались, братия, похваляя их житие, пришли в разногласие между собою, так как оба они были совершенны в добродетели. По мнению одних, выше была жизнь Паисия, который с самого начала отвергся всего, а по мнению других – жизнь Исаии, который благодетельствовал нуждающимся. Когда между братьями произошел спор о различии образа жизни сих блаженных, и особенно о том, кто больше достоин похвалы, они пошли к блаженному и святому Памво и, предложив ему на суд спор свой, просили сказать, чье житие совершеннее.

Памво говорит им: «Пред Господом оба равно совершенны: тот, который принимал всякого и покоил, совершал дело Авраама, а другой для благоугождения Богу возлюбил непреклонную ревность пророка Илии». Тогда одни стали говорить ему: «Припадаем к стопам твоим, скажи нам, как можно им быть равным?» Одни выше ставили подвижника и говорили, что он, продав все и раздав нищим, исполнил заповедь Евангельскую и непрестанно подви­зался в молитвах: всякий день, час и ночь нес крест, последуя Спасителю. А другие, напротив, говорили в пользу другого: «Помилуй, он показал столько милосердой любви ко всем нуждающимся: ходил по улицам и по дорогам, чтобы искать бедных, собирал их и всем довольствовал; таким образом, врачюя больных и помогая им, он успокоил не одну свою душу, но и души многих других». Блаженный Памво отвечал: «Опять скажу вам: оба равны пред Господом, и обе стороны должны согласиться со мною. Паисий без столь высокого подвижничества не заслужил бы того, чтобы сравнивать его с благим Спасителем нашим. Исаия, который успокаивал странников и служил бедным, тоже по возможности уподобился Господу, Который говорит: *...не приидох, да послужат Ми, но послужити* (см.: Мф. 20, 28). Исаия также служил, и хотя труды, по-видимому, отягощали его, но вместе давали ему и успокоение. Подождите немного, чтобы мне получить откровение о них от Бога; придете после и узнаете».

По прошествии нескольких дней они опять пришли к великому отцу спросить о них. Блаженный сказал им в ответ, что видел их обоих стоящими вместе пред Богом в раю.

О Макарии, совершившем невольное убийство

Один юноша, по имени Макарий, лет восемнадцати от роду, пас скот близ озера, называемого Мариа, и, играя здесь со своими сверстниками, одного из них неумышленно убил. Не сказав никому ни слова, он ушел в пустыню и жил здесь три года в таком страхе к Богу и людям, что оставался все это время без всякого крова и как бы не чувствовал этого, – а земля та сухая, как всем известно, кто там бывал по какому-либо случаю или жил. Наконец Макарий построил себе келию и, живши в ней еще двадцать пять лет, удостоился такой благодати, что находил услаждение в уединении и побеждал демонов. Долго с ним живя, я спросил у него, как он думает о грехе совершенного им убийства. Он сказал: «Неумышленное убийство послужило для меня поводом к обращению на путь спасения. Так иногда и случайные обстоятельства ведут к добродетели, когда не хотят приступить к добру по свободному расположению: одни из добродетелей зависят от свободного избрания, а другие – от обстоятельств».

О Нафанаиле

Между древними святыми был один доблестный подвижник Христо, по имени Нафанаил. Я не застал его в живых: он почил за пятнадцать лет до прихода моего в гору. Но, встретившись с современниками и сподвижниками сего святого, я охотно расспрашивал их о подвигах сего мужа. Они указали мне и келию его, в которой никто уже не живет по причине близости к населенной стороне. Блаженный тогда еще построил ее, когда отшельники здесь были редки. Вот что рассказывали мне о его подвижничестве.

Он положил себе постоянно пребывать в келии и никогда не отступал от этого правила. Дьявол, который всех оболыщает и соблазняет, оболыстил вначале и его – навел на него тоску и заставил выйти из келии. Святому показалось скучно в прежней келии, он оставил ее и построил себе другую, ближе к селению. Когда окончил ее и прожил в ней три или четыре месяца, является ночью дьявол в виде палача с ременным бичом, во вретнице и делает шум бичом. Блаженный Нафанаил, разгневавшись на него, сказал ему: «Кто ты и как осмеливаешься делать это в моем пристанище?» Дьявол отвечал: «Я тот, который заставил тебя выйти из прежней келии; теперь я пришел выгнать тебя и из этой». Блаженный Нафанаил, узнав, что был прельщен, тотчас возвратился под прежний кров и в продолжение тридцати семи лет ни разу не выходил за порог, противясь дьяволу, который столько ему делал, чтобы заставить его выйти из келии, что невозможно и рассказать о том. Между прочим, ненавистник добра употребил и следующую хитрость, чтобы заставить подвижника отступить от принятого правила.

Семь святых епископов посетили однажды святого Нафанаила, и он едва не нарушил своего обета. Когда епископы после посещения помолились и по молитве вышли, подвижник не проводил их ни шагу, чтобы не уступить ненавистнику добра. Тогда диаконы епископов сказали святому: «Ты, авва, гордо поступаешь, что не проводишь епископов». Он сказал им: «Я уважаю владык моих – епископов – и почитаю весь клир; я грешник, отребие всех людей. Но, по своему обету, я умер для всего этого и для всей жизни. У меня есть сокровенная цель, почему я и не проводил епископов; ее знает Господь, ведающий тайны сердца моего».

Дьявол, таким образом не достигнув своей цели, принял снова другой вид. За девять месяцев до кончины подвижника он является в образе десятилетнего отрока и будто погоняет осла, который везет корзину с хлебами. В глубокий вечер близ келии подвижника осел упал, и отрок закричал: «Авва Нафанаил, помилуй меня и подай мне руку!». Авва, услышав голос отрока, отворил дверь и, стоя внутри келии, сказал: «Кто ты и чего хочешь от меня?» Дьявол отвечал: «Я прислужник такого-то монаха и везу хлебы; у известного тебе такого-то брата

Вечеря любви, и завтра, в наутрие субботы, нужны будут просфоры. Молю тебя, не оставь меня, чтобы не съели меня гиены». (В тех местах водится много гиен.)

Блаженный Нафанаил стал в нерешимости; чувство сострадания сильно возбудилось в нем, сердце его возмутилось, и, рассуждая, как поступить ему, он говорил себе: «Я должен или преступить заповедь (о вспоможении ближним), или отступить от своего правила (не выходить из келии)». Наконец, размыслив с благоговением, он сказал сам себе: «Лучше мне не нарушать моего правила, которое я исполняю столько лет, чтобы посрамить и победить диавола». Потом, помолившись Господу, подвижник сказал говорившему отроку: «Послушай, отрок или кто бы ты ни был, я верую и служу Тому, Кто владычествует над всяким дыханием. Если ты действительно имеешь нужду в помощи, то мой Бог тебе пошлет ее, и ни гиены, ни другое что не повредит тебе, а если ты – искушение, то и это откроет мне мой Бог из того, что будет с тобою». И, затворив дверь, подвижник отошел в глубину келии. А диавол, посрамленный и сим поражением своим, обратился в вихрь и исчез с шумом, подобным тому, какой производят дикие ослы, когда бегут. Такова победа блаженного Нафанаила, таковы и подвижнические добродетели и неодолимая брань его с противником, таковы его житие и конец его славной жизни.

Лествица

Слово 6. О памяти смерти

1. Всякому слову предшествует помышление, память же смерти и согрешений предшествует плачу и рыданию, посему о ней по порядку и предлагается в сем слове.

2. Память смерти есть повседневная смерть, и память исхода из сей жизни есть повсечасное стенание.

3. Боязнь смерти есть свойство человеческого естества, происшедшее от преслушания, а трепет от памяти смертной есть признак нераскаянных согрешений. Боится Христос смерти, но не трепещет, чтобы ясно показать свойства двух естеств.

4. Как хлеб нужнее всякой другой пищи, так и помышление о смерти нужнее всяких других деланий. Память смерти побуждает живущих в общежитии к трудам и постоянным подвигам покаяния и к благодушному перенесению бесчестий. В живущих же в безмолвии память смерти производит отложение попечений, непрестанную молитву и хранение ума. Впрочем, сии же самые добродетели суть и матери и дочери смертной памяти.

5. Как олово отличается от серебра, хотя и подобно ему по виду, так и различие между естественным и противоестественным страхом смерти для рассудительных ясно и очевидно.

6. Истинный признак того, что человек помнит смерть в чувстве сердца, есть добровольное беспристрастие ко всякой твари и совершенное оставление своей воли.

7. Тот, без сомнения, благоискусен, кто ежедневно ожидает смерти, а тот свят, кто желает ее на всякий час.

8. Не всякое желание смерти достойно одобрения. Некоторые люди, насилем привычки увлекаемые в согрешения, желают смерти по чувству смирения; другие не хотят покаяться и призывают смерть из отчаяния; иные же не боятся ее потому, что в превозношении своем почитают себя бесстрастными; а бывают и такие (если только в нынешнее время найдутся), которые, по действию Духа Святаго, желают своего исшествия отсюда.

9. Некоторые испытывают и недоумевают, почему Бог не даровал нам предведения смерти, если воспоминание о ней столь благотворно для нас? Эти люди не знают, что Бог чудным образом устраивает через это наше спасение. Ибо никто, задолго предузнавши время своей смерти, не спешил бы принять крещение или вступить в монашество, но каждый проводил бы всю жизнь свою в беззакониях и на самом уже исходе из сего мира приходил бы к крещению или к покаянию (но от долговременного навыка грех делался бы в человеке второю природою, и он оставался бы совершенно без исправления).

10. Когда оплакиваешь грехи свои, никогда не слушайся онога пса, который внушает тебе, что Бог человеколюбив, ибо он делает это с тем намерением, чтобы отторгнуть тебя от плача и от бесстрашного страха. Мысль же о милосердии Божиим принимай тогда только, когда видишь, что низвлекаешься во глубину отчаяния.

11. Кто хочет непрестанно сохранять в душе своей память смерти и суда Божия, а между тем предается попечениям и молвам житейским, тот подобен хотящему плавать и в то же время плескать руками.

12. Живая память смерти пресекает невоздержание в пище, а когда сие пресечено со смирением, то вместе отсекаются и другие страсти.

13. Безболезненность сердца ослепляет ум, а множество брашен иссушает источники слез. Жажда и бдение стесняют сердце, а когда сердце стесняется, тогда произникают слезные воды. Сказанное мною для угождающих чреву покажется жестоким, а для ленивых невероят-

ным, но деятельный муж на деле усердно испытывает сие. Кто узнал сие опытом, тот возрадуется о сем, а кто еще ищет, тот не обойдется без печали.

14. Как отцы утверждают, что совершенная любовь не подвержена падению, так и я утверждаю, что совершенное чувство смерти свободно от страха.

15. Деятельный ум имеет многие делания: поучается любви к Богу, в памяти смертной, в памяти Божией, Царствия Небесного, ревности святых мучеников, вездеприсутствия Самого Бога, по слову Псалмопевца: *предзрех Господа предо мною выну* (Пс. 15, 8), в памяти святых и умных Сил; в памяти об исходе души, об истязании, мучении и вечном осуждении. Мы начали здесь с великих вещей, а кончили такими, которые удерживают от падения.

16. Некогда один египетский инок рассказал мне следующее. «Когда память смерти, – говорил он, – утвердилась в чувстве моего сердца, и я однажды, когда пришла потребность, захотел дать малое утешение сему брэнному телу, то память смерти, как некий судия, возвратила мне это, и, что еще удивительнее, хотя я и желал ее отринуть, но не мог».

17. Другой некто, живший близ нас в месте, называемом Фола, часто от помышления о смерти приходил в исступление и, как лишившийся чувств или пораженный падучею болезнью, относим был находившимися при нем братьями, почти бездыханный.

18. Не премину сообщить тебе повесть и об Исихии, иноке горы Хорива. Он вел прежде самую нерадивую жизнь и нисколько не заботился о душе своей; наконец, впавши в смертельную болезнь, с час времени казался совершенно умершим. Пришедши в себя, он умолял всех нас, чтобы тотчас же от него удалились и, заключив дверь своей келии, прожил в ней лет двенадцать, никому никогда не сказав ни малого, ни великого слова и ничего не вкушая, кроме хлеба и воды; но, сидя в затворе, как пред лицом Господним, ужасался и сетовал о том, что видел во время исступления, и никогда не изменял образа жизни своей, но постоянно был как бы вне себя и не переставал тихо проливать теплые слезы. Когда же он приблизился к смерти, мы, отбив дверь, вошли в его келию и по многом прошении услышали только сии слова: «Простите, – сказал он, – кто стяжал память смерти, тот никогда не может согрешить». Мы изумились, видя, что в том, который был прежде столько нерадив, внезапно произошло такое блаженное изменение и преображение. Похоронивши его в усыпальнице близ ограды, мы по прошествии некоторого времени искали святых мощей его, но не могли найти. Господь и сим засвидетельствовал усердное и достохвальное покаяние Исихия и удостоверил нас, что Он приемлет и тех, которые и после многого нерадения хотят исправиться.

19. Как бездну некоторые представляют себе бесконечною и место оно называют бездонным, так и помышление о смерти рождает чистоту нарастлеваемую и делание бесконечное. Сие подтверждает преподобный отец, о котором мы теперь говорили. Подобные ему непрестанно переходят от страха к страху, пока и самая в костях содержащаяся сила не истощится.

20. Должно знать, что память смертная, как и все другие блага, есть дар Божий, ибо часто, находясь и у самых гробов, мы пребываем без слез и в ожесточении, а в другое время, и не имея такого печального зрелища перед глазами, приходим в умиление.

21. Кто умертвил себя для всего в мире, тот истинно помнит смерть, а кто еще имеет какое-либо пристрастие, тот не может свободно упражняться в помышлении о смерти, будучи сам себе наветник.

22. Не желай словами уверять всех в твоём расположении к ним, а лучше проси Бога, чтобы Он открыл им любовь твою неведомым образом, иначе не достанет тебе времени на изъявление любви к ближним и на умиление.

23. Не прельщайся, безумный подвижник, думая, что можешь одно время вознаградить другим, ибо всякий день и к совершенной уплате собственного своего долга Владыке недостаточен.

24. «Невозможное, – как некто сказал, – невозможное для человеков дело, чтобы настоящий день провели мы благочестиво, если не думаем, что это последний день нашей жизни».

И поистине удивительно, что и язычники изрекли нечто подобное этому, ибо и они полагали, что любомудрие заключается в помышлении о смерти.

Шестая степень: кто взошел на нее, тот во веки не согрешит. *Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши* (Сир. 7, 39).

Четверток 2-й седмицы Великого поста

Лавсаик

О Макарии Египетском

Опасаясь повествовать и писать о тех многих великих и для неверующего почти невероятных подвигах, которыми наполнена добродетельная жизнь святых и бессмертных отцов – Макария Египетского и Макария Александрийского, мужей доблестных и подвижников непобедимых. Опасаюсь, чтобы не почли меня лжецом, а изречение Духа Святаго ясно показывает, что Господь погубит всех, говорящих ложь (см.: Пс. 5, 7).

Но я, по благодати Господней, не лгу, и ты, вернейший Лавс, не сомневайся в подвигах святых отцов – напротив, прославляй сих достославных и истинно блаженных мужей, которые и имена получили соответствующие святым трудам их в подвижничестве.

Первый подвижник Христов, по имени Макарий, был родом египтянин, а второй по времени, но первый по доблестям монашеским, называвшийся Макарием, был александрийский гражданин и продавал закуски.

Прежде расскажу о добродетелях Макария Египетского, который жил девяносто лет и из них шестьдесят провел в пустыне. Пришедши в нее тридцати лет от роду, он, хотя по возрасту был моложе других, в продолжение десяти лет так мужественно переносил труды подвижнические, что удостоился особенного отличия: его называли отроком-старцем, потому что он свыше возраста преуспевал в добродетелях. Сорока лет от роду он получил власть над духами, дар целить болезни и дух пророчества, удостоился также и досточтимого священства. Во внутренней пустыне, называемой Скитом, жили с ним два ученика: один из них был у него слугою и всегда находился при нем для приходивших врачеваться, а другой жил в отдельной келии.

По истечении долгого времени, прозрев в будущее своим пронизательным оком, святой говорит служившему при нем ученику именем Иоанн, впоследствии бывшему пресвитером на месте святого Макария (ибо Великий Макарий был удостоен пресвитерства): «Послушай меня, брат Иоанн, и прими благодушно мое увещание: оно будет полезно тебе. Ты – в искушении, тебя искушает дух сребролюбия. Это открыто мне. Я знаю также, что если ты благодушно примешь мое вразумление, то будешь совершен в деле Божием на месте сем и прославишься и зло не приблизится к келии твоей; если же не слушаешь меня, с тобою будет то же, что с Гиезием (см.: 4 Цар. 5), недугом которого заражен ты». Случилось, что Иоанн по успении бессмертного Макария преслушал слова его, а послушал того, кто сребролюбием довел до удушения Иуду. Когда прошло еще пятнадцать или двадцать лет, Иоанн, удерживавший у себя достояние бедных, был поражен такою проказою, что на теле его не было здорового места, на котором бы можно было положить палец. Вот пророчество святого Макария!

Излишне будет и говорить о том, какие блаженный употреблял пищу и питье. Тогда не только между тамошними монахами, но и между беспечнейшими из живущих по другим местам нельзя было найти предававшихся пресыщению; причина этого, с одной стороны, недостаток в необходимом, с другой – ревность по Боге живших там, из коих каждый старался превзойти другого различными подвигами.

Расскажу и о других подвигах сего небесного мужа Макария. Говорят об этом святом, что он непрестанно приходил в восторг и гораздо больше времени проводил в беседе с Богом, нежели в земных занятиях. Рассказывают также и о различных чудесах его.

Один распутный египтянин предался любви к благородной женщине, которая была замужем. Не сумев обольстить ее, потому что она была верна своему мужу, за которого вышла девою, бесстыдный прибег к чародею и говорил ему: «Или заставь ее любить меня, или сделай своим искусством то, чтобы муж бросил ее». Чародей, получив от него хорошую плату, употребил свои чары и заклинания. Но, не могли возбудить любви в ее сердце, он сделал, что всем, кто только смотрел на нее, она казалась лошадью. Муж ее, пришедши домой, увидел жену свою в образе лошади. Позвав пресвитеров селения, он ввел их в свой дом и показал им ее, но и они не поняли постигшего ее несчастья. Наконец, к прославлению Бога и к явлению добродетели святого Макария, пришло на мысль мужу отвести ее в пустыню к преподобному.

Когда они пришли, братья стояли у келии святого Макария и, не допуская мужа этой женщины, говорили ему: «Зачем ты привел сюда эту лошадь?» Муж отвечал им: «Чтобы помогли ей молитвы праведного». Они сказали ему: «Что с ней случилось худого?» Он отвечал: «Эта лошадь, которую вы видите, была несчастная жена моя, и я не знаю, как она обратилась в лошадь. Ныне вот уже три дня, как она ничего не ела». Братья, услышав сие, сказали об этом рабу Христову Макарию, который молился уже об этой женщине в своей келии, ибо, когда они еще шли к нему, ему было уже откровение от Бога. Он молился, чтобы ему открыта была причина случившегося, и во время молитвы узнал он все, как что было. Когда же братья объявили святому Макарию, что кто-то привел сюда лошадь, он сказал им: «Вы смотрите не своими глазами: это женщина, какою и создана, она не превратилась [в лошадь], а только глазам обольщенных кажется такою». Когда привели к нему ее, он благословил воду и, облив женщину с головы, помолился над ее головою и тотчас сделал, что все смотревшие на нее увидели в ней женщину. Приказав принести ей пищу, он дал ей есть и, таким образом исцелив ее, отпустил с мужем, и они благодарили Бога. А человек Христов дал ей следующее наставление: «Никогда не оставляй посещать церковь, никогда не уклоняйся от приобщения Христовых Таин; несчастье случилось с тобою оттого, что ты уже пять недель не приступала к Пречистым Тайнам Спасителя нашего».

Вот другое деяние великого его подвижничества. Долгое время жизни своей он делал подземный проход, простиравшийся от его келии на полстадии³⁶, и на конце сего прохода устроил большую пещеру. Когда очень многие беспокоили его, он тайно уходил из своей келии в пещеру, и уже никто не находил его. Один из ревностных учеников Макария рассказывал нам, что святой, пока шел подземным ходом до пещеры, совершал двадцать четыре молитвы и столько же на возвратном пути.

О нем прошел слух, что он воскресил даже мертвого для убеждения одного еретика, отвергавшего воскресение тел (об этом чуде подробно рассказывает Руфин). Этот слух был очень силен в пустыне.

Однажды к сему святому мужу был приведен бесноватый юноша. Привела его мать, которая горько рыдала о нем. Его с двух сторон держали двое других юношей. Демон (обитавший в нем) имел такую силу, что, съевши три меры хлеба и выпивши киликийское ведро воды, то и другое извергал и обращал в пар. Съеденное и выпитое им было истребляемо как огнем. (Действительно, есть особый разряд демонов, называемый огненным. Между демонами, как и между людьми, есть различия, зависящие, впрочем, от разности не в существе, а в воле.) Упомянутый юноша, когда не получал достаточного количества пищи от матери, часто ел свое извержение и пил свою мочу. Как мать с плачем и стенаниями о чрезвычайном несчастье своего сына долго просила и молила святого помочь ему, то непобедимый подвижник Христов Макарий, взяв к себе юношу, усердно помолился о нем Богу, и чрез день или два демон перестал мучить его. Тогда святой Макарий сказал матери юноши: «Сколько хочешь, чтобы ел сын твой?» Она отвечала: «Молю тебя, вели ему есть по десяти фунтов хлеба». Святой,

³⁶ Стадия – мера длины, равная 189 м.

сильно упрекнув ее за то, что она назначила много, сказал: «Что ты это сказала, женщина!» Помолившись о юноше семь дней с постом и изгнавши из него лютого демона многоядения, святой определил ему меру пищи до трех фунтов хлеба, которые он должен был употреблять, делая свое дело. Таким образом, разрушитель всякого демонского действия – подвижник Христов Макарий, по благодати Божией и богоугодному своему житию исцелив юношу, отдал его матери.

Такие-то славные чудеса совершил Бог чрез верного угодника Своего Макария, которого бессмертная душа пребывает теперь с Ангелами. Я не видел сего святого, ибо за год до моего прихода в пустыню почил этот победитель безумных страстей.

Лествица

Слово 7. О радостотворном плаче

1. Плач по Богу есть сетование души, такое расположение болезненного сердца, которое с иступлением ищет того, чего оно жаждет, и, не находя его, с трудом за ним стремится, и горько рыдает вслед его. Или иначе: плач есть золотое жало, уязвлением своим обнажающее душу от всякой земной любви и пристрастия и в назирании сердца святою печалию водруженное.

2. Умиление есть непрестанное мучение совести, которое прохладяет сердечный огонь мысленною исповедью пред Богом. Исповедь есть забвение естества, как некто *забыл снести хлеб свой* (ср.: Пс. 101, 5).

3. Покаяние есть бескорбное отвержение всякого утешения телесного.

4. Свойство преуспевающих еще в блаженном плаче есть воздержание и молчание уст, преуспевших – безгневие и непамятозлобие, а совершенных – смиренномудрие, жажда бесчестий, произвольная алчба невольных скорбей, неосуждение согрешающих, милосердие превыше силы. Достойны одобрения первые, достохвальны вторые, но блаженны алчущие скорби и жаждущие бесчестий, ибо они насытятся пищею ненасыщаемою.

5. Достигши плача, всю силою храни его, ибо прежде совершенного усвоения он весьма легко теряется, и, как воск тает от огня, так и он легко истребляется от молвы, попечений телесных и наслаждения, в особенности же от многословия и смехотворства.

6. Источник слез после крещения больше крещения, хотя сии слова и кажутся несколько дерзкими. Ибо крещение очищает нас от прежде бывших зол, а слезы очищают грехи, сделанные и после крещения. Крещение приняв в младенчестве, мы все осквернили его, а слезами снова очищаем его. И если бы человеколюбие Божие не даровало нам оных, то поистине редки были бы и едва обретались бы спасающиеся.

7. Воздыхания наши и сетования вопиют ко Господу, слезы, происходящие от страха, ходатайствуют о нас, а те, которые от всесвятой любви, являют нам, что моление наше принято.

8. Если ничто так не согласно со смиренномудрием, как плач, то, без сомнения, ничто столько не противится ему, как смех.

9. С усилием держи блаженную радостную печаль святого умиления и не переставай упражняться в сем делании, пока оно не поставит тебя выше всего земного и не представит чистым Христу.

10. Не переставай воображать и вспоминать бездну темного огня, немилостивых служителей, Судию немилосердного и неумолимого, бесконечную глубину преисподнего пламени и тесные сходы в подземные места, ужасные пропасти и другое сему подобное, чтобы гнездящаяся в душе нашей похотливость истребилась великим страхом, и душа соединилась с нетленною чистотою, и приняла в себя сияние невещественного света, блистающего паче всякого огня.

11. На молитве стой с трепетом, как осужденный преступник стоит пред судьейю, чтобы тебе и внешним видом, и внутренним устройением угасить гнев Праведного Судии, ибо Он не может презреть душу-вдовицу, предстоящую Ему с болезненным чувством и утруждающую Неутруждаемого.

12. Кто приобрел душевные слезы, тому всякое место угодно к плачу, а у кого делание только внешнее, тому всегда надобно будет избирать приличные места и положения. Как скрытое сокровище не столько подвержено хищению, сколько лежащее на торжище, так должно разуметь и о вышесказанном.

13. Не подражай погребающим мертвых, которые то плачут о них, то ради них упиваются, но будь подобен узникам в рудокопнях, ежечасно получающим удары от приставников.

14. Кто иногда плачет, а иногда наслаждается и говорит смешное, тот вместо камней бросает хлебом на пса сластолюбия: повидимому он отгоняет его, но самым делом привлекает его к себе.

15. Сетуй внутренно, но не выказываясь, а углубляясь в сердце свое, ибо бесы боятся сетования, как тати – псов.

16. Не на брачный пир, о друзья, не на брачный пир мы приглашены; но, Призвавший нас сюда поистине призвал на плач о самих себе.

17. Некоторые, когда плачут, безвременно понуждают себя в это блаженное время не иметь совершенно никакого помышления, не разумея того, что слезы без помышлений свойственны бессловесному естеству, а не разумному. Слеза есть порождение помышлений, а отец помышлений есть смысл и разум.

18. Ложась на постель, воображай твое возлежание во гробе – и будешь меньше спать. Когда сидишь за столом, приводи себе на память плачевную трапезу червей – и ты будешь меньше наслаждаться. Когда пьешь воду, не забывай о жажде в пламени неугасающем – и, без сомнения, понудишь самое свое естество.

19. При досточестном бесчестии, досаждении и выговоре от настоятеля представим себе страшный приговор оного Судии, и всеваемую в нас безрассудную печаль и огорчение без сомнения, посечем кротостию и терпением, как обоюдоострым мечом.

20. *Временем оскудевает море* (Иов. 14, 11), – говорит Иов; временем и терпением мало-помалу снискиваются нам и приходят в совершенство добродетели, о которых говорим.

21. Воспоминание о вечном огне каждый вечер да засыпает с тобою и вместе с тобою да восстает – и леность никогда не будет обладать тобою во время псалмопения.

22. Да возбуждает тебя к деланию плача самая одежда твоя, ибо все оплакивающие умерших одеваются в черное. Если ты не имеешь плача, то плач об этот самом; если же имеешь плач, то еще более плач о том, что из беструдного состояния ты сам низвел себя согрешениями твоими в состояние труда и печали.

23. Благий и праведный наш Судия как во всем, так, без сомнения, и в плаче судит по мере сил естества, ибо я видел, что иные источают малые слезные капли, как капли крови, а другие без труда проливают целые источники слез. Но я судил о труждающихся более по труду, а не по слезам. Думаю, что и Бог так же судит.

24. Плачущим неприлично богословствовать, ибо этим истребляются их слезы. Богословствующий подобен сидящему на учительской кафедре, а плачущий – пребывающему на гноище и во вретнице. По сей-то причине, как думаю, и Давид, хотя был учитель и муж премудрый, но, когда плакал, отвечал вопрошавшим: *Како воспую песнь Господню на земли чуждей* (Пс. 136, 4), т. е. в страстном состоянии?

25. Как во внешнем творении, так и в умилении есть самодвижное и есть движимое от иного чего-либо. Когда душа и без нашего страдания и попечения бывает склонна к слезам, мягка и проникнута умилением, тогда поспешим, ибо Господь пришел к нам и без нашего зова и дал нам губу боголюбезной печали и прохладную воду благочестивых слез на изглаждение рукописания согрешений. Храни сей плач, как зеницу ока, пока он мало-помалу от тебя не отойдет, ибо велика сила оного и далеко превосходит силу того плача, который приходит от нашего тщания и умышления.

26. Не тот достиг совершенства плача, кто плачет, когда хочет, но кто плачет, о чем хочет (т. е. о чем-либо душевнополезном). Даже и тот еще не достиг совершенства плача, кто плачет, о чем хочет, но кто плачет, как Бог хочет. С богоугодным плачем часто сплетается гнуснейшая слеза тщеславия; и сие на опыте благочестно узнаем, когда увидим, что мы плачем и предаемся гневливости.

27. Истинное умиление есть болезнование души, которая не возносится и не дает себе никакого утешения, но ежечасно воображает только исход свой из сего мира. И от Бога, утешающего смиренных иноков, ожидает утешения, как прохладной воды.

28. Стяжавшие плач в чувстве сердца возненавидели самую жизнь свою (как исполненную труда и причину слез и болезней), тела же своего отвращаются, как врага.

29. Если мы в тех, которые думают, что плачут по Богу, видим гнев и гордость, то слезы таковых должны считать неправильными: *кое бо общение свету ко тьме* (2 Кор. 6, 14)?

30. От ложного умиления рождается возношение, а от истинного – утешение.

31. Как огонь пожигает хворост, так и чистые слезы истребляют всякие внешние и внутренние скверны.

32. Многие из отцов говорят, что значение слез, особенно у новоначальных, темно и неудобопостижимо, и что они происходят от многих и различных причин: от естества, от Бога, от неправильной скорби и от скорби истинной, от тщеславия, от блудной страсти, от любви, от памяти смерти и от многих других побуждений.

33. Исследовав все сии побуждения слез посредством страха Божия, постараемся приобрести те чистые и нелестные слезы, которые рождаются от размышления о разлучении нашем от тела, ибо в них нет ни окрадения, ни возношения, но очищение, преуспеяние в любви к Богу, омовение от грехов и освобождение от страстей.

34. Не удивительно начинать плач слезами добрыми, а оканчивать неправильными, но достойно похвалы от неправильных или естественных слез переходить к духовному плачу. Смысл сказанного ясен для тех, которые склонны к тщеславию.

35. Не верь слезам твоим прежде совершенного очищения от страстей, ибо то вино еще не надежно, которое прямо из точила заключено в сосуд.

36. Никто не может противоречить тому, что полезны все слезы наши по Богу, но какая именно польза от них бывает, это мы узнаем во время своего исхода.

37. Кто пребывает во всегдашнем плаче по Богу, тот не перестает ежедневно (духовно) праздновать, а кто всегда празднует телесно, того ожидает вечный плач.

38. Нет радости для осужденных в темнице, нет праздника на земле и для истинных монахов. Посему-то сладко плачущий пророк и говорит со стенанием: *Изведи из темницы души мою* (Пс. 141, 8) в радость неизреченного Твоего света.

39. Будь как царь в сердце твоём, сидя на высоком престоле смирения, и повелевай смеху: *иди, и идет*; и плачу сладкому: *прииди и приходит*; и телу, сему рабу и мучителю нашему: *сотвори сие и сотворит* (ср.: Мф. 8, 9).

40. Кто облекся в блаженный, благодатный плач, как в брачную одежду, тот познал духовный смех души (т. е. радость).

41. Есть ли такой инок, который бы все время свое в монашестве провел столь благочестиво, что ни дня, ни часа, ни мгновения никогда не потерял, но все время свое посвящал Господу, помышляя, что невозможно в сей жизни увидеть дважды один и тот же день?

42. Блажен инок, могущий взирать очами души на умные Силы; но тот поистине предохранен от падения, который, вследствие памятования смерти и грехов своих, всегда орошает ланиты свои живыми водами чувственных очей. И трудно мне поверить, чтобы первое устройство могло произойти (и быть твердым) без последнего.

43. Видал я просителей и бесстыдных нищих, красноречивыми словами вскоре преклонивших сердца и самих царей на милость; и видал я нищих и скудных в добродетели, которые не красноречивыми, но смиренными, неясными и недоумения исполненными словами, из глубины безнадежного сердца, бесстыдно и неотступно зывали к Царю Небесному и как бы насильно исторгали милость у Того, Которого естество не подвержено никакому понуждению.

44. Кто слезами своими внутренне гордится и осуждает в уме своем неплачущих, тот подобен испросившему у царя оружие на врага своего и убивающему им самого себя.

45. Бог не требует, братия, и не желает, чтобы человек плакал от болезни сердца, но чтобы от любви к Нему радовался душевным смехом. Отыми грех – и излишни будут болезненные слезы чувственным очам, ибо когда нет раны, то не нужен и пластырь. У Адама прежде преступления не было слез, как не будет их и по Воскресении, когда грех упразднится, ибо тогда *отбежит болезнь, печаль и воздыхание* (см.: Ис. 35, 10).

46. Видел я в некоторых плач и видел других, которые плакали о том, что не имели плача. Сии последние, хотя и имеют плач, думают, что оно не имеют, и добрым неведением своим сохраняются от окрадения. О них-то сказано: *Господь умудряет слепцы* (Пс. 145, 8).

47. Часто случается, что и слезы надмевают легкомысленных, потому они и не даются некоторым. Таковые, стараясь снискать и не находя их, окаявают себя, осуждают и мучат себя воздыханиями и сетованием, печалию души, глубоким сокрушением и недоумением. Все сие безопасно заменяет для них слезы, хотя они ко благу своему вменяют это ни во что.

48. Если будем наблюдать, то найдем, что бесы часто горько над нами насмеваются. Ибо когда мы насытились, они возбуждают в нас умиление, когда же постимся, ожесточают нас, чтобы мы, прельстившись ложными слезами, предалися наслаждению – матери страстей. Но им не должно покоряться, а делать противное.

49. Размышляя о свойстве умиления, изумляюсь тому, каким образом плач и так называемая печаль заключают в себе радость и веселие, как мед заключается в соте. Чему же из сего научаемся? Тому, что такое умиление есть поистине дар Господень. Нет тогда в душе бессладостной сладости, потому что Бог утешает сокрушенных сердцем сокровенным образом. Для показания силы истинного плача и от сокрушения проистекающей пользы выслушаем следующую душеполезную и трогательную повесть.

50. Жил здесь некто Стефан, который, любя пустынное и безмолвное житие, многие лета провел в монашеских подвигах и просиял различными добродетелями, в особенности же украшен был постом и слезами. Он имел прежде келлию на скате святой горы, где жил некогда св. пророк и Боговидец Илия. Но потом сей достохвальный муж принял намерение действительнейшего, суровейшего и строжайшего покаяния и удалился в местопребывание отшельников, называемое Сиддин, и там провел несколько лет самой строгой и суровой жизни, ибо то место лишено было всякого утешения и удалено было от всякого пути человеческого, так как находилось в расстоянии семидесяти поприщ от селений. Перед кончиною своею старец возвратился в келлию свою на святой горе, где имел и двух учеников из Палестины, весьма благоговейных, которые охраняли келлию старца в его отсутствии. Прожив там немного дней, старец впал в болезнь и скончался. За день же до кончины своей он пришел в исступление и с открытыми глазами озирался то на правую, то на левую сторону постели своей и, как бы истязуемый кем-нибудь, он вслух всех предстоявших говорил иногда так: «Да, действительно это правда; но я постился за это столько-то лет»; а иногда: «Нет, я не делал этого, вы лжете»; потом опять говорил: «Так, истинно так, но я плакал и служил братиям»; иногда же возражал: «Нет, вы клеветаете на меня». На иное же отвечал: «Так, действительно так, и не знаю, что сказать на сие, но у Бога есть милость». Поистине страшное и трепетное зрелище было сие невидимое и немилостивое истязание, и что всего ужаснее, его обвиняли и в том, чего он и не делал. Увы! безмолвник и отшельник говорил о некоторых из своих согрешений: «Не знаю, что и сказать на это», хотя он около сорока лет провел в монашестве и имел дарование слез. Увы мне! Увы мне! Где было тогда слово Иезекииелево, чтобы сказать истязателям: *в чем застану, в том и сужу, глаголет Бог* (ср.: Иез. 33, 20). Ничего такого не мог он сказать. А почему? Слава Единому Ведающему. Некоторые же, как пред Господом, говорили мне, что он (Стефан) и леопарда кормил из рук своих в пустыне. В продолжении сего истязания душа его разлучилась с телом, и неизвестно осталось, какое было решение и окончание сего суда и какой приговор последовал?

51. Как вдова, лишившаяся мужа и имеющая едиnorodного сына, в нем одном по Боге имеет утешение, так и для падшей души нет иного утешения при исходе из тела, кроме трудов поста и слез (покаяния).

52. Плачущие не воспоят и не воскликнут в песнях, ибо сим истребляется плач. Если же ты этими средствами стараешься призывать его, то ты далеко еще от сего делания, ибо плач есть укоренившаяся от навыка скорбь души, имеющей в себе огонь (Божественный).

53. Плач бывает у многих предтечею блаженного бесстрастия, предукрасив, предпочистив душу и потребив вещество (т. е. страсти).

54. Один искусный делатель сего добра сказывал мне: «Когда я чувствовал стремление к тщеславию, или ко гневу, или к насыщению чрева, тогда помышление о плаче внутренне обличало меня и говорило: “Не предавайся тщеславию, иначе я оставлю тебя”. Подобным образом удерживало оно меня и от других страстей. А я говорил ему: “Никогда не преслушаю тебя, пока не представишь меня Христу”».

55. Итак, в бездне плача находится утешение, и чистота сердца получает просвещение. Просвещение же есть неизреченное действие, неведомым образом понимаемое и невидимо зримое. Утешение есть прохладение болезнующей души, которая, как младенец, и плачет внутренне, и вместе радостно улыбается. Заступление есть обновление души, погруженной в печаль, которое чудным образом превращает болезненные слезы в сладостные.

56. Слезы об исходе из сей жизни рождают страх, а когда страх породит безбоязненность (т. е. упование), тогда воссияет радость; когда же достигнет конца радость нескончаемая, прозябает цвет святой любви.

57. Рукою смирения отвергай приходящую радость, как недостойный ее, чтобы не обольститься ею и не принять волка вместо пастыря.

58. Не стремись к видению не во время видения. Пусть лучше само оно, привлеченное красотой твоего смирения, придет к тебе, обнимет тебя и соединиться с тобою чистейшим браком на веки веков.

59. С самого начала, когда младенец начнет познавать отца своего, он весь бывает исполнен радости и печали: радости, потому что опять зрит вожделенного, а печали, потому что столь долгое время лишен был видения любезнейшей ему красоты. Матерь также иногда скрывает себя от младенца, и видя, с какою скорбью он ищет ее, веселится, и таким образом учит его всегда прилепляться к ней, и сильнее воспламеняет любовь его к себе. *Имей уши слышати, да слышит* (Мф. 13, 9), глаголет Господь.

60. Осужденный преступник, который выслушал смертный приговор, не будет уже заботиться об учреждении зрелищ, и истинно плачущий не обратится ни к наслаждениям чувственным, ни к славе, ни к гневу и вспыльчивости. Плач есть укоренившаяся скорбь кающейся души, которая на всякий день прилагает скорбь к скорби, по подобию рождающей и страждущей жены.

61. Праведен и преподобен Господь: безмолвствующему с рассуждением Он премудро дарует умиление и благоразумно повинующегося ежедневно веселит. А кто ни того, ни другого пути не проходит законным образом, тому плач не дается.

62. Отгоняй (адского) пса, который приходит во время глубочайшего плача и представляет тебе Бога неумолимым и немилосердым. Наблюдая за ним, ты увидишь, что он же прежде грехопадения называет Бога человеколюбивым, милосердым и снисходительным.

63. От всегдашнего упражнения рождается навык, навык обращается в чувство, а что делается в чувстве, то бывает неудобоотъемлемо.

64. Хотя бы мы и великие подвиги проходили в жизни нашей, но если мы не приобрели болезнующего сердца, то все они притворны и суетны; ибо тем, которые, так сказать, после омовения осквернились, необходимо, поистине необходимо очистить руки свои неослабным огнем сердечным и елеем милости Божией.

65. Видел я в некоторых крайний предел плача: от скорби болезненного и уязвленного сердца они чувственным образом извергали кровь из уст. Видя это, я вспомнил сказавшего: *Уязвлен бых яко трава, и изсше сердце мое* (Пс. 101, 5).

66. Слезы от страха сами в себе имеют трепет и хранение; слезы же от любви прежде совершенной любви в некоторых людях бывают окрадываемы, разве только великий оный и приснопамятный огонь возжжет сердце во время действия. И поистине удивительно, как смиреннейшее в свое время бывает тверже.

67. Есть вещи, которые иссушают источники наших слез, и есть другие, которые рожают в них тину и гады. Чрез первые Лот беззаконно совокупился с дочерьми, а чрез вторые диавол пал с неба.

68. Велика злоба наших врагов, так что они матерей добродетелей делают матерями зол и средства к достижению смирения превращают в источник гордости. Часто самые местоположения жилищ наших и вид их призывает сердца к умилению; в этом уверяет нас пример Иисуса, Илии и Иоанна, молившихся в уединении. Но я видел, что у некоторых и в городах, и среди молвы возбуждаются слезы. Это бывает по злоумышлению лукавых бесов, чтобы мы подумали, будто никакого вреда не получаем от этой молвы, и чтобы сближались с миром.

69. Часто одно слово истребляет плач; но было бы чудно, если бы одно же слово и возвращало оный.

70. Мы не будем обвинены, о братия, не будем обвинены при исходе души нашей за то, что не творили чудес, что не богословствовали, что не достигли видения, но, без сомнения, дадим Богу ответ за то, что не плакали беспрестанно о грехах своих.

Степень седьмая. Сподобившийся достигнуть ее и мне да поможет, ибо сам он получил уже помощь, омывшись на сей седьмой степени от скверн века сего.

Сщмч. Иоанн Восторгов. Православие – вера подвижническая

Во дни святого и Великого поста Церковь как бы с особенным ударением и настойчивостью указывает сынам своим на отличительное свойство святого Православия как веры по преимуществу аскетической. Заклучая и как бы увенчивая первую седмицу поста днем Торжества Православия, Церковь не ограничивается только известным историческим воспоминанием Собора 842 г., давшаго и повод и повеление для установления этого торжества, во второе воскресенье Св. Церковь указывает на монашество в лице святого Григория Паламы как на пример подвига, в третье воскресенье – на святой Крест как основание, смысл и освящение подвига, в следующие воскресные дни – на величайших подвижников: Иоанна Лествичника, Марию Египетскую, пока не приведет нас к поклонению подвигам и страстям Самого Подвигоположника Христа.

Церковь постоянно говорит о Православии. Для нее это не «восточная форма исповедания христианства», как любят выражаться действительные и мнимые ученые, – ибо в деле истины Божией и вечного спасения ни Восток, ни Запад не при чем, – для Церкви Православие есть «благочестие», и она в этом слове повторяет слово святого апостола, возвещающего: *Велия благочестия тайна – Бог явися во плоти* (1 Тим. 3, 16). Именем благочестивых и благоверных она именует царей, понимая под этим не безгрешность, как в неразумии насмеваются кощунствующие хулители Церкви, – ибо до смерти никого нельзя признать в этом смысле святым, – а именно Православие царей православного народа.

Именем благочестивых и благоверных и называются не одни цари, называемся все мы, в благочестивой вере живущие, и все, в «благочестивой вере скончавшиеся»: «Господи, спаси благочестивыя», – возглашается в церковном молении.

Высоко ценит святая Церковь свое Православие. Она отстаивала его на Вселенских Соборах ценою наивысшего напряжения всех сил. Она прославляет в веках и родах всех подвижников Православия. Она устами златоустого своего отца и учителя Вселенной завещала нам великое слово о том, что отступление от Православной веры не может быть искуплено и заглажено даже мученической кровью, а устами одного из простых по образованию ума, но великих сердцем, постигшего дух Церкви (прп. Агафона), засвидетельствовала, что можно и должно по смирению признать за собою укоризненные названия и невежды, и глупца, и сварливого, и грешного, и вора, и убийцы, – но только не еретика...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.